

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2025

№ 56

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 46014

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шифиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Васильев С.А. Правовые аспекты государственного языка и языка общения в процессе реинтеграции Крыма в Россию	5
Князьков А.С. Проблемы криминалистической методики судебного производства по уголовным делам	12
Куликов А.В., Валов К.В. Частичная декриминализация преступлений коррупционной направленности на примере института административной преюдиции в зарубежном уголовном законодательстве	32
Сквозников А.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых коммуникаций	43
Старостин С.А. Ещё раз о чрезвычайных административно-правовых режимах (на примере разлива мазута в Чёрном море)	56
Уткин В.А. Пробация и пробационная криминология	73
Шарипова А.Р. Недоказательственное значение вещественных доказательств в уголовном процессе	83

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Алиев Т.Т., Алиев Р.Т. Правовое регулирование вопросов судебной защиты интеллектуальных прав в странах – участницах Евразийского экономического союза	95
Головина С.Ю. Правовые средства предотвращения профессионального выгорания медицинских работников	104
Имекова М.П. Механизм частноправового обеспечения строительства	120
Миронова С.М., Кожемякин Д.В. Региональные рынки труда и их правовое регулирование	128
Сигаева Т.А. Акты материального и процессуального законодательства как формы упорядочивания процессуальных норм белорусского транспортного права	142

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Vasilyev S.A. Legal aspects of the State language and the language of communication in the process of Crimea's reintegration into Russia	5
Knyazkov A.S. Problems of criminalistic methods of judicial proceedings in criminal cases	12
Kulikov A.V., Valov K.V. Partial decriminalization of corruption-related crimes using the example of the institution of administrative prejudice in foreign criminal legislation	32
Skvoznikov A.N. Protecting the right to privacy in the age of digital communications ..	43
Starostin S.A. Once again about emergency administrative and legal regimes (using the example of a fuel oil spill in the Black Sea)	56
Utkin V.A. Probation and probation criminology	73
Sharipova A.R. Non-evidential significance of material evidence in criminal proceedings	83

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Aliev T.T., Aliev R.T. Legal regulation of judicial protection of intellectual property rights in the member States of the Eurasian Economic Union	95
Golovina S.Yu. Legal means to prevent professional burnout of medical workers	104
Imekova M.P. The mechanism of private law provision of construction	120
Mironova S.M., Kozhemyakin D.V. Regional labor markets and their legal regulation	128
Sigaeva T.A. Acts of substantive and procedural legislation as a form of streamlining the procedural norms of Belarusian transport law	142

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 342

doi: 10.17223/22253513/56/1

Правовые аспекты государственного языка и языка общения в процессе реинтеграции Крыма в Россию

Станислав Александрович Васильев^{1,2}

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{1,2} mnogoslov@mail.ru

Аннотация. В настоящее время можно наблюдать существенную трансформацию публичных отношений в глобальном масштабе. Один из самых активных действующих субъектов в этой части – Российская Федерация, которая в 2014 г. включила в свой состав Крымский полуостров, в 2022 г. – ряд регионов юго-востока Украины на основании свободного волеизъявления населения данных территорий. Одной из основных причин такого коллективного решения является возможность свободного использования родного языка. Однако недостаточно просто присоединить территории, необходимо наладить ряд других социально значимых процессов. Так, отдельные аспекты вхождения Республики Крым и города Севастополя даже организационно полностью не завершены за почти 10 лет пребывания в российских юридических реалиях. Основным результатом проведенного исследования является вывод о завершенности процесса реинтеграции Крымского полуострова в состав России в области правового регулирования использования языка общения на разных уровнях. При этом Украина делает все для того, чтобы жители указанной спорной территории все больше и больше убеждались в целесообразности нахождения в составе Российской Федерации. Гонения по признаку русского языка уже не являются какой-то девиацией, это легализованный на законодательном уровне Украины процесс. Данное обстоятельство последовательно рассматривается в настоящей работе. Новизна: впервые проведен сравнительно-правовой анализ нормативных актов России и Украины о языке. Однако сделано это с целью выявления причин, способствующих процессу реинтеграции населения Крымского полуострова в зону юрисдикции Российской Федерации. При этом в отдельных случаях государство стремится регулировать не только использование государственного языка в ходе взаимодействия с публичной властью, но и между людьми в процессе обучения, распространения информации рекламного или иного характера и пр. Методологической основой проведения исследования является сравнение ряда нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации и Украины, а также Республики Крым и города Севастополя. Основной целью такой работы выступает выявление юридических основ фиксации реинтеграции Крымского полуострова в состав России с точки зрения завершенности данного процесса

Ключевые слова: реинтеграция, Крым, Севастополь, язык, закон о языке, ограничения, право общения

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00016, <https://rscf.ru/project/24-28-00016/>.

Для цитирования: Васильев С.А. Правовые аспекты государственного языка и языка общения в процессе реинтеграции Крыма в Россию // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 5–17. doi: 10.17223/22253513/56/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/1

Legal aspects of the State language and the language of communication in the process of Crimea's reintegration into Russia

Stanislav A. Vasilyev^{1,2}

¹ *Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation*

² *Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation*

^{1,2} *mnogoslov@mail.ru*

Abstract. Currently, a significant transformation of public relations on a global scale can be observed. One of the most active actors in this area is the Russian Federation, which incorporated the Crimean Peninsula in 2014, and a number of regions of southeastern Ukraine in 2022 based on the free expression of the will of the population of these territories. One of the main reasons for such a collective decision is the possibility of free use of the native language. However, it is not enough just to annex territories, it is necessary to establish a number of other socially significant processes. Thus, some aspects of the incorporation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol have not even been fully completed organizationally during their almost 10 years in the Russian legal reality.

The main result of the study is the conclusion that the process of reintegration of the Crimean Peninsula into Russia has been completed in the field of legal regulation of the use of the language of communication at different levels. At the same time, Ukraine is doing everything to ensure that the residents of this territory are more and more convinced of the expediency of being part of the Russian Federation. Persecution based on the Russian language is no longer some kind of deviation, it is a process legalized at the legislative level of Ukraine. This circumstance is consistently considered in this work.

The novelty of the research lies in the fact that for the first time a comparative legal analysis of the normative acts of Russia and Ukraine on language has been carried out. However, this was done in order to identify the reasons contributing to the process of reintegration of the population of the Crimean Peninsula into the jurisdiction of the Russian Federation. At the same time, in some cases, the state seeks to regulate not only the use of the state language during interaction with public authorities, but also between people in the process of learning, distributing information of an advertising or other nature, etc. The methodological basis of the research in this article is a comparison of a number of regulatory legal acts in force on the territory of the Russian Federation and Ukraine, as well as the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The main purpose of this work is to identify the legal basis for fixing the reintegration of the Crimean Peninsula into Russia in terms of the completeness of this process.

The work consists of a classical introduction and conclusion, and the main part is divided into comparisons of Russian and Ukrainian national regulatory legal regulation, as well as a comparative legal analysis of the regional legislation of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol in terms of ensuring the most favorable conditions for citizens to use the language of communication.

Keywords: reintegration, Crimea, Sevastopol, language, law on language, restrictions, right of communication

Financing: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00016, <https://rscf.ru/project/24-28-00016/>.

For citation: Vasilyev, S.A. (2025) Legal aspects of the State language and the language of communication in the process of Crimea's reintegration into Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/1

Введение

Язык является одной из важнейших составляющих идентификации личности, этноса, народности. Возможность общаться на родном языке – острая проблема, из-за которой в истории России нередко имели место конфликты различных масштабов. Из-за особого отношения к отдельным политическим решениям люди отказываются общаться на родном языке. Вместе с тем в экстремальных случаях человек использует родную речь. В процессе воссоединения Крымского полуострова с Российской Федерацией именно возможность общаться на родном языке являлась одной из причин принятия известного решения на референдуме 18 марта 2014 г. До, а особенно после этого события высшее руководство Украины умышленно ограничивало употребление русского языка, искусственно насаждая украинский. Вместе с тем, например, Севастополь всегда считался русским городом, не принимавшим такого рода государственные действия. Аналогичная ситуация констатируется по отношению к основной части населения Республики Крым. Прошло уже больше 10 лет нахождения указанных территорий в составе России. Представляется целесообразным оценить, насколько эффективно прошли интеграционные процессы в рассматриваемой сфере и каким образом строятся взаимоотношения населения и органов публичной власти относительно возможностей общения.

Основная часть

1. **Общегосударственный уровень.** Частью 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации установлена возможность для каждого использования своего родного языка в самых разных целях, включая образовательный и воспитательный процессы, творчество и даже обыкновенное бытовое общение. Отсюда следует, что не может быть каких-либо ограничений и дискриминации по данному признаку со стороны государственных и иных властных структур. Данное обстоятельство вполне объяснимо в условиях того, что по

ст. 3 отечественного акта высшей юридической силы единственным источником власти и обладателем суверенитета является именно многонациональный народ. В статье 68 рассматриваемого документа русский язык установлен в качестве государственного, республикам в составе Федерации предоставлена возможность установления собственного государственного языка наряду с русским, а также действует конституционная гарантия сохранения языков народов России.

На основании ст. 10 Конституции Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР¹ государственным языком на территории соответствующей страны выступает украинский. В развитие данной нормы компетентные публично-властные структуры обеспечивают свободное использование и развитие других языков национальных меньшинств, прежде всего русского. Вместе с тем в основном законе рассматриваемой страны закреплено, что одной из государственных функций является обеспечение всестороннего распространения украинского языка абсолютно во всех сферах общественной жизни. Отсюда следует, что публичная власть на конституционном уровне ставит задачу искусственного насаждения определенного формата общения [1].

В обоих государствах действуют специальные нормативные правовые акты о государственном языке: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»² (далее – Закон России о языке), Закон Украины от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного»³. Обращает на себя внимание существенное отличие количества нормативно установленных правил поведения: украинский документ гораздо объемней российского – 57 статей против 6 соответственно.

Также следует отметить, что до введения последнего законодательного акта действовал Закон Украины от 3 июля 2012 г. № 5029-VI «Об основах государственной языковой политики»⁴ (далее – Закон Украины 2012), который в целом более лояльно регулировал особенности жизни национальных и территориальных меньшинств, предоставляя им многообразие возможностей использования средств коммуникации, что видно даже при сравнении названий данных документов.

¹ Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР (ред. от 10 февраля 2021 г.) // Сайт urst.com.ua. URL: <https://urst.com.ua/> (дата обращения: 10.12.2022).

² О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2005. 6 июня. № 23. Ст. 2199.

³ Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного: Закон Украины от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII // Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/2704-19>. (дата обращения: 7.03.2023).

⁴ Об основах государственной языковой политики: Закон Украины от 3 июля 2012 г. № 5029-VI (ред. от 6 ноября 2020 г.) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). 2013. № 23. Ст. 218.

Согласно ч. 6 ст. 1 Закона Украины о языке, установлена юридическая ответственность за умышленное искажение, нарушение правил употребления данного средства общения. До принятия Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»»¹ похожая норма содержалась в ч. 1 ст. 6 Закона России о языке, но направлена она была на свободное использование русского языка, без привязки к правописанию и другим деталям. Однако и от такого требования было решено отказаться.

В пункте 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины о языке установлена роль украинского языка в качестве единственного средства межнационального общения. Другими словами, если носитель венгерского языка желает объясниться с русским, то любой из родных указанным гражданам языков будет не приемлемым и нарушающим закон. Часть 4 ст. 1 Закона России о языке позиционирует русский язык в качестве способствующего «взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве». То есть в России язык – это не императив, а средство достижения понимания. При этом если целесообразней изъясняться на другом языке, никаких ограничений для этого нет.

Статья 2 Закона Украины 2012 предусматривала в качестве государственной задачи обеспечение развития не только украинского, но и других языков, на котором разговаривали граждане этой страны. Именно через такую политику виделось укрепление межнационального и межнационального согласия. В настоящее время аналогичная норма в Законе Украины о языке отсутствует.

Более того, по п. 1 ч. 2 ст. 5 Закона Украины 2012 все языки, используемые в данной стране, признавались национальным достоянием. Указанное обстоятельство было возведено в ранг принципа, на котором основывалось осуществление деятельности органов государственной власти.

На основании ч. 1 ст. 6 Закона Украины о языке каждый гражданин этой страны обязан владеть украинским языком. Исходя из элементарных юридических правил, неисполнение обязанности влечет за собой ответственность [2–4]. Следовательно, незнание языка может влечь санкционированное публичной властью претерпевание негативных мер. Согласно ч. 1 ст. 20 этого же нормативного правового акта, нельзя принуждать работника использовать другой язык, помимо государственного. Соответственно, принуждать использовать последний можно.

Закон России о языке такого императива не содержит. Более того, в ч. 1 ст. 3 перечислены сферы, где применение государственного языка является обязательным. Во всех остальных случаях можно осуществлять коммуникацию в любых иных форматах.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ // Российская газета. 2023. 2 марта. № 45.

Гораздо более лояльным следует признать Закон Украины 2012, который в ч. 1 ст. 11 допускал использование региональных языков в делопроизводстве не просто на уровне соответствующих территорий, но и при организации взаимодействия с общегосударственными публично-правовыми структурами.

Статья 3 этого же нормативного правового акта была полностью посвящена многообразию использования языков общения гражданами данного государства. Так, любой человек самостоятельно определял для себя родной язык, язык общения и изучения. Допускалось признание себя двуязычным или многоязычным. Можно было менять свои языковые предпочтения, свободно пользоваться любым языком. Очевидно, государственная политика Украины в данной части существенным образом трансформировалась на основании рассмотренных законодательных положений.

Согласно ст. 47 Закона Украины о языке, на территории данной страны функционирует институт уполномоченного по защите государственного языка. В пункте 4 ч. 4 указанной статьи рассматриваемого нормативного правового акта на соответствующее должностное лицо возложено полномочие по направлению в ряд органов государственной власти, включая несущую Севастопольскую городскую государственную администрацию, представлений о проведенных служебных расследованиях в отношении предполагаемых нарушителей, а также иных материалов, направленных на наложение дисциплинарных взысканий в отношении должностных лиц, если они умышленными действиями нарушили законодательство о государственном языке. Описанные представления обязательны к рассмотрению уполномоченными субъектами. В пункте 5 этого же раздела определена функция по составлению протоколов и наложения взысканий в отдельных случаях. Таким образом, можно констатировать наличие правоохранительного органа, компетентного в сфере обеспечения повсеместного использования украинского языка.

Обращает на себя внимание также норма п. 2 ч. 5 ст. 50 Закона Украины о языке, на основании которой уполномоченным по защите государственного языка не может являться лицо, которое участвовало в попытках введения официального многоязычия. Данное обстоятельство по п. 5 ч. 12 этой же статьи является основанием для досрочного прекращения полномочий указанного должностного лица. При этом сложно оценить, что понимается под попытками в данном случае, так как это может быть любое публичное высказывание о целесообразности наделения русского языка статусом регионального или языком межэтнического общения, как это было по ранее действовавшему законодательству [5. С. 73].

Согласно ч. 4 ст. 8 Закона Украины 2012, в случае нарушения языковых прав, не только в части украинского, но и других региональных языков и языков меньшинств, можно было обращаться к Уполномоченному Верховной Рады Украины по правам человека.

Другими словами, когда необходимо было защищать права на использование большого количества языков, достаточно было должностного лица с

общей юрисдикцией, занимавшегося восстановлением всех остальных нарушенных прав граждан. При изменении государственной политики в направлении обеспечения исключительности одного украинского языка, возникла необходимость введения особой должности узкого профиля. Учитывая состояние бюджета и его динамику в Украине [6], можно оценить степень важности данного вектора развития общества.

В части 1 ст. 12 Закона Украины о языке прямо указано, что на территории Республики Крым должен использоваться только украинский язык в качестве рабочего. В соответствии с ч. 1 ст. 10 Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 г. государственным языком в данном регионе наряду с русским является крымско-татарский и украинский¹. Таким образом, приведенная норма украинского права может быть реализована на территории данного региона без нарушения российского законодательства. Однако практика показывает преимущественное использование русского языка в процессе осуществления всего документооборота, делопроизводства и иной работы государственных и муниципальных структур [7].

Особое внимание крымско-татарскому языку уделено в ч. 6 ст. 23 Закона Украины о языке, регламентирующей организацию деятельности по демонстрации художественных фильмов. Если кинокартины являются национальными, то по ряду норм Закона Украины от 13 января 1998 г. № 9/98-ВР «О кинематографии»² допускается их показ именно на указанном и на других языках коренных народов Украины. Аналогичная форма применена при регламентации языка, употребляемого средствами массовой информации в ч. 5 ст. 25 Закона Украины о языке. Однако в данной норме исключение делается для английского и других языков, используемых в Европейском союзе.

По Закону Украины 2012 особо выделялся русский язык. Например, по ч. 1 ст. 10 акты органов государственной власти должны были публиковаться на государственном языке, а также на русском и иных региональных языках или языках меньшинств. В настоящее время действующее нормативное правовое регулирование данной страны такого акцента не делает.

Другим примером может служить правило ч. 3 ст. 18, согласно которому в локальных нормативных актах организаций не может ограничиваться общение сотрудников на государственном, русском и других региональных языках или языках меньшинств. То есть российский государственный язык по умолчанию ставился на второе место по своей значимости и масштабам распространения [8]. По части 1 ст. 22 рассматриваемого документа, где регламентировался язык информатики, давался закрытый перечень в следую-

¹ Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. // Официальный портал «Правительство Республики Крым». URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/39> (дата обращения: 21.01.2023).

² О кинематографии: Закон Украины от 13 января 1998 г. № 9/98-ВР (ред. от 1 декабря 2022 г.) // Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/9/98-вр> (дата обращения: 7.03.2023).

щем порядке: украинский, русский, английский. Даже основной для специфической сферы общественных отношений язык – английский [9] ставился на место после русского языка.

Трепетное отношение к украинскому языку явно просматривается в ч. 3 ст. 23 Закона Украины о языке, согласно которой допускается использование иностранного языка в определенных случаях при изготовлении афиш и подобных наглядных материалов, при этом является недопустимым использование более крупного шрифта в указанном случае по сравнению с текстом, написанном на государственном языке указанного государства. Частью 5 этой же статьи рассматриваемого общегосударственного акта в процессе организации музейного дела отведено специальное место для надписи на негосударственном языке – ниже или справа от зафиксированной на украинском информации.

В Украине имеет место массовая дискриминация в сфере образования по признаку языка и принадлежности к религиозной конфессии [10]. Так, начиная с 1992–2004 гг. проводилось закрытие русскоязычных школ, сокращение СМИ на русском языке. Закон Украины 2012 установил статус русского языка в качестве регионального наряду с венгерским, румынским и пр. [11]. Таковую систему общественных отношений фактически позволял Закон Украины от 23 мая 1991 г. № 1060-XII «Об образовании»¹, в ст. 3 которого был установлен запрет дискриминации по полу, расе, национальности и даже состоянию здоровья, но не используемого языка.

Основы отграничения украинского от русского языка были заложены задолго до возникновения намека на политическую самостоятельность украинского государства в современном понимании. Еще в 1863 г. М.Н. Катков критически оценивал попытки его обособления, прямо отмечая, что это ведет к ослаблению всех участников общественных отношений, поскольку только в конструктивном взаимодействии всех народностей и этносов состоит позитивное развитие общества в целом [12]. Воплощение в жизни воззрений 150-летней давности можно наблюдать в настоящее время.

Следует подчеркнуть, что в Законе Украины от 23 мая 1991 г. № 1060-XII «Об образовании» была отсылка к другому нормативному правовому акту – Закону Украины 2012, по ст. 20 которого провозглашалась свобода выбора языка образования, но с обязательным изучением украинского².

Действующее правовое регулирование некоторым образом отличается от того, что было раньше, в связи с чем необходимо подробно разобрать ст. 7 Закона Украины от 5 сентября 2017 г. № 2145-VIII «Про освіту»³, согласно которой все обучение проводится на украинском языке. Отдельные

¹ Об образовании: Закон Украины от 23 мая 1991 г. № 1060-XII (ред. от 26 января 2016 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30455496&show_di=1#pos=0;0 (дата обращения: 02.02.2023).

² Об основах государственной языковой политики: Закон Украины от 3 июля 2012 г. № 5029-VI (ред. от 6 ноября 2020 года) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). 2013. № 23. Ст. 218.

³ Про освіту: Закон України від 5 вересня 2017 г. № 2145-VIII (ред. от 27 октября 2022) // Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19> (дата обращения: 8.12.2022).

национальные меньшинства, к каковым относятся и считающие себя русскими, могут параллельно с украинским осваивать программу на родном языке. Для этого только в негосударственных образовательных организациях создаются специальные классы, где дети учатся с использованием понятной им речи. Однако в результате обучения все должны знать государственный язык вне зависимости от национальной и иной принадлежности. Следует также акцентировать внимание на том, что лицам с нарушением слуха и речи предоставлено право использования украинского языка жестов. В данном случае национальные меньшинства и их интересы не учитываются.

Также в этой же статье отдается приоритет английскому языку и другим языкам Европейского союза. По своему усмотрению образовательные организации могут вводить целые дисциплины на английском языке, которые будут обязательны к изучению. Дисциплины на языке национального меньшинства могут быть введены только в профессиональных и высших учебных заведениях. Для школьного образования такой возможности не предусмотрено. Вообще, языкам, на которых реализуются образовательные программы, уделяется большое внимание, поскольку ч. 7 ст. 7 Закона Украины от 5 сентября 2017 г. № 2145-VIII «Про освіту» позволяет принимать и вводить в действие иные законы, направленные на регулирование рассматриваемых общественных отношений.

Согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹, базовым языком образования также является государственный – русский. Однако в зависимости от возможностей системы образования освоение образовательных программ может осуществляться на любых других языках. Условно говоря, если в школе есть учитель, владеющий тем же украинским языком, то закон не запрещает организовать преподавание соответствующего предмета на понятной речи для всех лиц, которые обозначили такую потребность. В части 3 данной статьи прямо разрешено преподавание в республиках полностью на государственных языках соответствующих субъектов Российской Федерации.

По части 5 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образование может быть получено на иностранном языке без привязки к языку международного общения или иному территориальному образованию. Например, отдельные аспекты китайской культуры в России преподаются китайцам на их родном языке [13].

Часть 4 разд. IX Закона Украины о языке предусматривает государственную задачу обеспечения условий по изучению украинского языка лицами, проживающими на «временно оккупированных территориях» до завершения такой оккупации.

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. 31 декабря. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

2. Региональный уровень. Рассматривая региональное нормативное правовое регулирование в пределах Крымского полуострова, следует подчеркнуть, что на территории Севастополя отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, регламентирующий особенности использования языка. Традиционно в данном субъекте Российской Федерации используется исключительно русский язык, что выступает одним из наиболее значимых отличий от Республики Крым [14] и основания его обособления в качестве самостоятельного региона с параллельным обеспечением самостоятельности. Поэтому в городе федерального значения применяется общегосударственное нормативное регулирование в этой части.

В соседнем регионе помимо конституционной нормы, указанной выше, имеет место Проект Закона Республики Крым от 23 мая 2017 г. № 2-1236/30-10 «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым»¹, который до сих пор не принят. В основной своей массе он дублирует положения федерального регулирования в данной сфере с детализацией некоторых аспектов в рамках своей компетенции. Например, для сохранения, изучения и развития языков должна приниматься региональная государственная программа, которая за счет бюджетных и привлеченных внебюджетных средств может содействовать изданию литературы, проведению научных исследований, подготовке специалистов, созданию и сохранению фондов и памятников языков и т.д.

Другим примером может служить правило, согласно которому, если в органы публичного управления поступают обращения на одном из государственных языков Республики Крым, то ответ должен даваться на этом же языке. Допускаются исключения при невозможности ответить на этом же языке – письмо или иной документ готовится на русском.

Заключение

Язык – значимая составляющая общественной жизни, одно из наиболее важных средств и условий коммуникации между людьми. С момента получения суверенитета после распада СССР на территории Украины поддерживалось языковое многообразие, а украинский язык рассматривался в качестве государственного и, соответственно, обязательного только в узких сферах общественной жизни. После перехода Крымского полуострова в зону юрисдикции Российской Федерации идеи национальной исключительности и превосходства украинцев на своей территории стали усиливаться, что для русскоязычного населения региона служило дополнительным стимулом скорейшей реинтеграции с лицами, говорящими на русском языке. После

¹ О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым : Проект Закона Республики Крым от 23 мая 2017 г. № 2-1236/30-10 // Официальный портал «Правительство Республики Крым». URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/1562prz.pdf>. (дата обращения: 11.03.2023).

февраля 2022 г. искусственное насаждение украинского и всяческое ограничение использования русского языка стало интенсивнее, не только на государственно-правовом уровне. На этом основании можно сделать вывод, что не столько общественные отношения в области языка общения или государственного языка стали сферой общественных отношений, по которой можно судить о завершённой реинтеграции севастопольцев и крымчан в правовое поле России, сколько выступили в качестве стимула для окончательного принятия решения большинством населения о необходимости иметь правовые связи с нашим Отечеством, как публичным образованием, допускающим свободу языка общения и взаимодействия с государственными и муниципальными структурами.

Список источников

1. Медведев Н.П., Краснов Л.Н. Языковая политика Украины как источник этнополитической дестабилизации // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5, № 2. С. 161–169.
2. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учеб. для вузов. 10-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 528 с.
3. Общая теория права: классические и современные вопросы : учеб. М. : Юрлитинформ, 2021. 453 с.
4. Сорокин В.В. Фундаментальная теория права. М. : Юрлитинформ, 2020. 444 с.
5. Бритенкова Н.В. Положение русского языка на Украине в контексте принятия Закона «Об основах государственной языковой политики»: реакция и мнения // Этнодиалог. 2012. № 3 (40). С. 72–84.
6. Кривогуз М.И. Восемь лет после разворота на запад: экономика Украины от майдана до спецоперации // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 9–28. doi: 10.20542/2073-4786-2022-3-9-28
7. Тхабисимова Л.А. Реализация статуса государственных языков в Республике Крым // 25 лет Конституции Российской Федерации: реалии и перспективы развития. Сборник статей. Ижевск : Ижевский институт компьютерных исследований, 2019. С. 19–26.
8. Арёфьев А.Л. Русскоязычное образование на Украине – история и современность // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1090–1099. doi: 10.31857/S086958730003187-3
9. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам. М. : Проспект, 2022. 104 с.
10. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации (на примере Украины) // Геополитический журнал. 2016. № 1 (13). С. 109–113.
11. Костенко Ю.В. Языковая политика Украины на юге и востоке страны как метод этнократии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 4 (65). С. 58–65. doi: 10.21672/1818-510X-2020-65-4-058-065
12. Катков М.Н. Империя и крамола. М. : ФонДИВ, 2007. 432 с.
13. Ли Ж., Чи Б. Обучение на родном языке в высших учебных заведениях // Доклады о языковой ситуации в Китае: языковая политика : сб. ст. Серия: «中国语言生活状况报告» Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 249–271.
14. Лановая Т.В. Языковое законодательство в Республике Крым: опыт и перспективы // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Материалы Международной конференции. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. С. 115–118. doi: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-115-118

References

1. Medvedev, N.P. & Krasnov, L.N. (2018) Yazykovaya politika Ukrainy kak istochnik etno-politicheskoy destabilizatsii [Language Policy of Ukraine as a Source of Ethno-Political Destabilization]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 5(2). pp. 161–169.
2. Komarov, S.A. (2023) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. 10th ed. Moscow: Yurayt.
3. Lyubashits, V.Ya., Mordovtsev, A.Yu., Mamychyev, A.Yu. & Apolskiy, E.A. (2021) *Obshchaya teoriya prava: klassicheskie i sovremennye voprosy* [General Theory of Law: Classical and Modern Issues]. Moscow: Yurlitinform.
4. Sorokin, V.V. (2020) *Fundamental'naya teoriya prava* [Fundamental Theory of Law]. Moscow: Yurlitinform.
5. Britenkova, N.V. (2012) Polozhenie russkogo yazyka na Ukraine v kontekste prinyatiya Zakona "Ob osnovakh gosudarstvennoy yazykovoy politiki": reaktsiya i mneniya [The Situation of the Russian Language in Ukraine in the Context of the Adoption of the Law "On the Fundamentals of State Language Policy": Reaction and Opinions]. *Etnodialogi*. 3(40). pp. 72–84.
6. Krivoguz, M.I. (2022) Vosem' let posle razvorota na zapad: ekonomika Ukrainy ot maydana do spetsoperatsii [Eight Years after the Turn to the West: Ukraine's Economy from Maidan to Special Operations]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 3(56). pp. 9–28. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-9-28
7. Tkhabisimova, L.A. (2019) Realizatsiya statusa gosudarstvennykh yazykov v Respublike Krym [Implementation of the Status of State Languages in the Republic of Crimea]. In: *25 let Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: realii i perspektivy razvitiya* [25 Years of the Constitution of the Russian Federation: Realities and Development Prospects]. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Research. pp. 19–26.
8. Arefiev, A.L. (2018) Russkoyazychnoe obrazovanie na Ukraine – istoriya i sovremennost' [Russian-language education in Ukraine – history and present]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 88(12). pp. 1090–1099. DOI: 10.31857/S086958730003187-3
9. Kuteynikov, D.L., Izhaev, O.A., Zenin, S.S. & Lebedev, V.A. (2022) *Iskusstvennyy intellekt i pravo: ot fundamental'nykh problem k prikladnym zadacham* [Artificial intelligence and law: from fundamental problems to applied tasks]. Moscow: Prospekt.
10. Ovsyannikova, O.A. (2016) Tekhnologii pereformatirovaniya obshchestvennogo soznaniya posredstvom yazykovoy i konfessional'noy diskriminatsii (na primere Ukrainy) [Technologies of reformatting public consciousness through linguistic and confessional discrimination (on the example of Ukraine)]. *Geopoliticheskiy zhurnal*. 1(13). pp. 109–113.
11. Kostenko, Yu.V. (2020) Yazykovaya politika Ukrainy na yuge i vostoche strany kak metod etnokratii [Language Policy of the Southern and Eastern Ukraine as a Method of Ethnocracy]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 4(65). pp. 58–65. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-65-4-058-065
12. Katkov, M.N. (2007) *Imperiya i kramola* [Empire and Sedition]. Moscow: FondIV.
13. Li, J. & Chi, B. (2020) Obuchenie na rodnom yazyke v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Education in Native Language in Higher Education Institutions]. In: *Doklady o yazykovoy situatsii v Kitae: yazykovaya politika* [Reports on the Language Situation in China: Language Policy]. St. Petersburg: SPbSU. pp. 249–271.
14. Lanovaya, T.V. (2019) Yazykovoe zakonodatel'stvo v Respublike Krym: opyt i perspektivy [Language legislation in the Republic of Crimea: Experience and prospects]. In: Dyrkheeva, G.A., Bitkeeva, A.N., Kirilenko, S.V. & Tsyprenov, B.D. (eds) *Yazyki v polietnicheskoy gosudarstve: razvitiye, planirovaniye, prognozirovaniye* [Languages in a multi-ethnic state: Development, planning, forecasting]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 115–118. DOI: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-115-118

Информация об авторе:

Васильев С.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия); доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: mnogoslav@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2752-240X.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Vasilyev, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation), Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: mnogoslav@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2752-240X.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2024,
одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 11.09.2024;
approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.985.7:343.71
doi: 10.17223/22253513/56/2

Проблемы криминалистической методики судебного производства по уголовным делам

Алексей Степанович Князьков^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета, Новосибирск, Россия*
^{1,2} ask011050@yandex.ru

Аннотация. Анализируется современное положение проблемы конструирования методико-криминалистических положений, лежащих в основе судебного производства по уголовным делам. Делается вывод о многообразии подходов к пониманию концепции такой методики, обусловленной во многом упущениями в методологии проводимых условий. Предлагаются отдельные направления исследования, построенные на учете закономерностей поисково-познавательной деятельности суда и государственного обвинителя.

Ключевые слова: криминалистическая тактика и криминалистическая методика, тактика и методика судебного производства по уголовным делам, частное криминалистическое учение о криминалистической методике производства по уголовным делам

Для цитирования: Князьков А.С. Проблемы криминалистической методики судебного производства по уголовным делам // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 18–31. doi: 10.17223/22253513/56/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/2

Problems of criminalistic methods of judicial proceedings in criminal cases

Alexey S. Knyazkov^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk Law Institute (branch) Tomsk State University, Novosibirsk Russian Federation*
^{1,2} ask011050@yandex.ru

Abstract. The problem of conceptualizing criminalistic provisions, called the methodology of judicial proceedings, has been in Russian science for quite a long time. Its solution is largely based on the views formed in the 70s and 80s of the last century, in which the theoretical and methodological provisions of the final section of criminalistics, criminalistic methodology, were not formed. The article examines individual forms

of conceptualization of the idea of a trial methodology, primarily such as a full-structured investigation methodology, and the objective circumstances of its use.

Based on their historical experience in the development of the provisions of criminalistic tactics and criminalistic methodology, based on modern scientific research methods, it is concluded that, conceptually, solving the problem of judicial procedure is possible only simultaneously with solving a separate, no less major, problem of conceptualizing judicial procedure tactics. Each of these concepts should follow a path similar to that followed by the methods of preliminary investigation and the tactics of preliminary investigation, and the main conditions for obtaining a proper result are the mutual use of theoretical and methodological provisions obtained in each of them. In this case, by separating the object and subject of judicial tactics and judicial methodology, it is possible to obtain a format for separating each of them, which allows both judicial tactics and judicial methodology to productively use the provisions of the "conceptual counterparty", taking further steps towards their own development.

The available research on the methods of judicial proceedings for crimes of one kind or another only "prepares the ground" for the formation of a complete concept of judicial procedure methodology as a theoretical and methodological education of a special kind, which serves as the basis for the development of judicial procedures for certain categories of criminal cases.

The principles of the formation of the forensic methodology of judicial proceedings should show the specifics of the emergence of evidentiary information in court, bearing in mind that such information lies at the intersection of objective (in this case, the materials of the criminal case submitted to the court) and subjective (views on their content of the court and the public prosecutor, taking into account, undoubtedly, the assessments of the defense).

In order to avoid synonymous diversity, given the additional inextricable link between criminology and the criminal process, it would be more correct to talk about judicial tactics and judicial methodology. These concepts will correspond to the concepts of pre-trial tactics and methods, bearing in mind the fact that the forensic activity of the investigator is carried out with the beginning of pre-trial proceedings, with the receipt of a crime report.

Keywords: criminalistic tactics and criminalistic methodology, tactics and methods of judicial proceedings in criminal cases, private criminalistic teaching on the criminalistic methodology of criminal proceedings

For citation: Knyazkov, A.S. (2025) Problems of criminalistic methods of judicial proceedings in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 18–31. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/2

Методологическая заданность проблемы методики судебного разбирательства, которая в настоящий момент широко обсуждается в отечественной криминалистике, была осуществлена в 1967 г. Р.С. Белкиным, определившим предмет криминалистики через подчеркивание того обстоятельства, что значение образующих этот предмет закономерностей состоит в создании научной основы конструирования специальных методов и средств судебного исследования преступления [1. С. 275].

Не ставя цель дать развернутый анализ всех форм концептуализации идеи о методике судебного разбирательства, следует сказать о такой форме, как полноструктурная методика расследования, предложенной В.К. Гавло и получившей свое воплощение во многих диссертационных исследованиях,

выполненных под его научным руководством [2–4], а кроме того, развитой его учеником А.А. Корчагиным [5]. Выбор такой формы концептуализации объективно предопределен двумя немаловажными обстоятельствами. Одно из них получает выражение в необходимости подкрепления рассуждений о значимости методики судебного разбирательства рассуждениями о значимости методики предварительного расследования, о неразрывности, цельности поисково-познавательной деятельности, основывающейся на криминалистических средствах, существующих в рамках двух частей уголовного судопроизводства. Другое же обстоятельство учитывает законы научного познания, в том числе положение о том, что новая идея вызревает в недрах существующей идеи, она не может возникнуть «вдруг», отринув напроочь положения, на которых она строилась.

Попутно заметим, что результатом развития алтайской криминалистической школы в направлении исследования проблемы полноструктурных методик расследования явилась выполненная А.Е. Хорошевой диссертация, посвященная исключительно положениям криминалистической методики судебного разбирательства, которая несомненно, продвинула усилия криминалистов в создании методик именно такого вида [6].

Анализ истории концептуализации методики судебного разбирательства предполагает исследование не только воззрений о её нужности, но и мнений о нужности судебной тактики, поскольку построение методики расследования преступлений немыслимо без обращения к положениям криминалистической тактики. К сожалению, отдельные авторы упускают из виду данное требование, и важные вопросы производства следственных судебных действий не находят своего изложения в системных вопросах, прежде всего методики судебного разбирательства [7]. Успешность концептуализация методики судебного разбирательства требует «параллельной» концептуализации судебной тактики и методики судебного разбирательства: примеры из истории отечественной криминалистики указывают на то, что рассуждения о невозможности использования её в судебном разбирательстве начинаются с доказывания ошибочности считать необходимым говорить о судебной тактике. Причем доводы нередко касаются обстоятельств, лежащих вне рамок, канонов научного познания. Так, А.Н. Васильев аргументировал ненужность криминалистических положений для суда тем обстоятельством, что «для избрания по закону судей и народных заседателей по закону не требуется какого-либо образовательного ценза и никакой специальной подготовки, а разработка особой тактики судебного следствия... потребовала бы специальных познаний как условия исполнения судебных обязанностей» [8. С. 44]. Но главное в этой мысли, учитывая неисследованность к тому времени многих теоретических и методологических положений криминалистики, состоит в другом: известный ученый говорит об особом содержании тактики судебного следствия, равно как и особом содержании методики судебного разбирательства.

Заметным явлением для науки является диссертация И.Л. Кисленко, посвященная проблемам поддержания государственного обвинения. В ней от-

мечается, что «тактика деятельности государственного обвинителя по поддержанию государственного обвинения является составной частью криминалистической тактики, что определяет необходимость существования в системе последней соответствующего заключительного раздела “Тактика поддержания государственного обвинения в суде”» [9. С. 9]. Не касаясь вопроса о правильности считать положения о тактике поддержания государственного обвинения заключительным разделом криминалистической тактики (поскольку существует еще тактика суда как форма анализа рассматриваемого им преступления), отметим отсутствие рассуждений о месте, которое названные тактические положения должны занимать в методике поддержания государственного обвинения. Заметим, что при таком подходе положения о тактике государственного обвинителя «исчезают» из более крупного криминалистического образования, а именно из положений о методике судебного разбирательства. В более широком плане акцентирование внимания лишь на положениях о деятельности государственного обвинителя при рассмотрении вопроса о судебном рассмотрении уголовных дел может привести к выводу о том, что методика судебного производства целиком объемлет положениями о деятельности названного участника уголовного судопроизводства.

Аналогично в работе, подготовленной названным автором в соучастии с другими лицами, носящей название «Криминалистические основы поддержания государственного обвинения», что подразумевает анализ проблем методики судебного разбирательства, лишь вскользь упоминается о том, что в настоящий момент задача криминалистики состоит в разработке криминалистических рекомендаций по тактике и методике участия прокурора в судебном разбирательстве. В дальнейшем она посвящена вопросам тактики поддержания государственного обвинения, причем каких-либо пояснений о такого рода научной позиции, о соотношении судебной тактики и судебной методики, о содержании судебной методики и т.п. в этом исследовании нет [10. С. 77].

Общеизвестен взгляд О.Я. Баева, состоящий в отрицании им необходимости говорить о тактике суда и судебной тактике в целом, ограничением тактических положений, проявляющихся при рассмотрении уголовного дела в суде, тактикой государственного обвинителя и тактикой профессиональной защиты от государственного обвинения [11]. Этот подход, берущий, как известно, начало в предложении отмеченным автором различать в предмете криминалистики и в её системе тактику профессиональной защиты, получил критическую оценку со стороны значительного числа авторов. Такая критика, как представляется, создает необходимые методологические условия для понимания методики судебного разбирательства как целостного системного образования. Однако это проявляется не у всех авторов, рассматривающих проблемы формирования судебных частных криминалистических методик. Так, например, С.Н. Чурилов, критикуя названную выше позицию О.Я. Баева [12. С. 247], одновременно критикует и суждение Ю.А. Корчагина о необходимости создания единой для судей и прокуроров

методики, полагая, что должны быть две самостоятельные методики судебного разбирательства – методика судебного разбирательства для судей и методика судебного разбирательства для государственных обвинителей, аргументируя это тем, что суд не является субъектом, осуществляющим уголовное преследование [12. С. 252]. Такое объяснение является небесспорным, учитывая, что многие положения частных методик предварительного расследования самых разных преступлений связаны с положениями о деятельности судов, влияющей на содержание криминалистической поисково-познавательной деятельности следователя, например, по производству следственных действий в ночное время, по производству обыска в жилище, по избранию меры уголовно-процессуального пресечения [13]. Отдельные авторы правильно подчеркивают важность вопросов роли суда в осуществлении контроля за криминалистической деятельностью должностных лиц правоохранительных органов в досудебном производстве, и это позволяет им точнее называть следственные ситуации как судебно-следственные ситуации [14. С. 97]. Принимая ту или иную точку зрения, нужно исходить из высказанного отдельными авторами положения о том, что криминалистические рекомендации для судей и прокуроров, являясь в определенной мере различающимися, вместе с тем имеют сходство [15. С. 9].

Можно встретить подход, в соответствии с которым в ходе системного анализа разделов криминалистической тактики и криминалистической методики в отношении первой признается необходимость конструировать положений её «судебной» части, тогда как в отношении второй вопрос о возможности разработки методических положений судебного разбирательства не рассматривается вовсе [16. С. 193–217].

Ставя вопрос об авторах, являющихся противниками идеи судебной тактики и методики судебного разбирательства, необходимо иметь в виду определенную сложность ответа на него. Тогда, когда выражается неприятие той или другой (либо той и другой) идей, можно однозначно говорить о соответствующей позиции конкретного автора. В том же случае, когда при развернутом рассмотрении проблем систематики отмеченных разделов криминалистики в принципе не затрагивается точка зрения о судебной «надстройке» тактики и методики, об авторской позиции можно говорить лишь предположительно. Так, например, в обширном труде В.Е. Корноухова, посвященном теоретическим положениям методики расследования преступлений, нельзя обнаружить даже упоминания о методике судебного разбирательства [17]. Аналогично отсутствуют такого рода рассуждения в монографических исследованиях С.Ю. Косарева, автора известных работ по проблемам истории, теории и перспектив развития криминалистических методик расследования преступлений [18, 19]. Разумеется, определить директивно обязанность рассматривать проблемные положения, лежащие в рамках предмета исследования, невозможно, и молчаливый обход такого рода положений заставляет думать прежде всего о сложности «теоретической материи, а не о некоем «небрежении» научного характера.

В доступной нам литературе отсутствуют рассуждения о принципах взаимосвязи тактики досудебного производства с тактикой судебного производства, равно как и аналогичные рассуждения о принципах взаимосвязи досудебной методики с судебной методикой, хотя показ характера таких основополагающих начал позволил бы, как представляется, уточнить специфику как судебной тактики (тактики судебного разбирательства), так и методики судебного разбирательства.

Тем более нет научных исследований, в которых бы актуализировалась проблема принципов взаимосвязи судебной тактики с методикой судебного разбирательства. Правда, есть отдельные статьи, в которых рассматриваются вопросы совокупности принципов формирования методики судебного разбирательства; делается это применительно к уголовным делам о взяточничестве, хотя вид преступления не является принципиальным для конструирования методики судебного разбирательства. Принципами формирования методики судебного разбирательства предлагается считать следующие обстоятельства:

- «обязательность организационно-подготовительных мероприятий;
- соответствие профессионального уровня судьи сложности рассматриваемого им уголовного дела;
- руководящая роль председательствующего судьи в судебном разбирательстве;
- оптимальность рабочей нагрузки судьи;
- обязательность конкретизации предмета судебного разбирательства;
- принцип приоритетного внимания к досудебным стадиям;
- принцип преобладающего значения профилактики, своевременного выявления, устранения следственных ошибок и нарушений закона, а также ошибок и нарушений, допускаемых государственным обвинителем и судьями;
- приоритета защиты прав и законных интересов потерпевших;
- повышенной значимости надлежащей подготовки к судебному разбирательству» [20. С. 24–25].

Нетрудно увидеть, что ряд предлагаемых в качестве принципов построения методики судебного разбирательства обстоятельств императивно обусловлен уголовно-процессуальным законом (например, руководящая роль председательствующего судьи, обязательность конкретизации предмета судебного разбирательства), другие подразумеваются, исходя из обыкновений любой деятельности (например, обязательность организационно-подготовительных мероприятий, повышенной значимости надлежащей подготовки к судебному разбирательству), третьи лежат за рамками требований к надлежащему рассмотрению уголовных дел (оптимальность рабочей нагрузки судьи), четвертые содержат «предпочтения», которые противоречат уголовно-процессуальным требованиям (например, приоритет защиты прав и законных интересов потерпевших, что не соответствует положению ст. 6 УПК РФ, содержащей норму о равной защите прав и законных интересов также обвиняемого). Другими

словами, речь идет об обстоятельствах, на которых нельзя построить любую (не только судебную) криминалистическую методiku, имея в виду, что последняя должна представлять собой систему положений поисково-познавательного характера.

Отдельные авторы, рассуждая о содержании судебной тактики, подчеркивают мысль о конструировании её содержания путем использования имеющих положений тактики досудебного производства [21]. При такой направленности исследования создается впечатление об отсутствии необходимости, по меньшей мере, в разработке положений о судебной тактике, во многом отличающихся от положений тактики досудебного производства. Попутно заметим, что акцентирование внимания на отличии методики предварительного расследования от методики судебного разбирательства должно подкрепляться ссылками на отличия элементов частной криминалистической методики предварительного расследования от соответствующих элементов методики судебного разбирательства. В этом плане вряд ли правильным, например, будет говорить о том, что судебно-следственные ситуации берут свое начало на стадии предварительного расследования [22. С. 11], поскольку следственные ситуации, в их строгом понимании в соответствии с положениями криминалистической ситуалогии, характеризуют качественно определенные, отличающиеся условия деятельности тех или иных участников уголовного судопроизводства [23. С. 136; 24. С. 73–75].

Отдельные авторы предпочитают вести речь не о методике судебного разбирательства, а об организации судебного разбирательства, и названная организация получает у них в содержательном плане рассуждения о криминалистическом обеспечении судебного разбирательства. Нельзя не заметить, что при этом в систему организации судебного разбирательства (криминалистического обеспечения судебного производства) не включаются положения судебной тактики [25. С. 4–5]. Однако почему-то не учитывается, что организационные положения также присущи и криминалистической тактике: вряд ли качество, которое приобретает криминалистическая тактика в судебном производстве, «вытесняет», делает ненужными тактико-организационные положения.

Применительно к развитию положений о методике судебного разбирательства некоторые авторы предлагают говорить как о свидетельстве расширения предмета криминалистики [26. С. 167]. На наш взгляд, в данном случае речь должна идти об уточнении положений, которые давно входят в объектно-предметную область криминалистики и в настоящий момент получают свое «достраивание» в виде специфических методик, а именно методик судебного разбирательства. Это замечание, как представляется, «остановит» стремление отдельных авторов «приступить» к вопросам исключительно методологического характера, оставив за рамками рассмотренные содержательные вопросы конструирования рассматриваемых методик.

Говоря о совершенствовании криминалистики в направлении методики судебного разбирательства, нужно четко различать форму, в которой происходит это развитие. Тогда, когда ставится задача создать частное криминалистическое учение о названной методике, результатом её решения должен

быть показ объекта созданного учения, его специфического метода, который не повторяет совокупность методов, задействованных при создании учения, а указывает способ перевода теоретических положений в практическую плоскость [27. С. 44], системы, функций, особенно прогностической функции, принципов построения концепции, а по мнению некоторых авторов, еще и научную гипотезу, на которой осуществляется концептуализация [28. С. 12]. В том случае, когда существует задача создать методику судебного разбирательства как рабочую модель, её реализация предстанет, прежде всего, в виде совокупности правил, адресованных участникам уголовного судопроизводства. В работах, подготовленных до настоящего времени, решаются в большей или в меньшей мере две задачи, что имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Последние проявляются в поддержании иллюзии, что общие положения методики судебного разбирательства уже созданы и ими можно успешно оперировать для создания как полноструктурных методик расследования, так и отдельно для методик судебного разбирательства по тем или иным видам преступлений.

Возвращаясь к вопросу о параметрах решения первой задачи, нужно сказать, что она должна реализоваться в виде создания общих положений методики судебного разбирательства, существующих наряду с общими положениями криминалистической методики как раздела криминалистики. В числе этих общих положений применительно к методике судебного производства должны быть, разумеется, общие положения, о чем говорят В.Д. Зеленский и А.Ю. Корчагин [29. С. 45]. Однако сам по себе перечень этих элементов, повторяющих элементы методики досудебного производства, недостаточен для демонстрации криминалистического своеобразия судебного разбирательства. Во-первых, должны, помимо положений, охватывающих рассмотрение уголовных дел по первой инстанции, получить более или менее развернутую характеристику методические характеристики апелляционного и кассационного производств. Во-вторых, общие положения призваны показать теоретико-методологическое своеобразие поисково-познавательной деятельности суда и государственного обвинителя путем раскрытия внутреннего, сущностного содержания рассматриваемой методики, служащей исследованию преступного деяния, но не исследованию материалов уголовного дела, как подчеркивают названные авторы [29. С. 45]. Лишь в этом случае можно увидеть в методике судебного производства, по образному выражению одного из авторов, абсолютно другую, отличающуюся от так называемой розыскной криминалистики, криминалистику, показывающую свою эффективность именно в судебном производстве [30. С. 105]. Каким бы разнообразием не проявляла себя методика судебного разбирательства (многоэтапные и одноэтапные методики; методики, применяемые при производстве с участием присяжных заседателей, у мирового судьи и т.д.) [30. С. 106], теоретическую основательность они могут получить, лишь основываясь на неких общих положениях.

Поддерживая мнение о специфическом поисково-познавательном статусе судебной криминалистики, высказанное А.Е. Хорошевой, вместе с тем

следует обратить внимание на излишне категоричное высказывание о том, что лишь это методико-криминалистическое образование «стремится содействовать постановлению правосудного акта» [30. С. 105]. Такого рода водораздел не имеет ни теоретического, не практического подкрепления: это утверждение сродни утверждению о том, что теоретический уровень науки лучше её эмпирического уровня. Следует исходить из того, что поисково-познавательные возможности каждого из уровней расследования преступлений могут быть уточнены лишь путем развернутого анализа вопроса о видах взаимодействия между положениями криминалистической тактики и криминалистической методики, учитывая существование в них положений тактики досудебного производства и тактики судебного производства, методики досудебного производства и методики судебного разбирательства.

Нельзя не сказать о том, что единого принятия идеи о методике судебного производства в криминалистике нет. На другом полюсе оценки места названной идеи в теории и практике находится взгляд об ошибочности концептуализации указанных положений. Аргументация такой точки зрения строится на том, что криминалистические положения для участников судебного разбирательства в подавляющем большинстве случаев попросту не требуются в силу того, что их деятельность носит характер удостоверительной-познавательной, а не поисково-познавательной. Характерным примером обоснования высказанного взгляда может послужить следующее высказывание: «С какой целью суду и сторонам защиты на данной стадии исследовать криминалистическую характеристику преступления, включающую типичные признаки личности преступника, типичные способы совершения и сокрытия преступления, обстановку совершения преступления, механизм следообразования и пр., если проверяется обоснованность предъявления обвинения конкретному лицу?» [31. С. 36]. Вместо рассуждения о поисково-познавательном значении криминалистической характеристики преступления (средстве проверки названной обоснованности), позволяющей целенаправленно отыскивать причинно-следственные и иные взаимосвязи между отдельными обстоятельства, получившими название элементов названной характеристики, видя в исследуемом деянии целостное преступное явление, звучит мысль о нецелесообразности участникам уголовного судопроизводства осуществлять научное исследование криминалистической характеристики, что, в общем-то, и так очевидно. Не ставя целью дать исчерпывающую критику подхода о достаточности для судьи и государственного обвинителя криминалистических знаний, которые используются в досудебном производстве, отметим, что, например, эти знания не охватывают положения о специфическом противодействии деятельности указанных участников уголовного судопроизводства [32].

Завершая изложение, необходимо сделать некоторые выводы:

1. Неразрывная связь положений криминалистической методики и тактики, лежащей в основе деятельности следователя, с тактико-криминалистическими и методико-криминалистическими положениями, на которых строится рассмотрение дел в суде, ставит задачу определения предельных рамок криминалистической деятельности соответствующих должностных

лиц. На наш взгляд, с целью избегания синонимического разнообразия, учитывая дополнительно неразрывную связь криминалистики и уголовного процесса, правильнее будет говорить о судебной тактике и судебной методике. Этим понятиям будут корреспондировать понятия досудебной тактики и методики, имея в виду то обстоятельство, что криминалистическая деятельность следователя осуществляется с началом досудебного производства, с получением сообщения о преступлении.

2. В концептуальном плане решение проблемы методики судебного производства возможно лишь одновременно с решением отдельной, не менее крупной, проблемы концептуализации тактики судебного производства. Каждая из этих концепций должна проделать путь, аналогичный тому пути, который проделали в свое время методика предварительного расследования и тактика предварительного расследования. Об этом писал А.Н. Васильев, отмечая, что в свое время следственная тактика оказала методологическую помощь методике расследования преступлений в направлении её оформления в отдельный раздел криминалистики [8. С. 59–60]. Соответственно, на этом пути, посредством выделения объекта и предмета судебной тактики и судебной методики, можно получить такой формат обособления каждой из них, который позволяет продуктивно и судебной тактике, и судебной методике использовать положения «концептуального контрагента», делая очередные шаги в направлении дальнейшей концептуализации.

3. Имеющиеся исследования, касающиеся методик судебного производства по преступлениям того или иного вида, только «подготавливают почву» для формирования концепции методики судебного производства как теоретико-методологического образования особого вида, служащего основой для разработки методик судебного производства по отдельным категориям уголовных дел; более того, такая концепция позволит оценить имеющиеся методики названного вида, а в общем плане – предоставить необходимый материал для подготовки криминалистических методик досудебного производства.

4. Принципы формирования криминалистической методики судебного производства должны показывать специфику возникновения доказательственной информации в суде, имея в виду, что такая информация лежит на пересечении объективного (в данном случае – материалов уголовного дела, поступившего в суд) и субъективного (взглядов на их содержание суда и государственного обвинителя, учитывающих, несомненно, оценки стороны защиты).

Список источников

1. Белкин Р.С. О предмете советской криминалистики // Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2010. С. 268–275.
2. Кругликова О.В. Криминалистическая методика предварительного и судебного следствия по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2011. 23 с.
3. Неймарк М.А. Проблемы теории и практики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования : дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. 245 с.

4. Титова К.А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства : дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2009. 232 с.

5. Корчагин А.А. Криминалистическое обеспечение процесса доказывания по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ): теория и практика : дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2025. 655 с.

6. Хорошева А.Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах : дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2011. 241 с.

7. Ким С.С. Особенности проверки показаний на месте события и тактика ее проведения в стадии судебного разбирательства : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 24 с.

8. Васильев А.Н. Вопросы теоретических основ криминалистики, ее предмета и системы // Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 5–65.

9. Кисленко И.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения : дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 204 с.

10. Кисленко И.Л., Кисленко С.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения. М. : Юрлитинформ, 2013. 328 с.

11. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от нее. М. : Экзамен, 2008. 639 с.

12. Чурилов С.Н. К вопросу о криминалистическом обеспечении судебного следствия // Чурилов С.Н. Избранные труды : сб. ст. М. : Юстицинформ, 2023. С. 246–254.

13. Ахметгалеев В.Р. Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 22 с.

14. Гавло В.К. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций // Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 76–97.

15. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации. М. : Юрлитинформ, 2015. 280 с.

16. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М. : НОРМА, 2013. 288 с.

17. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М. : НОРМА, 2008. 224 с.

18. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : дис. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 404 с.

19. Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2008. 495 с.

20. Васильева Л.Г. К вопросу о принципах формирования методики судебного разбирательства по делам о взяточничестве // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию юрид. фак-та. Улан-Удэ, 24–27 июня 2021 г. Улан-Удэ : ВСГУТнУ, 2021. С. 23–25.

21. Сафронский Г.Э. К вопросу использования категорий криминалистической тактики в судебном разбирательстве // Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов конф. М., 22 июля 2013 г. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. С. 191–196.

22. Сафонов А.Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2020. 30 с.

23. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1997. 399 с.

24. Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 206 с.

25. Кобылинская С.В. Криминалистические проблемы организации судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.

26. Васильева Л.Г., Попова Е.И., Гулина Е.В. О необходимости создания методики судебного разбирательства уголовных дел о коррупционных преступлениях в сфере высшего образования // Закон и право. 2019. № 12. С. 167–169.

27. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. ...д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 506 с.

28. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 58 с.

29. Зеленский В.Д., Корчагин А.Ю. О понятии и структуре криминалистической методики судебного разбирательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11-2. С. 44–46.

30. Хорошева А.Е. Концептуальные проблемы формирования криминалистических методик судебного разбирательства уголовных дел // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 102–106.

31. Митрофанова А.А., Попова Д.Ю. Некоторые рассуждения о научной состоятельности концепции методико-криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел // Глаголь правосудия. 2023. № 3 (33). С. 33–37.

32. Рахматуллин Р.Р. Современные проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений и судебному разбирательству // Вестник криминалистики. 2018. № 2 (66). С. 70–76.

References

1. Belkin, R.S. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Norma. pp. 268–275.
2. Kruglikova, O.V. (2011) *Kriminalisticheskaya metodika predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya po delam o moshennichestvakh, sovershaemykh v sfere potrebitel'skogo kreditovaniya* [Forensic Methodology of Preliminary and Trial Investigation of Fraud Cases in the Sphere of Consumer Lending]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Neymark, M.A. (2006) *Problemy teorii i praktiki rassledovaniya khishcheniy denezhnykh sredstv v sfere bankovskogo kreditovaniya* [Problems of Theory and Practice of Investigating Embezzlement of Funds in the Sphere of Bank Lending]. Abstract of Law Cand. Diss. Barnaul.
4. Titova, K.A. (2009) *Metodika rassledovaniya khishcheniy v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva* [Methodology of Investigating Embezzlement in the Sphere of Housing and Public Utilities]. Abstract of Law Cand. Diss. Barnaul.
5. Korchagin, A.A. (2025) *Kriminalisticheskoe obespechenie protsessa dokazyvaniya po de-lam ob ubiystvakh (st. 105 UK RF): teoriya i praktika* [Forensic support of the process of proof in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Theory and practice]. Law Dr. Diss. Krasnodar.
6. Khorosheva, A.E. (2011) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskoy metodiki sudebnogo razbiratel'stva s uchastiem prisyazhnykh zasedateley po ugolovnym delam ob ubiystvakh* [Problems of the theory and practice of forensic methods of trial with the participation of jurors in criminal cases of murder]. Law Cand. Diss. Barnaul.
7. Kim, S.S. (2020) *Osobennosti proverki pokazaniy na meste sobytiya i taktika ee provedeniya v stadii sudebnogo razbiratel'stva* [Checking testimony at the scene and tactics of its implementation at the trial stage]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
8. Vasiliev, A.N. (1984) *Voprosy teoreticheskikh osnov kriminalistiki, ee predmeta i sistemy* [Theoretical Foundations of Criminalistics, Its Subject and System]. In: Vasiliev, A.N. & Yablokov, N.P. *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Subject, System and Theoretical Foundations of Criminalistics]. Moscow: Moscow State University. pp. 5–65.

9. Kislenko, I.L. (2010) *Kriminalisticheskie osnovy podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya* [Criminalistic Foundations of Maintaining Public Prosecution]. Law Cand. Diss. Saratov.

10. Kislenko, I.L. & Kislenko, S.L. (2013) *Kriminalisticheskie osnovy podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya* [Criminalistic Foundations of Maintaining Public Prosecution]. Moscow: Yurlitinform.

11. Baev, O.Ya. (2008) *Taktika ugolovnogo presledovaniya i professional'noy zashchity ot nee* [Tactics of Criminal Prosecution and Professional Defense Against It]. Moscow: Ekzamen.

12. Churilov, S.N. (2023) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Yustitsinform. pp. 246–254.

13. Akhmetgaleev, V.R. (2025) *Taktiko-kriminalisticheskie osobennosti primeneniya mer presecheniya v protsesse predvaritel'nogo rassledovaniya* [Tactical and forensic features of the application of preventive measures during preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

14. Gavlo, V.K. (2006) Ponyatie i klassifikatsiya sudebno-sledstvennykh situatsiy [The concept and classification of forensic investigative situations]. In: Gavlo, V.K., Klochko, V.E. & Kim, D.V. *Sudebno-sledstvennye situatsii: psikhologo-kriminalisticheskie aspekty* [Forensic investigative situations: psychological and forensic aspects]. Barnaul: Altai State University. pp. 76–97.

15. Garmaev, Yu.P. & Kirillova, A.A. (2015) *Kriminalisticheskaya metodika sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam ob ubiystvakh (ch. 1 st. 105 UK RF): teoreticheskie osnovy i prikladnye rekomendatsii* [Forensic Methodology of Trial in Criminal Cases of Murder (Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Theoretical Foundations and Applied Recommendations]. Moscow: Yurlitinform.

16. Yablokov, N.P. & Golovin, A.Yu. (2013) *Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskie osnovy* [Forensic Science: Nature, System, Methodological Foundations]. 2nd ed. Moscow: NORMA.

17. Kornoukhov, V.E. (2008) *Metodika rassledovaniya prestupleniy: teoreticheskie osnovy* [Crime Investigation Methodology: Theoretical Foundations]. Moscow: NORMA.

18. Kosarev, S.Yu. (2005) *Kriminalisticheskie metodiki rassledovaniya prestupleniy: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Forensic Methods of Crime Investigation: Genesis, Current Status, Development Prospects]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.

19. Kosarev, S.Yu. (2008) *Istoriya i teoriya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy* [History and theory of forensic methods of crime investigation]. St. Petersburg: [s.n.].

20. Vasilieva, L.G. (2021) K voprosu o printsipakh formirovaniya metodiki sudebnogo razbiratel'stva po delam o vzyatochnichestve [On the principles of forming the methodology of trial in bribery cases]. *Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v XXI veke* [Problems and Prospects of Development of the State and Law in the 21st Century]. Proc. of the 12th International Conference. Ulan-Ude, June 24–27, 2021. Ulan-Ude: VSGUTiU. pp. 23–25.

21. Safronskiy, G.E. (2013) K voprosu ispol'zovaniya kategoriy kriminalisticheskoy taktiki v sudebnom razbiratel'stve [On using the categories of forensic tactics in trial]. In: *Sovremennye problemy razvitiya ugolovnogo protsesssa, kriminalistiki, operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Modern problems of development of criminal procedure, forensic science, operational-search activities]. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. pp. 191–196.

22. Safronov, A.Yu. (2020) *Rassledovanie fal'sifikatsii dokazatel'stv po ugolovnomu delu i rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Investigation of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-search activities]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

23. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic Situationology]. Law Dr. Diss. Moscow.

24. Kim, D.V. (2006) *Kriminalisticheskie situatsii i ikh razreshenie v ugovnom sudoproizvodstve* [Forensic situations and their resolution in criminal proceedings]. Barnaul: Altai State University.
25. Kobylinskaya, S.V. (2009) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del v sude pervoy instantsii* [Forensic problems of organizing the trial of criminal cases in the court of first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
26. Vasilieva, L.G., Popova, E.I. & Gulina, E.V. (2019) O neobkhodimosti sozdaniya metodi-ki sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del o korruptsiyonnykh prestupleniyakh v sfere vysshego obrazovaniya [On the need to create a methodology for the trial of criminal cases on corruption crimes in the field of higher education]. *Zakon i pravo*. 12. pp. 167–169.
27. Knyazkov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and Forensic Means of Pre-Trial Proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
28. Komarov, I.M. (2003) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskikh operatsiy v dosudebnom proizvodstve* [Problems of the theory and practice of forensic operations in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Barnaul.
29. Zelenskiy, V.D. & Korchagin, A.Yu. (2021) O ponyatii i strukture kriminalisticheskoy metodiki sudebnogo razbiratel'stva [On the concept and structure of forensic methodology of trial]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 11-2. pp. 44–46.
30. Khorosheva, A.E. (2017) Kontseptual'nye problemy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del [Conceptual challenges in developing forensic methodologies for criminal trial proceedings]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 4(115). pp. 102–106.
31. Mitrofanova, A.A. & Popova, D.Yu. (2023) Nekotorye rassuzhdeniya o nauchnoy sostoyatel'nosti kontseptsii metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del [Some reasoning on the scientific validity of the concept of methodological and forensic support for the trial of criminal cases]. *Glasol' pravosudiya*. 3(33). pp. 33–37.
32. Rakhmatullin, R.R. (2018) Sovremennye problemy preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy i sudebnomu razbiratel'stvu [Modern problems of overcoming opposition to crime investigation and trial]. *Vestnik kriminalistiki*. 2(66). pp. 70–76.

Информация об авторе:

Князьков А.С. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: ask011050@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Knyazkov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Novosibirsk Law Institute (branch) Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025;
одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 26.06.2025.

The article was submitted 14.02.2025;
approved after reviewing 06.04.2025; accepted for publication 26.06.2025.

Научная статья
УДК 343.352
doi: 10.17223/22253513/56/3

Частичная декриминализация преступлений коррупционной направленности на примере института административной преюдиции в зарубежном уголовном законодательстве

Александр Викторович Куликов¹, Константин Владимирович Валов²

^{1,2} *Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия*

¹ *bmw0052@rambler.ru*

² *konstantin.kantiana@mail.ru*

Аннотация. Осуществлен анализ зарубежного законодательства, регламентирующего вопросы применения административной преюдиции в уголовном праве. Основной акцент сделан на исследовании данного института в качестве инструмента частичной декриминализации преступлений коррупционной направленности, не обладающих большой степенью общественной опасности. В основу выводов исследования положены результаты анализа как законодательства англосаксонской, так и романо-германской правовой систем.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное право, противодействие коррупции, зарубежное уголовное законодательство, частичная декриминализация

Источник финансирования: исследование поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123110800172-0.

Для цитирования: Куликов А.В., Валов К.В. Частичная декриминализация преступлений коррупционной направленности на примере института административной преюдиции в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 32–42. doi: 10.17223/22253513/56/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/3

Partial decriminalization of corruption-related crimes using the example of the institution of administrative prejudice in foreign criminal legislation

Alexander V. Kulikov¹, Konstantin V. Valov²

^{1,2} *I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

¹ *bmw0052@rambler.ru*

² *konstantin.kantiana@mail.ru*

Abstract. The scientific article is based on the statement that Russian criminal legislation has a repressive character, which is expressed in the possibility of bringing to

criminal responsibility for the commission of certain illegal acts that do not have a sufficient degree of public danger. The discussion regarding the partial decriminalization of the above-mentioned acts is also present in the scientific circles of foreign countries. For example, in the United States, some legal scholars propose decriminalizing nonviolent criminal offenses. According to the analysis of law enforcement practice, this circumstance will have a positive impact on crime prevention. For the Russian legal reality, the issue of abolishing punishment for minor crimes is not relevant, since there is legislation on administrative offenses that performs protective functions. In our opinion, minor crimes of corruption are among the acts that can be partially decriminalized by extending administrative prejudice to them. Russian law enforcement practice is predisposed to these humanistic innovations. An analysis of the regulation of the institute of administrative prejudice in foreign countries makes it possible to understand the essence of this institution and the specifics of its practical application for research purposes. According to the legislation of the Western countries of the Romano-German legal family, the institute of administrative prejudice was created in contrast to the increased number of criminal offenses during the period of active economic development, by simplifying the procedure for bringing to justice. At the same time, in the Western countries of the Anglo-Saxon legal family, prejudice refers to circumstances established by the courts in previously considered criminal and civil cases, which, under certain conditions, can be used as evidence that does not require additional verification. In neighboring countries, each State assigns different degrees of public danger to the most classic corruption-related crimes (bribery, bribery, commercial bribery). Thus, in the Republic of Belarus, the application of administrative prejudice to the above-mentioned acts is impossible due to the high degree of public danger. The criminal legislation of Georgia explicitly establishes in the anti-corruption legislation the possibility of applying administrative prejudice to acts related to the false declaration of income by public officials. There is no institution of administrative prejudice in Kazakhstan. However, the notes to individual articles of corruption-related crimes actually allow the use of this institution if the amount of funds does not exceed the amount established by criminal law. Thus, the institution of administrative prejudice can be used as a tool for the partial decriminalization of certain corruption-related crimes.

Keywords: administrative prejudice, criminal law, anti-corruption, foreign criminal legislation, partial decriminalization

Funding: This research was supported by funds provided through the Russian Federal Academic Leadership Program «Priority 2030» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, project number 123110800172-0.

For citation: Kulikov, A.V. & Valov, K.V. (2025) Partial decriminalization of corruption-related crimes using the example of the institution of administrative prejudice in foreign criminal legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 32–42. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/3

Введение

В современной России актуальным вопросом является проблема излишней репрессивности уголовного закона. В частности, отдельные составы преступлений, на наш взгляд, не обладают достаточной степенью общественной опасности, обосновывающей их включение в Уголовный кодекс Российской Федерации, а также негативно влияют на общее состояние преступности в стране.

Например, А.И. Парог отмечает, что в российский уголовный закон вносится достаточно большое количество изменений по сравнению с другими отечественными нормативно-правовыми актами. При этом вышеуказанные изменения в своем большинстве связаны с включением новых составов преступлений, целесообразность криминализации которых вызывает вопросы из-за нарушения основополагающих принципов уголовного права [1]. В частности, уголовно-правовое вмешательство допустимо только тогда, когда защита общества от определенного вида деяний не может быть реализована путем применения более мягких видов ответственности (административной, гражданско-правовой и т.д.) [2].

Данная проблема также является актуальной и в зарубежных странах, особенно в США. Так, в Америке активно обсуждается вопрос отмены уголовного преследования за ненасильственные преступления небольшой тяжести (уголовные проступки). Данное предложение основано в том числе на научных исследованиях, согласно которым отсутствие уголовного преследования по вышеуказанным категориям преступлений приводит к значительному снижению вероятности совершения нового преступления в течение двух последующих лет. Более того, эффект оказывается сильнее в случае если лицо, совершившее преступление, ранее не имело судимости. Таким образом, сам факт предотвращения приобретения судимости является важным фактором для сдерживания преступности. Вышеобозначенные обстоятельства были подтверждены на примере правоприменительной практики, а именно в деятельности районного атторнея графства Саффолк штата Массачусетс США. В частности, отмечалось, что после введения презумпции неприменения наказания за ненасильственные уголовные проступки значительно снизилось число лиц, повторно совершивших аналогичные деяния [3].

Для российской действительности вопрос отмены наказания не является перспективным. Вместе с тем возможность изменения категории отдельных деяний с преступлений на административные правонарушения позволит определенным образом гуманизировать российское уголовное законодательство. Вышесказанное напрямую применимо и к отдельным преступлениям коррупционной направленности, относящимся к категориям небольшой и средней тяжести, по ряду причин [4].

Во-первых, в российской правоприменительной практике отмечается значительное снижение количества лиц, совершивших преступления коррупционной направленности повторно или совершивших более тяжкие преступления в рассматриваемой сфере.

Во-вторых, высшие судебные инстанции придерживаются принципа допустимости декриминализации преступлений небольшой тяжести посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве.

В-третьих, российское уголовное законодательство уже подвергалось изменениям, когда отдельные преступления частично декриминализировались посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве (например, ст. 116, 119, 157 УК РФ и др.).

Административная преюдиция в уголовном праве зарубежных стран (теоретический аспект)

В целях противодействия коррупции и необходимости совершенствования российского уголовного законодательства проанализируем уголовное законодательство зарубежных стран в рассматриваемой сфере.

В первую очередь стоит отметить, что во многих зарубежных странах отсутствует такой юридический институт, как административная преюдиция в уголовном праве. Как верно отмечают Е.В. Антонов и В.И. Антонов, в «Западной и Центральной Европе уголовное право четко ограничивается от административного» [5]. При этом в указанных юрисдикциях существует институт уголовного проступка, а степень общественной опасности деяния не играет решающей роли для криминализации деяния.

Нельзя не согласиться с тем, что одной из наиболее законодательно регламентированных правовых систем является романо-германская правовая семья, к числу которой помимо Российской Федерации относится также ряд западных стран (Германия, Франция, Италия, Испания и др.) и стран СНГ (Беларусь, Азербайджан и др.).

В уголовном праве стран романо-германской правовой семьи длительное время разграничивались такие категории, как уголовное правонарушение и преступление. Однако, как отмечают Р.С. Данелян и И.И. Зименкова, в период активного развития промышленности и последовавшего за ним роста числа совершения уголовных правонарушений, которые приходилось рассматривать в соответствии с установленными порядками судопроизводства, данные деяния подверглись декриминализации, с последующим отнесением к отдельной категории административных правонарушений [6]. Более того, создание нового правового института подразумевало установление принципиально нового порядка судопроизводства, а также создание административных органов, уполномоченных налагать наказания за их совершение, что было реализовано, например, в Германии и Италии.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что административное право по своей природе произошло из уголовного и основной его целью является установление упрощенного порядка привлечения к ответственности за совершение деяний с пониженной степенью общественной опасности. При этом нельзя не отметить, что в отдельных актах правоприменения административные правонарушения продолжают отождествляться с уголовным правом. Так, в решении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в постановлении по делу «Озтюрк против Германии» прямо указано, что «административные правонарушения остаются частью уголовного права в широком смысле слова» [7]. Данное решение ЕСПЧ оказало значительное влияние на развитие административного права в качестве отрасли права. Вместе с тем закрепления на Западе административного права в качестве самостоятельной отрасли в законодательстве стран Западной Европы не произошло. При этом институт административной преюдиции в уголовном праве стран Западной Европы также не нашел своего законодательного закрепления.

Если изучить законодательство стран англосаксонской правовой семьи (США, Англия и др.), то можно увидеть отсутствие законодательного закрепления такой категории, как административное правонарушение. В законодательстве указанных стран предусмотрена исключительно уголовная ответственность, которая разграничивается в зависимости от тяжести совершенного деяния на «уголовные проступки» (аналог административных правонарушений в отдельных странах романо-германской правовой семьи) и преступления. При этом основным критерием разграничения выступает размер наказания (санкция статьи уголовного закона).

Отсутствие административной преюдиции в уголовном праве государств англосаксонской правовой семьи объясняется тем, что совершение противоправного деяния после привлечения к административной ответственности не позволяет сделать вывод о перерастании указанного деяния в преступление. Вместе с тем повторное совершение административного правонарушения может учитываться при назначении наказания [8].

Анализ отдельных норм уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции (практический аспект)

Стоит отметить, что для целей исследования особый интерес вызывают формы правовой регламентации института административной преюдиции в странах ближнего зарубежья. В частности, несмотря на общность начал регламентации указанного института в период существования СССР, после обретения независимости в указанных государствах прослеживаются различные способы реформирования его нормативного закрепления. Так, изучение зарубежного законодательства показало, что институт административной преюдиции в той или иной форме присутствует в уголовном законодательстве, например, Республики Беларусь, Грузии, Казахстане.

Рассмотрим регламентацию и применение указанного института по отношению к наиболее часто встречающимся (классическим) преступлениям коррупционной направленности в указанных юрисдикциях.

В Республике Беларусь применение административной преюдиции регламентировано ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) [9] согласно которой, в случаях, предусмотренных Особенной частью, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.

Таким образом, данная норма четко ограничивает круг деяний, применительно к которым допустимо применение указанного института (преступления, не представляющие большой общественной опасности), а также определяет временной период, в течение которого допустимо привлечение к уголовной ответственности (в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания).

Отметим, что в УК РБ, предусмотрена уголовная ответственность за дачу взятки (ч. 1 ст. 431 – лишение свободы до шести лет), посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 432 – лишение свободы до четырех лет), а также коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 252 – лишение свободы до трех лет).

Согласно ч. 3 ст. 12 УК РБ все вышеуказанные преступления относятся к категории менее тяжких преступлений, поскольку за их совершение предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет, но свыше двух лет для отнесения их к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Таким образом, применение административной и дисциплинарной преюдиции в Республике Беларусь за совершение наиболее распространенных преступлений коррупционной направленности невозможно.

В уголовном законодательстве Грузии правила применения административной преюдиции закреплены как в примечаниях к отдельным статьям особенной части Уголовного кодекса Грузии (далее – УК Грузии) [10], так и в иных специализированных законах. Например, в ст. 20 Закона Республики Грузии от 30.11.2022 № 2204 «О борьбе против коррупции» [11] закреплена административная ответственность в виде штрафа за непредставление декларации об имущественном положении должностного лица.

Также в указанной статье закреплено, что непредставление должностным лицом декларации об имущественном положении должностного лица в 2-недельный срок со дня вступления в законную силу распоряжения о наложении штрафа, предусмотренного пунктом первым настоящей статьи, или судебного решения (определения) влечет привлечение лица к уголовной ответственности.

Для этих целей ст. 355 УК Грузии установлена уголовная ответственность за непредставление декларации об имущественном положении, совершенное после наложения административного взыскания за такое же деяние, либо внесение в декларацию заведомо неполных или неверных данных. Данное деяние, согласно ст. 12 УК Грузии, относится к категории менее тяжких преступлений (самой низшей по степени общественной опасности категории), так как наказание не превышает пяти лет лишения свободы.

Нельзя не сказать, что из классических коррупционных составов преступлений (получение взятки (ч. 1 ст. 338) – от шести лет лишения свободы, дача взятки (ч. 1 ст. 339), коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 221) – до трех лет лишения свободы) только получение взятки относится к категории тяжких преступлений.

Таким образом, законодательство Грузии об административных правонарушениях урегулировано в различных законодательных актах, к числу которых можно отнести Закон Республики Грузия «Кодекс об административных правонарушениях», а также иные специализированные законы. При этом административная преюдиция по отношению к преступлениям коррупционной направленности предусмотрена только в отношении нарушений в сфере декларирования доходов должностных лиц и закреплена в специали-

зированном нормативно-правовом акте. Вместе с тем, учитывая, что большинство «неквалифицированных преступлений» коррупционной направленности относятся к категории менее тяжких, существуют предпосылки для дальнейшей гуманизации грузинского уголовного законодательства в рассматриваемой сфере посредством распространения действия института административной преюдиции на указанные составы преступлений.

Также для целей исследования интересной видится регламентация института административной преюдиции в Республике Казахстан. В данной юрисдикции до 2015 г. в ст. 10-1 старого Уголовного Кодекса Республики Казахстан [12] присутствовала норма, регламентирующая порядок применения административной преюдиции в уголовном праве. При этом в качестве обоснования существования данного института в казахстанских научных кругах отмечалось, что лицо, подвергнутое административному наказанию, всегда осознает негативную оценку государством совершенного им деяния, и если данное действие совершается вновь умышленно, то можно констатировать о необходимости применения более строгих мер воздействия ввиду не достижения целей административной ответственности (поддержания общественного порядка) [13. С. 100]. Однако позднее указанный институт все же был заменен на институт уголовных проступков.

Вместе с тем в уголовном законодательстве Республики Казахстан можно заметить интересную деталь. В частности, несмотря на формальное упразднение в настоящий момент времени административной преюдиции, в уголовном законе прослеживаются ее отдельные элементы. Например, согласно примечанию к ст. 367 Уголовного Кодекса Республики Казахстан (УК РК) [14], регламентирующей ответственность за получение взятки, не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном или административном порядке получение впервые лицом, указанным в части первой настоящей статьи, имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия (бездействие), если стоимость подарка не превышала двух месячных расчетных показателей.

При этом в Кодексе Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» [15] предусмотрена ст. 472, которая устанавливает ответственность за нарушение правил учета и дальнейшего использования имущества, поступившего в собственность государства по отдельным основаниям, в случаях, предусмотренных законодательными актами.

Согласно п. 4 ч. 1 указанной статьи, к данному правонарушению относится неполная и (или) несвоевременная передача в уполномоченный орган имущества, поступившего в собственность государства по отдельным основаниям, если эти деяния не имеют признаков уголовно наказуемого деяния, в том числе подарков, поступивших лицам, занимающим государственные и муниципальные должности.

Таким образом, должностное лицо, ранее совершившее дисциплинарное или административное правонарушение, указанное в примечании к данной статье, будет подлежать уголовной ответственности по ч. 1 ст. 367 УК РФ.

Аналогичные правила применяются относительно преступления, предусмотренного ст. 253 УК РК – коммерческий подкуп.

Относительно дачи взятки (ч. 1 ст. 366 УК РК) отметим, что согласно примечанию к данной статье, не влечет уголовной ответственности передача впервые лицу, указанному в ч. 1 ст. 366 настоящего Кодекса, за ранее совершенные им законные действия (бездействие) подарка в сумме или стоимостью, не превышающей двух месячных расчетных показателей, если совершенные этим лицом действия (бездействие) не были обусловлены предварительной договоренностью.

Таким образом, несмотря на отсутствие законодательной регламентации института административной преюдиции в уголовном праве в Республике Казахстан, данный институт фактически применяется по отношению к преступлениям коррупционной направленности, не обладающим большой степенью общественной опасности, что позволяет сделать вывод о высокой степени гуманизации уголовного законодательства в данной юрисдикции.

Заключение

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Российское уголовное законодательство имеет репрессивный характер, который выражается в криминализации отдельных деяний, не обладающих для этого достаточной степенью общественной опасности.

2. В западных научных кругах существует дискуссия относительно целесообразности декриминализации преступлений небольшой тяжести. Согласно результатам исследований правоприменительной практики, данное обстоятельство позволит значительно снизить уровень первоначальной (не рецидивной) преступности.

3. Отказ от наказания за отдельные преступления, не представляющие большой общественной опасности, для российской правовой действительности видится нецелесообразным, поскольку в России действует законодательство об административных правонарушениях (менее репрессивное, чем уголовное, но так же, как и последнее, выполняющее предупредительные функции), и которое отсутствует в странах англосаксонской и большинстве европейских стран романо-германской правовой семьи.

4. Для целей гуманизации российского уголовного законодательства целесообразным видится частичная декриминализация отдельных преступлений коррупционной направленности небольшой тяжести посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве.

5. Анализ законодательства стран ближнего зарубежья показал, что, несмотря на стремление к построению западной модели уголовного законода-

тельства (введение института уголовного проступка), институт административной преюдиции продолжает существовать и применяется в том числе к преступлениям коррупционной направленности, не представляющим большой общественной опасности.

Список источников

1. Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressivnyy-kren-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki> (дата обращения: 23.04.2025).
2. Кенни К. Основы уголовного права / пер. с англ. В.И. Каминской ; под ред. и с вступ. ст. Б.С. Никифорова. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. LVII, 599 с. URL: https://m.vk.com/wall-89850005_94126?ysclid=llz51e2dpo495689872 (дата обращения: 23.04.2025).
3. Natapoff A. Misdemeanor Decriminalization // Vanderbilt Law Review. 2019. P. 1055–1116. URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol68/iss4/2> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Куликов А.В., Валов К.В. Анализ допустимости применения института административной преюдиции в уголовном праве в целях противодействия коррупции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 1. С. 26–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dopustimosti-primeneniya-instituta-administrativnoy-preyuditsii-v-ugolovnom-prave-v-tselyah-protivodeystviya-korrupsitsii> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Антонов Е.В., Антонов В.И. Административная преюдиция в зарубежном уголовном законодательстве: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 5. С. 630–637. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-v-zarubezhnom-ugolovnom-zakonodatelstve-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Данелян Р.С., Зименкова И.И. Административная преюдиция: зарубежный опыт законодательной регламентации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41, № 1. С. 137–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-zarubezhnyy-opyt-zakonodatelnoy-reglamentatsii> (дата обращения: 27.04.2025).
7. Озтюрк против Германии (Ozturk v. Germany) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1984 года (жалоба № 8544/79). URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 28.04.2025).
8. Уголовный кодекс Литовской Республики = The Lithuanian penal code : Утв. законом № VIII-1968 г. 26 сент. 2000 г. / науч. ред. В. Павилонис ; предисл. Н.И. Мацнева; вступ. ст. В. Павилониса [и др.] ; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003, 468 с. URL: https://sharlib.com/read_696397-1 (дата обращения: 27.04.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 009.07.1999 № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=253> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Закон Республики Грузия от 30.11.2022 № 2204 «О борьбе против коррупции». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33550/81/ru/pdf> (дата обращения: 20.04.2025).
12. Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 № 167-І «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://pavlodar.com/zakon/?dok=00087&all=all> (дата обращения: 24.04.2025).

13. Мазов Е.А. Административно-правовая преюдиция и профилактика преступности // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2010. № 4. С. 97–100.
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 05.07.2014 № 235-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 28.04.2025).

References

1. Rarog, A.I. (2014) Repressivnyy kren rossiyskoy ugolovnoy politiki [A repressive tilt of Russian criminal policy]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 3. pp. 88–95. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressivnyy-kren-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki> (Accessed: 23rd April 2025).
2. Kenni, C. (1949) *Osnovy ugolovnoy prava* [Outlines of Criminal Law]. Translated from English by V.I. Kaminskaya. Moscow: Izd-vo inostr. lit. [Online] Available from: https://m.vk.com/wall-89850005_94126?ysclid=llz51e2dp0495689872 (Accessed: 23rd April 2025).
3. Natapoff, A. (2019) Misdemeanor Decriminalization. *Vanderbilt Law Review*. 68(4/2). pp. 1055–1116. [Online] Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol68/iss4/2> (Accessed: 23rd April 2025).
4. Kulikov, A.V. & Valov, K.V. (2023) Analiz dopustimosti primeneniya instituta administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave v tselyakh protivodeystviya korruptsii [The analysis of the admissibility of using the institution of administrative prejudice in criminal law for the purpose of combating corruption]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1. pp. 26–34. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dopustimosti-primeneniya-instituta-administrativnoy-preyuditsii-v-ugolovnom-prave-v-tselyah-protivodeystviya-korruptsii> (Accessed: 25th April 2025).
5. Antonov, E.V. & Antonov, V.I. (2019) Administrativnaya preyuditsiya v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve: istoriya i sovremennost' [Administrative prejudice in foreign criminal legislation: history and present time]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"*. 29(5). pp. 630–637. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-v-zarubezhnom-ugolovnom-zakonodatelstve-istoriya-i-sovremennost> (Accessed: 26th April 2025).
6. Danelyan, R.S. & Zimenkova, I.I. (2022) Administrativnaya preyuditsiya: zarubezhnyy opyt zakonodatel'noy reglamentatsii [Administrative prejudice: foreign experience of legislative regulation]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 41(1). pp. 137–141. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-zarubezhnyy-opyt-zakonodatel'noy-reglamentatsii> (Accessed: 27.04.2025).
7. European Court of Human Rights. (1984) *Oztyurk protiv Germanii (Ozturk v. Germany): Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 21 fevralya 1984 goda (zhaloba № 8544/79) [Öztürk v. Germany]*, Judgment of the European Court of Human Rights (ECtHR), 21 February 1984, Application No. 8544/79. [Online] Available from: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (Accessed: 28th April 2025).
8. Pavilonis, V. (ed.) (2003) *Ugolovnyy kodeks Litovskoy Respubliki* [The Lithuanian Penal Code]. Approved by Law No. VIII-1968 of 26 September 2000. Translated from Lithuanian by V.P. Kazanskene. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press. [Online] Available from: https://sharlib.com/read_696397-1 (Accessed: 27th April 2025).
9. Belarus. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 009.07.1999 № 275-Z* [Criminal Code of the Republic of Belarus of 009.07.1999 No. 275-3]. [Online] Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (Accessed: 10th April 2025).

10. Georgia. (1999) *Ugolovnyy kodeks Gruzii ot 22.07.1999 № 2287* [Criminal Code of Georgia of 22.07.1999, No. 2287]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=253> (Accessed: 15th April 2025).

11. Georgia. (2022) *Zakon Respubliki Gruziya ot 30.11.2022 № 2204 “O bor’be protiv korruptsii”* [Law No. 2204 of the Republic of Georgia of November 30, 2022, On the Fight against Corruption]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33550/81/ru/pdf> (Accessed: 20th April 2025).

12. Kazakhstan. (1997) *Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 16.07.1997 № 167-I “Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan”* [Code of the Republic of Kazakhstan of July 16, 1997, No. 167-I “Criminal Code of the Republic of Kazakhstan”]. [Online] Available from: <https://pavlodar.com/zakon/?dok=00087&all=all> (Accessed: 24th April 2025).

13. Mazov, E.A. (2010) Administrativno-pravovaya preysuditsiya i profilaktika prestupnosti [Administrative and legal prejudice and crime prevention]. *Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya*. 4. pp. 97–100.

14. Kazakhstan. (2014) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 03.07.2014 № 226-V ZRK* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014, No. 226-V ZRK]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (Accessed: 25th April 2025).

15. Kazakhstan. (2014) *Kodeks Respubliki Kazakhstan “Ob administrativnykh pravonarusheniyakh” ot 05.07.2014 № 235-V ZRK* [Code of the Republic of Kazakhstan “On Administrative Offenses” dated July 5, 2014, No. 235-V ZRK]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (Accessed: 28th April 2025).

Информация об авторах:

Куликов А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта, заслуженный юрист РФ (Калининград, Россия). E-mail: bmw0052@rambler.ru

Валов К.В. – аспирант 2-го года обучения Высшей школы права Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: konstantin.kantiana@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kulikov A.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development», I. Kant Baltic Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: bmw0052@rambler.ru

Valov K.V., Postgraduate student of 2 years of study at the Higher School of Law of the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development», I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: konstantin.kantiana@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 26.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 26.06.2025.

Научная статья

УДК 34.03

doi: 10.17223/22253513/56/4

Защита права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых коммуникаций

Александр Николаевич Сквозников¹

¹ *Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия, skvoznikov2003@mail.ru*

Аннотация. Исследуется проблема адаптации современного права к новым условиям цифровой трансформации общества. Выявляются вызовы и риски, возникающие в процессе реализации права человека на неприкосновенность частной жизни в условиях развития цифровой экономики. Актуализируется вопрос охраны и защиты личных прав при цифровой коммуникации. Разработаны соответствующие предложения по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная тайна, цифровое общество

Для цитирования: Сквозников А.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 43–55. doi: 10.17223/22253513/56/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/56/4

Protecting the right to privacy in the age of digital communications

Alexander N. Skvoznikov¹

¹ *Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation*

Abstract. The purpose of this study is to identify the challenges and risks arising in the process of realizing the human right to privacy in the context of the development of the digital economy, updating the protection and defense of personal rights and developing appropriate proposals to improve the legislation. The empirical basis of the study was the norms of Russian legislation, law enforcement practice, as well as materials from foreign periodicals. The digital environment is increasingly absorbing all aspects of human society. The new reality creates certain challenges and risks for privacy, maintaining confidentiality and, in general, the inviolability of the individual. The law is faced with an important task - to establish and specify the limits of legal protection of privacy in the era of mass communications - free access to the creation, receipt and exchange of information. In the study, the author used the appropriate general scientific and special legal methods. The study of regulatory legal acts governing the relevant

social relations was carried out using the formal legal method, which made it possible to identify the criteria for violating a person's privacy in the digital space, as well as the limits of the implementation and protection of the right to privacy in the modern society of mass Internet communications. The comparative legal method was used to compare the content of legal norms governing the implementation of the right to privacy. This method allowed us to identify emerging contradictions between the norms of Russian law and local corporate norms, simultaneously created by digital platforms when interacting with users. The hermeneutic method was used in the process of interpreting the norms of Russian legislation and clarifying the normative content of the right to privacy of an individual. General scientific methods (analysis and synthesis, abstraction, deduction and induction) were used in the work both separately and as part of other methods. The systemic research method allowed the author to identify some gaps in the normative regulation of the institution of protection of the right to privacy in the new realities of the increasing role of digital platforms and to propose options for filling them. The author comes to the conclusion that complete anonymity of an individual in the era of digital society is hardly achievable. At the same time, the digital profile of a person, the entire array of data that a person leaves on the Internet (banking transactions, purchases, health information, changes in geolocation, views and opinions on various issues), are an integral part of his private life and must be protected by law along with the personal data of a citizen and other intangible assets. In the era of digital communication and artificial intelligence, the law has a special mission, which is to establish and maintain a balance of interests of an individual, commercial organizations and the state while maintaining the global imperative for personal autonomy, privacy in the digital space. Including the right to confidentiality, anonymity outside critical infrastructure facilities.

Keywords: personal secret, right to confidentiality, digital society

For citation: Skvoznikov A.N. (2025) Protecting the right to privacy in the age of digital communications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 43–55. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/4

Введение

Масштабные изменения в обществе, связанные с применением информационных технологий, коренным образом меняют социальную реальность, жизнь конкретного человека и государства, затрагивая сами основы человеческого бытия. Информационные ресурсы и цифровые коммуникации в первой четверти XXI в. приобрели небывалое функциональное значение в человеческом сообществе, превратившись в фундаментальный рычаг преобразования общественных отношений. Данные процессы объективно создают для человеческого общества новые возможности и вместе с тем порождают определенные риски и угрозы при использовании индивидом своих прав, реализации личных интересов, достижении социальных благ. Информационный тип общества модифицирует бытие человека, в том числе создавая новые рамки свободного и несвободного поведения.

В российском обществе, как и в большинстве современных правовых демократических государств, в настоящее время доминирует гуманистическая парадигма права, т.е. такая модель восприятия и истолкования правовых яв-

лений и процессов, ядром которой выступает универсальный и общепризнанный императив свободы и автономии индивида, включая неприкосновенность личности в качестве одной из фундаментальных ценностей и эталона для цивилизованного прогрессивного человечества. Центральным звеном, которое определяет содержание, смысл и значение гуманистического права, выступает свобода как способность и возможность индивида в рамках действующих социальных норм (рамок) самостоятельно, по своей воле определять цель, направление, способы достижения и результаты своего поведения независимо от «другого» – внешней силы (например, государства или некой корпорации). В гуманистическом правовопонимании признаётся приоритет и высшая юридическая значимость естественных прав человека, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. Предназначение права в таком обществе во многом сводится к обеспечению и упорядочению свободы личности, автономности индивида.

Одной из доктринальных проблем, которая существует со времени возникновения юриспруденции, является вопрос о границах свободы отдельного индивида, о пределах автономии и неприкосновенности личности и возможности вторжения в сферу личного ради интересов общества. Степень защиты прав и свобод человека, неприкосновенность его частной жизни являясь важным показателем развитого, зрелого общества [1. С. 225].

Вопрос о последствиях информатизации современного общества, в первую очередь массового использования цифровых технологий и искусственного интеллекта, становится одним из ключевых аспектов, который заслуживает пристального внимания научного сообщества. В том числе вопрос об адаптации права к новым условиям.

Современный человек все больше времени проводит в состоянии подключенности к глобальной сети Интернет посредством различных мобильных устройств, компьютерной техники и программного обеспечения. При этом данные о любой активности субъекта в глобальной сети, так называемый цифровой след, не исчезают безвозвратно. Эти сведения накапливаются, сегментируются, оцениваются и в конечном итоге могут быть использованы иными лицами в различных целях, чаще всего коммерческих, в первую очередь для навязывания гражданину персонализированного контента и рекламы, а также с целью манипулирования его поведением. Совокупность достоверных данных и иных сведений о физическом лице, накопленных в сети Интернет, все чаще называют «цифровым профилем», «цифровым портретом» или «цифровым ДНК человека». В конечном счете информация о человеке, накопленная в сети Интернет, может стать основой для формирования его репутации как в положительном, так и в отрицательном аспектах.

Компании, работающие на цифровых платформах, «стремятся изменить образ жизни людей и саму человеческую природу, реализуя идею о преобразовании традиционной повседневной жизни людей в “цифровой формат”: внедряется идея о важности онлайн-идентификации, профессионального и

социального онлайн-общения и цифровых активов» [2. С. 7]. По сути, происходит навязывание обществу цифровой реальности. Главным риском здесь является не столько потеря личных данных или навязывание персональной рекламы, а искажение реальности, подмена ценностей и, в конечном счете, потеря человеком способности критически мыслить, способности к самоопределению и самовыражению.

Правовой режим личных данных в обществе цифровых коммуникаций

Колоссальные объемы персональных данных граждан аккумулируются и анализируются различными цифровыми платформами, а также государственными и коммерческими организациями посредством цифровых технологий, часто без ведома самого гражданина. Процесс сбора, анализа и распространения информации о гражданах – пользователях сети Интернет – осуществляется посредством специальных компьютерных программ и мобильных приложений с использованием технологий искусственного интеллекта. Данные о пользователях (потребителях услуг) в сети Интернет приобретают особую ценность в целях извлечения прибыли, становятся новой валютой для финансовых учреждений [3. С. 265].

На рубеже XX–XXI вв. появились технологии по отслеживанию поведения пользователей (граждан) в сети Интернет, которые в совокупности с технологиями по анализу большого объема данных и машинного обучения создали почву для возникновения нового типа субъектов правоотношений – цифровых платформ (кампаний), которые специализируются на накоплении, анализе и последующей возмездной передаче иным лицам данных о поведении пользователей в сети Интернет. То есть они фактически монетизируют цифровые данные пользователей, которые являются важным сегментом частной жизни лица [4. С. 25].

Способы получения анонимных, деперсонализированных данных о поведении пользователей в целом не противоречат Федеральному закону РФ о персональных данных. Кампании на своих сайтах честно предупреждают человека о сборе пользовательских данных и cookie (файлов, позволяющих отслеживать активность пользователя). Вместе с тем несогласие с политикой конфиденциальности фактически лишает человека возможности полноценно пользоваться определенным интернет-сайтом. Так, компании фактически вынуждают пользователей отдавать свои данные в обмен на пользование тем или иным сайтом, сервисом, приложением или социальной сетью, поскольку обычный человек не имеет возможности вручную ежедневно заниматься настройками приватности не всех сервисов и сайтах сети Интернет, которыми он пользуется. Для того чтобы сделать осознанный выбор, индивиду необходимо прочитать многостраничное соглашение о политике конфиденциальности и потратить на это много времени. Поэтому в большинстве случаев пользователь просто нажимает клавишу «согласен», иначе он не сможет воспользоваться сервисом. В результате цифровая платформа

получает неограниченное право использовать данные о субъекте на свое усмотрение, в том числе продавать их иным лицам, в частности многочисленным дата-брокерам – компаниям, которые специализируются на сборе и продаже персональных данных третьим лицам, например рекламодателям, страховщикам, банкам и т.д. Например, стоимость одного адреса электронной почты реального человека может достигать до 90 долларов¹.

Возникающие отношения, связанные с тотальной и всеобъемлющей цифровизацией, накоплением личных данных граждан крупнейшими цифровыми платформами (например, Google, Yandex и другими), в целом развиваются стихийно, нормативное регулирование не всегда успевает за этими процессами. Это вызывает обеспокоенную тревогу в научных кругах, профессиональном юридическом сообществе, а также порождает определенное недоверие граждан к процессу правовой трансформации. В связи с этим растет обеспокоенность в связи с риском наступления негативных последствий, ущерба для конкретного гражданина в результате возможного взлома информационных систем и утечки персональных данных, что в дальнейшем может привести к использованию этой информации в противоправных целях, в том числе кражи денежных средств. Настороженное отношение в обществе вызывает также аккумулирование и обработка в колоссальных объемах личных данных гражданина государственными и муниципальными органами, создание цифрового профиля гражданина. Тревога связана в том числе с тем, что в российском обществе у подавляющего большинства населения отсутствует четкое понимание конечной цели цифровой трансформации. Дальнейшее погружение общества в цифровую реальность многими воспринимается как покушение государства и частных цифровых компаний на свободу личности посредством использования цифровых технологий с целью прямого или опосредованного контроля над поведением индивида [5. С. 5]. Таким образом, данные вопросы нуждаются в детальном научном анализе, рефлексии и правовом регулировании.

Опасения по поводу защиты частной жизни граждан растут по мере того, как новые технологии продолжают внедряться в нашу жизнь [6. Р. 535–536]. Многие исследователи отмечают, что цифровые платформы со временем превращаются в самостоятельные транснациональные субъекты правоотношений. Более того, эти субъекты фактически принимают участие в регулировании общественных отношений, перетягивают на себя функции, не свойственные частным субъектам, в частности нормотворческую функцию государства [7. Р. 133]. Такое негласное правотворчество цифровых платформ ряд исследователей справедливо называют вмешательством в осуществлении государством своего суверенитета, исключительного права на установление общеобязательных правил и обеспечение верховенства закона [8. С. 65].

¹ Лисина О. Брокеры данных: кто, где и как продает информацию о нас. URL: <https://rb.ru/story/data-brokers/> (дата обращения: 03.11.2024).

Речь идет о создании цифровыми платформами собственных норм, регулирующих отношения с пользователями, но затрагивающих права и свободы человека. Например, запрет на размещение определенной информации, которая не соответствует неким стандартам данной платформы, является «не деликатной», «не корректной», шокирующей и т.д. [9. С. 3]. Компании, работающие на цифровых платформах, являются движущей силой цифровой трансформации, обладая большой властью и влиянием, особенно потому, что они в основном действуют на транснациональном уровне. Цифровые платформы все чаще выступают в качестве негосударственных субъектов, которые начинают ставить под сомнение суверенитет государства в киберпространстве [10. Р. 49]. Новая цифровая экономика представляет собой смену парадигмы не только для бизнеса и государства, но и для теории права. Ряд авторов предлагает вернуться к активному вмешательству государства в экономику с целью более детальной регламентации деятельности цифровых платформ (компаний), в том числе при внедрении инноваций. Например, актуальным является вопрос о том, как следует рассматривать цифровые платформы – так называемые (агрегаторы) по заказу такси: являются ли такие сервисы информационными посредниками между водителями и пассажирами либо они являются транспортными перевозчиками и работодателями, деятельность которых должна регламентироваться соответствующими нормами национального права? [11. Р. 89].

Таким образом, многие транснациональные корпорации, действующие в том числе в цифровой среде, стремятся ограничить роль государства, что приводит к ослаблению влияния международных институтов и усилению межгосударственных противоречий¹.

Защита конфиденциальной информации, в том числе личной и семейной тайны, финансовой информации, данных о местоположении человека, его активности (поведении) в сети Интернет, является крайне актуальной задачей в современном обществе.

В современной юридической науке и правоприменительной практике актуальным является вопрос о содержании понятия «личная тайна». Правом пока не урегулирован вопрос о том, является ли цифровой профиль гражданина в сети Интернет, включая информацию об его активности в виртуальном пространстве, частной жизнью индивида?

Следует отметить, что право на неприкосновенность частной жизни относится к категории естественных прав человека, закрепленных в российской конституции. Недопустимость произвольного вмешательства кого бы то ни было в сферу автономии личности, в том числе в форме получения и распространения информации о частной жизни гражданина без его согласия, является фундаментальным нормативным началом российской консти-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

туции. Данные положения российской конституции относятся к любой информации независимо от способа ее получения и распространения, включая сведения, находящиеся в сети Интернет [12. С. 25].

В современных демократических государствах законом гарантируются как право лица на неприкосновенность его частной жизни, так и право на доступ к информации. В России данные права являются паритетными, они равным образом защищаются как конституционные ценности, ни одна из них не находится в состоянии главенства и подчинения и не обладает безусловным приоритетом перед другой¹.

Вместе с тем в российском законодательстве отсутствует законодательно закреплённое понятие частной жизни. При толковании права на неприкосновенность частной жизни в доктрине конституционного права исследователи в области конституционного права относят к частной жизни все сведения о личной жизни человека, которые он не желает предавать гласности: о своем семейном положении, жилищно-бытовых условиях, религиозных или политических убеждениях, уровне доходов, увлечениях, состоянии здоровья и иные сведения, которые он считает личной тайной².

Конституция Российской Федерации, устанавливая, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 23, ч. 1; ст. 24, ч. 1), не определяет при этом исчерпывающим образом, какой круг сведений о человеке охватывается правом на уважение его частной жизни. Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускаются без согласия данного лица³.

На наш взгляд, необходимо установление справедливого баланса между правом на приватность и правом на получение информации, в том числе о деятельности иных граждан, например об их профессиональных достижениях, уровне компетентности, а также иных сведений, позволяющих идентифицировать гражданина как создателя или потребителя определенного цифрового контента (товаров и услуг).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

² Комментарий к Конституции РФ постатейный / Г.Д. Садовникова. 12-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2024. 244 с.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке».

Дискуссия по изучаемой проблеме в правовой науке

В рамках научного изучения последствий использования информационных технологий для реализации прав и свобод человека в современном обществе можно выделить несколько научных направлений.

К первому направлению следует отнести исследователей, которые поднимают вопрос об избыточной технократизации современного общества. Это выражается в постоянном и слабо контролируемом вторжении цифровых технологий в личное пространство человека, что порождает вызовы и риски для частной жизни и автономии личности [13. С. 4]. Эта экспансия во многом обосновывается необходимостью создания безопасного прогрессивного общества, основанного на идее рациональности и эффективности человеческого поведения. Внедрение новых технологий из соображений рентабельности и повышения производительности на деле ведет к дегуманизации, вытеснению человеческого в пользу техногенного. Ценой, которую необходимо заплатить за создание более производительного и безопасного общества, является свобода человека. Свобода личности ограничивается всеобъемлющим требованием современного общества, в том числе работодателей, постоянного нахождения индивида в сети Интернет, что определяют как гиперкоммуникацию. Зависимость от технологий также приводит к ограничению свободы личности, в том числе свободы выбора и осознанного принятия решений. Одна из причин заключается в монополизации рынка цифровой коммуникации несколькими платформами-гигантами.

Идея технического прогресса, в том числе развития цифровых технологий, становится неким фетишем современного общества. Абсолютизация современных информационных технологий ведет к дегуманизации, постепенному выпадению человека как высшего звена из системы ценностей в праве. Человек постепенно теряет часть своих навыков: ориентации в пространстве, способность самостоятельно принимать решения без «цифровых помощников» (нейросетей). Суть прогресса сводится исключительно к применению новой техники и технологий в экономике, а также некой пользе для человека определенных технологий с целью удовлетворения его потребностей и достижения личного комфорта, в том числе экономии времени и ускорению коммуникации. В конечном счете для основной массы населения идея прогресса сводится к необходимости приобретения и использования определенных технических устройств и программного обеспечения (мобильных приложений) к ним. На этом основана современная «экономика потребления и впечатлений».

Таким образом, упрощенное понимание прогресса, «цифровизация ради цифровизации», активно навязывается крупнейшими корпорациями в целях извлечения прибыли, которая достигается в том числе путем массового сбора, сегментации и анализа данных о гражданах – участниках цифровых коммуникаций, что в конечном счете становится средством воздействия на индивида управления его поведением.

Многие исследователи занимаются изучением проблемы нарушений прав человека на личную тайну и тайну переписки в процессе предоставления услуг по интернет-коммуникации и обработке личной информации государственными и частными структурами. Они обоснованно высказывают свои опасения о возможности осуществления тотального контроля над личной жизнью граждан [14. С. 170].

Ряд авторов обращает внимание на тот факт, что в отдельных государствах наблюдается определенный дисбаланс между личными и публичными интересами. Это выражается в гипертрофированной роли правоохранительных органов и спецслужб в реализации мер общественной безопасности, фактической неподконтрольностью данных структур в применении новых технологий по наблюдению и накоплению информации о личной жизни граждан. Это является серьезной угрозой для реализации права на неприкосновенность частной жизни, в том числе тайны переписки, почтовых сообщений и телефонных переговоров [15. С. 44].

Некоторые авторы справедливо ставят вопрос о том, что юридическая наука и право в целом не могут оставаться в стороне от глобальных технологических и социальных сдвигов. Это связано не только с исключительной ролью права в обеспечении интересов человека и неприкосновенности его частной жизни в цифровом пространстве, предупреждению и пресечению соответствующих правонарушений, но и в огромной гуманитарной миссии права, которая, кроме прочего, состоит в сдерживании и установлении допустимых форм и границ применения определенных технологий, использование которых может привести к нарушению интересов общества и отдельного человека. Речь идет о технологиях по массовой координации сознания цифровой средой и использовании нейровоздействия на человека. В этой области пока наблюдается правовой пробел – отсутствуют или в полной мере не сформированы соответствующие нормы как в международном праве, так и в национальных правовых порядках [16. С. 13].

Заключение

В эпоху цифровой коммуникации и искусственного интеллекта на право возложена особая миссия, которая состоит в установлении и поддержании баланса интересов индивида, коммерческих организаций и государства при сохранении глобального императива на автономию личности, неприкосновенности частной жизни в цифровом пространстве, включая право на конфиденциальность, анонимность вне объектов критической инфраструктуры.

На наш взгляд, необходимо ввести нормативный запрет для юридических лиц (коммерческих компаний) на использование личных данных граждан (пользователей) без их согласия. Под личными данными мы понимаем не только сведения, установленные законом в качестве персональных данных, но и информацию о действиях (активности) лица в сети Интернет. В частности, когда человек создает определенный цифровой продукт (кон-

тент), он, по сути, создает интеллектуальную собственность. Эта собственность должна защищаться законом с тем, чтобы ни одна цифровая платформа не имела на нее никаких прав до того момента, пока эти права не будут приобретены в установленном порядке. В настоящее время практически любые данные, размещаемые пользователем глобальной сети во время создания своей учетной записи (аккаунта) на различных интернет-сайтах (фото- и видеоизображения, фрагменты текстов, комментарии, данные о своем территориальном положении), автоматически становятся собственностью соответствующих цифровых платформ (например, «ВКонтакте», Telegram и др.).

Таким образом, весь массив данных, который индивид оставляет в глобальной сети Интернет (банковские операции, покупки, сведения о здоровье, изменениях геолокации, взгляды и мнения по различным вопросам), являются неотъемлемой составляющей его частной жизни и должны защищаться правом наряду с персональными данными гражданина и иными нематериальными благами. Необходимо нормативно закрепить право гражданина (пользователя сети Интернет) на цифровой контент, созданный им в сети интернет, а также любые данные о нем и выводы (оценки) этих данных. По сути, данные пользователя в сети Интернет ничем не отличаются от привычных нам объектов гражданских прав (личные неимущественные права), соответственно отношения, связанные с данными пользователей, должны регулироваться в том числе и нормами гражданского права. В настоящее время актуальным является вопрос о возможном использовании данных цифрового профиля человека после его смерти, т.е. личных данных (например, видео или фотографий), которые сохранились в сети Интернет, аккаунты в социальных сетях и компьютерных играх, а также финансовых активов (например, токены, криптовалюты). В настоящее время вся эта личная информация фактически принадлежит цифровым платформам, правовой режим вышеуказанных активов полностью не сформирован, что существенно затрудняет переход права на данные активы по наследству и ставит в тупик правоприменителей.

Необходимо нормативно закрепить право гражданина требовать удаления своих личных данных из интернет-сайтов, социальных сетей, если эти сведения не соответствуют действительности, утратили актуальность или были собраны без должного согласия лица (так называемое право на забвение). Данное право может быть ограничено в том случае, если сохранение такой информации в открытом доступе императивно установлено нормами закона, в том числе, когда это необходимо для защиты прав других лиц, например, выявления правонарушений или открытая информация об имуществе, имущественных обязательствах и доходах государственных и муниципальных служащих, кандидатов на выборные государственные должности. Право на забвение является важным институтом в борьбе за конфиденциальность и контроль над личной информацией в эпоху цифрового общества. Пользование данным правом предполагает наличие активной позиции самих граждан и готовности организаций учитывать и уважать требования по удалению информации.

У современного человека должно быть право не находиться постоянно на связи в глобальной сети. Многие работодатели превращают гиперкоммуникацию в форме обязательного подключения работника к определенным корпоративным чатам и электронной почте в стандартное требование. В итоге подключение к корпоративному чату и прочтение соответствующих сообщений от руководства в круглосуточном режиме становятся новой обязанностью работника. Презюмируется, что работник, подключенный к чату, ознакомлен со всей информацией, касающейся его трудовых обязанностей.

Следует отметить, что цифровое пространство – это особая сфера общественных отношений, где, тем не менее, продолжают действовать моральные, этические и правовые нормы, соответственно, здесь должна быть обеспечена неприкосновенность частной жизни при сохранении возможности выявления и пресечения противоправного поведения, идентификации правонарушителей.

Список источников

1. Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 222–240. doi: 10.17323/2072-8166.2022.3.222.240
2. Филипова И.А. Создание метавселенной: последствия для экономики, общества и права // Цифровые технологии и право. 2023. № 1. С. 7–32. doi: 10.21202/jdtl.2023.1
3. Герд Л. Технологии против человека / пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова; предисл. М. Федорова. М. : АСТ, 2018. 320 с.
4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. 260 с.
5. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеес А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19
6. Labs J., Terry S. Privacy in the Coronavirus Era // Genetic Testing and Molecular Biomarkers. 2020. Vol. 24, № 9. P. 535–536.
7. Cohen J.E. Law for the platform economy // US Davis Law Review. 2017. Vol. 51. P. 133–204.
8. Харитоновна Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8. С. 66–75. doi: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075
9. Булгаков А.Э. Особенности действия конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях: опыт России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024.
10. Robles-Carrillo M. Digital Platforms: A Challenge for States? // Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework. Singapore : Springer Nature Singapore, 2020. P. 49–62.
11. Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. 2016. Vol. 101.
12. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. doi: 10.12737/jrl.2019.11.2
13. Лапаева В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 4–35. doi: 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35

14. Лазар М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4. С. 170–182.

15. Жетписов С.К., Жакишева А.Е. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, иных сообщений в защите персональных данных // Вестник Торайгыров университета. Юридическая серия. 2024. № 2. С. 44–52.

16. Синицын С.А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 13–24. doi: 10.12737/jzsp.2023.002

References

1. Skvoznikov, A.N. (2022) Ogranichenie prav i svobod cheloveka v usloviyakh pandemii COVID-19: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Restriction of Human Rights and Freedoms in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Legal Aspects]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 222–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.222.240

2. Filipova, I.A. (2023) Sozдание metavseleynoy: posledstviya dlya ekonomiki, obshchestva i prava [Creation of a Metaverse: Consequences for the Economy, Society, and Law]. *Tsifrovye tekhnologii i pravo*. 1. pp. 7–32. DOI: 10.21202/jdtl.2023.1

3. Gerd, L. (2018) *Tekhnologii protiv cheloveka* [Technologies Against Man]. Translated from English by A.O. Yurkov, M.Yu. Kilin, T.Yu. Glazkov. Moscow: AST.

4. Amelin, R.V. & Channov, S.E. (2023) *Evolutsiya prava pod vozdeystviem tsifrovyykh tekhnologiy* [The Evolution of Law Under the Influence of Digital Technologies]. Moscow: Norma: INFRA-M.

5. Vinogradova, E.V., Polyakova, T.A. & Minbaleev, A.V. (2021) Tsifrovoy profil': ponyatie, mekhanizmy regulirovaniya i problemy realizatsii [Digital profile: Concept, regulatory mechanisms and implementation problems]. *Pravoprimenenie*. 5(4). pp. 5–19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

6. Labs, J. & Terry, S. (2020) Privacy in the Coronavirus Era. *Genetic Testing and Molecular Biomarkers*. 24(9). pp. 535–536.

7. Cohen, J.E. (2017) Law for the platform economy. *US Davis Law Review*. 51. pp. 133–204.

8. Kharitonova, Yu.S. (2024) Avtonomiya tsifrovyykh platform generativnogo iskusstvennogo intellekta v regulirovanii otnosheniy s pol'zovatelyami [Autonomy of digital platforms of generative artificial intelligence in regulating relations with users]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 19(8). pp. 66–75. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075

9. Bulgakov, A.E. (2024) *Osobennosti deystviya konstitutsionno-pravovykh garantiy svobody slova v sotsial'nykh setyakh: opyt Rossii i zarubezhnykh stran* [The action of constitutional and legal guarantees of freedom of speech in social networks: the experience of Russia and foreign countries]. Law Cand. Diss. Moscow: MSU.

10. Robles-Carrillo, M. (2020) Digital Platforms: A Challenge for States? In: *Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework*. Singapore: Springer Nature Singapore. pp. 49–62.

11. Lobel, O. (2016) The Law of the Platform. *Minnesota Law Review*. 101.

12. Bondar, N.S. (2019) Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

13. Lapaeva, V.V. (2021) Pravo tekhnogennoy tsivilizatsii pered vyzovami tekhnologicheskoy degumanizatsii [The Law of a Technogenic Civilization Facing the Challenges of Technological Dehumanization]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 4–35. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35

14. Lazar, M.G. (2018) Tsifrovizatsiya obshchestva, ee posledstviya i kontrol' nad naseleniem [Digitalization of society, its consequences and control over the population]. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov*. 4. pp. 170–182.

15. Zhetpisov, S.K. & Zhakisheva, A.E. (2024) Pravo na taynu perepiski, telefonnykh peregovorov, inykh soobshcheniy v zashchite personal'nykh dannykh [The right to privacy of correspondence, telephone conversations, and other messages in the protection of personal data]. *Vestnik Toraygyrov universiteta. Yuridicheskaya seriya*. 2. pp. 44–52.

16. Sinitsyn, S.A. (2023) Lichnye neimushchestvennye prava i bezopasnost' cheloveka v virtual'nom prostranstve [Personal non-property rights and human security in virtual space]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 19(1). pp. 13–24. DOI: 10.12737/jzsp.2023.002

Информация об авторе:

Сквозников А.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, россия). E-mail: skvoznikov2003@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1543-0375.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Skvoznikov A.N., Institute of Law, Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University (Togliatti, Russian federation). E-mail: skvoznikov2003@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1543-0375.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2024;
одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 28.11.2024;
approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья
УДК 342.92
doi: 10.17223/22253513/56/5

Ещё раз о чрезвычайных административно-правовых режимах (на примере разлива мазута в Чёрном море)

Сергей Алексеевич Старостин¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, prof.starostin@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрены проблемы применения чрезвычайных административно-правовых режимов на примере введённого в связи с разливом мазута в акватории Чёрного моря режима чрезвычайной ситуации. Власти вновь не решились вводить чрезвычайное положение, ограничившись режимом чрезвычайной ситуации. Черноморская катастрофа подтвердила проблемы регулирования таких режимов. Последствием некачественных и неэффективных управленческих решений стала потеря времени, так необходимого для устранения причин возникшей чрезвычайной ситуации и минимизации причиненного вреда. Последствием этого стали значительные материальные и иные затраты на ликвидацию чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, чрезвычайный административно-правовой режим, экологическая катастрофа, режим чрезвычайной ситуации, режим чрезвычайного положения, утечка мазута

Для цитирования: Старостин С.А. Ещё раз о чрезвычайных административно-правовых режимах (на примере разлива мазута в Чёрном море) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 56–72. doi: 10.17223/22253513/56/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/5

Once again about emergency administrative and legal regimes (using the example of a fuel oil spill in the Black Sea)

Sergey A. Starostin¹

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, prof.starostin@gmail.com*

Abstract. This article examines the problem of special administrative and legal regimes in the Russian Federation, which has been studied by the author for several decades. Unfortunately, the regulation of these regimes is still far from perfect, as a number of valuable suggestions from legal scholars and practitioners are still ignored by the legislator. This circumstance often becomes one of the main catalysts for ineffective response to emergency situations, resulting in significant risks to the life and health of citizens, as well as significant harm to their environment.

One of the most vivid and relevant illustrations of this thesis is the environmental disaster that occurred on December 15, 2024 in the Black Sea. As a result of the collapse of the tankers Volgoneft-212 and Volgoneft-239, a fuel oil spill occurred, and about 2.4 thousand tons of petroleum products ended up in the sea. For a number of reasons, the elimination of the consequences of this emergency situation should be recognized as far from being carried out in the best way.

Firstly, the competent public authorities and their officials were clearly not prepared for this incident, although there have been many incidents of this kind in recent years, both in Russia and in foreign countries.

Secondly, the acts of public authorities (the Governor of the Krasnodar Territory, the administration of the resort city of Anapa), dedicated to measures to minimize the negative consequences of the oil spill, were drawn up using unsuccessful and incorrect formulations.

Thirdly, some funds were allocated to combat the emergency situation, but their volume was insufficient, which is why it was necessary to involve volunteer volunteers who did not have the required knowledge, skills, competencies and experience.

Fourthly, and most importantly, a special administrative and legal regime has been introduced, such as an emergency regime, although a state of emergency should have been introduced. It seems that there was every reason for this, and the introduction of this regime would have made it possible to counter the threats that had arisen as successfully as possible. But, probably, the state of emergency was not used due to the fact that it was supposed to be introduced by the President of the Russian Federation. Meanwhile, responding to an emergency situation from a single decision-making center in this case (however, as in many others) would simply be impractical.

In conclusion, the author once again proposes to transfer the authority to impose a state of emergency in connection with natural and man-made emergencies to the highest officials of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: emergency situation, state of emergency, emergency administrative and legal regime, environmental disaster, emergency regime, state of emergency, fuel oil leak

For citation: Starostin, S.A. (2025) Once again about emergency administrative and legal regimes (using the example of a fuel oil spill in the Black Sea). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 56–72. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/5

15 декабря 2024 г. в акватории Чёрного моря произошла серьёзная экологическая катастрофа – в результате крушения танкеров «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» произошёл разлив мазута. Согласно оценкам специалистов Морспасслужбы, в море попало около 2,4 тыс. т нефтепродуктов¹. Данное бедствие нанесло серьёзный вред черноморской экосистеме, и без того страдающей от хозяйственной деятельности человека, будь то засорение моря с судов и побережья, инвазия чужеродного для черноморской биоты гребневика, спровоцированная необдуманным занесением этих существ с балластными водами [1. С. 243–249], затопление судов с токсичными и иными опасными грузами... Список причинённого Черному морю

¹ Около 2,4 тыс. тонн нефтепродуктов попало в море после крушения танкеров // Информационная группа «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/1001555> (дата обращения: 27.02.2025).

и его обитателям вреда можно продолжать долго, но предмет настоящей статьи связан не с экологическим, а административным правом. У нас нет задачи выяснить причины и условия возникновения чрезвычайной ситуации (ЧС), этим занимаются компетентные органы, мы хотим показать, что организация ликвидации последствий носила (особенно в начале) хаотичный, нескоординированный, характер, а следовательно, была неэффективной. Органы власти и управления не смогли использовать предоставленные им правовые и организационные возможности [2. С. 448–455].

Разлив нефтепродуктов представляет собой обстоятельство экстраординарного (для правовой действительности) характера, которое причиняет вред охраняемым законом ценностям, прежде всего правам и свободам человека и гражданина. Это в чистом виде ситуация чрезвычайная.

Удивительно, что для должностных лиц органов исполнительной власти, наших специальных компетентных органов [3. С. 64–65], да и для многих из нас, возникшая ситуация стала неожиданной, понимание происходящего пришло значительно позже, когда время было уже упущено.

Но ведь подобные катастрофы и аварии, сопровождающиеся значительным выбросом в акваторию нефтепродуктов, не были единичными. Только несколько примеров: 2022 г., США, Луизиана, вылилось более 500 т нефти; 2014 г. США – сразу три катастрофы, вылилось более 1 тыс. т нефти; 2013 г., Канада, Квебек – более 4 тыс. т нефти. Еще раньше подобные катастрофы происходили в Венесуэле (2012 г.), Франции (2011 г.), Бразилии (2011 г.). Этот перечень можно продолжать бесконечно¹.

В России чрезвычайных ситуаций, связанных с разливом нефтепродуктов также много: Норильск 2020 г., разлив более 20 тыс. т дизельного топлива; 1997 г. – Саратовская область, в результате разрыва нефтепровода вылилось 1,5 тыс. т нефти; 1994 г. – Усинский район Республики Коми, вылилось 94 тыс. т сырой нефти и т.д. По данным мониторинга Росприроднадзора, в 2019 г. в России было зарегистрировано 819 случаев разлива нефти на общей площади 93,6 га².

Казалось бы, мы должны уже были не просто научиться быстро ликвидировать подобные ситуации, но и эффективно, а следовательно, быстро и с применением современных методов реагировать на них, не допускать ошибок в принимаемых решениях.

Легальное определение ЧС дано в ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – закон о ЧС)³. Чрезвычайная ситуация представляет собой обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате

¹ URL: https://aif-ru.turbopages.org/aif.ru/s/society/ecology/smertonosnaya_neft_samye_strashnye_Ekologicheskiekatastrofy_v_okeane; <https://dzen.ru/a/XITLV8ktrwC0CfHu?ysclid=m8wo2nbf5c556995376>

² URL: <https://tass.ru/info/8641491>

³ Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 26.12.1994. № 35. Ст. 3648.

аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Законодательное определение, на наш взгляд, не вполне удачно. Думается, чрезвычайные ситуации возникают не только вследствие каких-либо природных и техногенных причин, но и антропогенных, социальных. Иными словами, ЧС, будучи по своей сути юридическими фактами-событиями, способствующими возникновению, изменению и прекращению конкретных правоотношений, в том числе управленческого характера, выступают поводом к принятию управленческого решения о введении любого чрезвычайного административно-правового режима (ЧАПР).

Следует отметить, что в доктрине предлагаются разнообразные подходы к пониманию ЧС либо выдвигаются иные термины [4. С. 276]. Так, профессор Б.Н. Порфирьев, признанный специалист в области ЧС, предлагает следующую дефиницию: «...это внешне неожиданная, внезапно возникающая обстановка, характеризующаяся неопределенностью, остроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом, прежде всего человеческими жертвами, необходимостью быстрого реагирования (принятия решений), крупными людскими, материальными и временными затратами на проведение эвакуационно-спасательных работ, сокращение масштабов и ликвидацию многообразных негативных последствий (разрушений, пожаров и т.д.)» [5. С. 11–12].

В работе И.А. Титовой «Правовое регулирование распределения дел в судах: реализация на примере новых регионов Российской Федерации» [6. С. 46–50] автором отмечены позиции А.В. Тихона, Е.С. Аничкина относительно сущности ЧС. По мнению А.В. Тихона, ЧС являет собой обстановку «исключительно сложную, предполагающую гибель людей, массовые разрушения, материальный ущерб значительного размера, требующую особых средств для ликвидации образовавшихся негативных последствий» [7. С. 76–79]. Е.С. Аничкин полагает, что ЧС – «состояние, возникшее в результате определенной опасности на определенной территории либо объекте, при котором возникает угроза нормальной жизнедеятельности людей, угроза их жизни и здоровью, сопровождающееся ущербом имущественного характера населению, экономике и др.» [8. С. 4–9].

Если говорить предельно упрощённо, то ЧС представляют собой явления, процессы, отношения, имеющие опасность для личности, общества и государства. Как уже отмечалось, в науке ЧС – не синоним кризисной ситуации [9. С. 8]. Действительно, всякая ЧС вскрывает определённый кризис в экономических, социальных, управленческих и иных отношениях. Но не всякий кризис, порождённый некоей ситуацией, именуемой «кризисной», будет столь серьёзно вредить общественным отношениям, как ЧС.

Для преодоления многих кризисных ситуаций достаточно применения повседневных властно-управленческих методов, не требующих предоставления дополнительных полномочий органам исполнительной власти и

должностным лицам, а также введения в действие дополнительных запретов и ограничений для граждан. Например, тушение небольшого возгорания, которое ещё не успело перерасти в пожар и создать реальную угрозу для людей и имущества. Это те ситуации, могущие стать чрезвычайными вследствие своей потенциальной опасности, но ещё не повлекшие определённых последствий, о которых будет сказано ниже. То есть всякие кризисы в некотором роде повседневны, и текущая задача исполнительной власти – не дать таким кризисным ситуациям перерасти в чрезвычайные.

Некоторые авторы применяют к повседневной деятельности исполнительной власти термин «режим», говоря о так называемом общем правовом режиме, якобы предназначенном для типичных, повседневных ситуаций [10. С. 122–136]. Такая позиция представляется нам не вполне состоятельной – режим это всегда относительно резкие, часто системные изменения как условий функционирования, так и самой системы управления.

Нельзя не согласиться с утверждением Л.С. Муталиевой, А.В. Меньшикова, Д.А. Илло, что «под понятие чрезвычайной ситуации попадает не любое явление». Но эти же авторы пишут, что ЧС должна обладать признаками, определёнными в законе [11. С. 67–70]. Вот здесь можно и нужно сомневаться – всегда ли законодатель точен в формулировках? Думается, что нет¹.

ЧС законодательно определена как сугубо природное или техногенное явление. Но как же воспринимать случившееся ситуацию в Чёрном море? Однозначно ли данная ЧС носит лишь техногенный характер? Обратимся к нормативным актам.

В 2021 г. приказом МЧС России были утверждены критерии информации о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера (далее – Приказ)². В соответствующем Приказе определены «наименования источников информации о чрезвычайных ситуациях» и «критерии отнесения события к чрезвычайной ситуации». Позиция 1.1.6 Приказа – «Аварии на водном транспорте», которая относится к ЧС *техногенного* характера, если погиб 1 человек и более; или получили вред здоровью 5 человек и более; или затруднено (прекращено) судоходство на 72 ч и более; произошёл разлив топлива и попадание загрязняющих веществ в водный объект в объёме 1 т и более.

¹ См.: Старостин С.А. О подмене понятий в государственном управлении // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 76–97; Старостин С.А. Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. М.: Проспект, 2022. 112 с.; Зокиров Т.З. Некоторые проблемы административной ответственности за нарушение правовых актов субъектов Российской Федерации // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сборник докладов X Московского юридического форума: в 3 ч. М., 2023. С. 62–69; Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. Т. 1. М., 2024. 472 с. EDN NASPAY; Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. Т. 2. М., 2025. 312 с. EDN DBTQFA.

² Приказ МЧС России от 05.07.2021 № 429 «Об установлении критериев информации о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.09.2021).

Теперь обратимся к подразделу 2.9 «Биологическая опасность», содержащем три позиции, в которых говорится о наличии внутренних и внешних опасных биологических факторов, способных привести к возникновению и (или) распространению заболеваний, опасных для людей, животных или растений.

Если закрыть глаза на сомнительность одновременного использования оборотов «критерий информации о ЧС» (условное родовое понятие по смыслу приказа Министра) и «критерий отнесения события к ЧС» (условное видовое понятие), то нельзя игнорировать несостоятельность заложенного в тексте Приказа отнесения биологических угроз к ЧС лишь природного характера. Разве биологическая опасность не может быть вызвана техногенной катастрофой? По смыслу Приказа – нет, это разные источники ЧС. Но в действительности это совсем не так.

Опасность разлившихся нефтепродуктов не столько в самом факте загрязнения моря, а сколько в губительном воздействии компонентов нефтепродуктов на органику. Для наглядности приведём выдержку из руководящего документа «Массовая концентрация нефтяных компонентов в водах. Методика измерений ИК-фотометрическим и люминесцентным методами с использованием тонкослойной хроматографии»¹: «Многие компоненты нефти и нефтепродуктов обладают *высокой токсичностью*, а также проявляют *мутагенные и канцерогенные свойства*, что губительно сказывается на условиях обитания всего гидробиологического сообщества».

Токсичность, риск для мутаций и возникновения онкологии являются проявлениями биологической опасности. Токсичность мазута требует принятия мер по обеспечению безопасности волонтеров, участвующих в ликвидации последствий ЧС. Стало быть, разлив мазута в Чёрном море должен восприниматься и как ЧС природного характера. Следовательно, экологическая катастрофа на Чёрном море может обладать двойственной природой, поскольку сочетает в себе и техногенный, и природный характер. Это ЧС уже комбинированного характера.

Нельзя исключить и возможность вины экипажей танкеров, прежде всего шкиперов и штурманов, легкомыслие или небрежность которых могли стать истинной причиной столкновения судов и разлива нефтепродуктов. Если же следствие, а затем и суд придут к выводу о наличии неосторожной вины (а может даже и умышленной, если следователи приведут убедительные на то доказательства), то сущность события может быть уже совершенно иной. В таком случае можно говорить о некоем социальном окрасе экологической катастрофы, т.е. как выразился глава государства, возможна ЧС биолого-социального характера².

¹ Утв. Приказом Росгидромета от 04.06.2021 № 176.

² Пункт 9 Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 16.10.2019 № 501) // СЗ РФ. 21.10.2019. № 42 (часть III). Ст. 5892.

Но нас не интересуют причины и факторы произошедшего. Нам важно уяснить иные обстоятельства, главным из которых является то, по какой причине, почему Президент Российской Федерации не воспользовался предоставленным ему законом право решить проблему эффективнее и быстрее, с меньшими затратами, чем это было сделано.

Какие же меры были приняты в связи с разливом мазута в акватории Чёрного моря? Обратимся к текстам правовых актов органов публичной власти.

15 декабря 2024 г. Администрацией Темрюкского района издаётся постановление о введении режима повышенной готовности и установлении местного уровня реагирования¹. 17 декабря 2024 г. режим ЧС вводят администрации Темрюкского района², а также города-курорта Анапа³. Режим повышенной готовности для органов и сил РСЧС в пределах города-курорта Анапа уже действовал на день катастрофы – его вводили в преддверие новогодних и рождественских праздников ещё до разлива⁴. 24 декабря 2024 г. распоряжением Губернатора Краснодарского края был создан оперативный штаб для содействия муниципалитетам в ликвидации ЧС и её последствий⁵.

¹ Постановление Администрации Темрюкского района от 15.12.2024 № 2067 «О введении режима функционирования “Чрезвычайная ситуация” для органов управления и сил районного звена территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Краснодарского края на территории Запорожского, Новотаманского, Сенного и Таманского сельских поселений Темрюкского района» // Темрюкский район. Официальный сайт муниципального образования. URL: <https://www.temryuk.ru/upload/iblock/be2/82auepunoo4ufxz7rtiipgygln48vtuu.pdf>

² Постановление Администрации Темрюкского района от 17.12.2024 № 2068 «О введении режима функционирования “Чрезвычайная ситуация” для органов управления и сил районного звена территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Краснодарского края на территории Запорожского, Новотаманского, Сенного и Таманского сельских поселений Темрюкского района» // Темрюкский район. Официальный сайт муниципального образования. URL: <https://www.temryuk.ru/upload/iblock/d4d/auhllsm56nxpikx7eudrzmedu04i578x.pdf>

³ Постановление администрации муниципального образования город-курорт Анапа от 17.12.2024 № 3671 «О введении режима функционирования “Чрезвычайная ситуация” для органов управления и сил Анапского муниципального звена территориальной подсистемы Краснодарского края единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Официальный сайт администрации муниципального образования город-курорт Анапа. URL: <https://anapa-official.ru/upload/iblock/119/k7soya3cz5ungav856u5bo7lk4ozzue2.pdf>

⁴ Постановление администрации муниципального образования город-курорт Анапа от 13.12.2024 № 3610 «О введении на территории муниципального образования город-курорт Анапа режима функционирования “Повышенная готовность” для органов управления и сил Анапского муниципального звена территориальной подсистемы Краснодарского края единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Официальный сайт администрации муниципального образования город-курорт Анапа. URL: <https://anapa-official.ru/upload/iblock/9cb/mr7yu1sn0rjqt7409ykyzj2s01k1yzs3.pdf>

⁵ Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 24.12.2024 № 317-р «О создании оперативного штаба по оказанию содействия муниципальному округу город-курорт Анапа и Темрюкскому муниципальному району в ликвидации чрезвычайных ситуаций, произошедших вследствие разлива нефти и нефтепродуктов в Керченском проливе, и их

25 декабря 2024 г. Губернатором Краснодарского края издается распоряжение «О введении режима чрезвычайной ситуации на территории Краснодарского края»¹, которым признавалось утратившим силу предыдущее распоряжение о создании оперативного штаба. Лишь 26 декабря 2024 г., через 11 дней после начала катастрофы, был введён режим ЧС федерального характера².

Вот что написано в распоряжении Губернатора о введении ЧС: «В результате *сильного волнения* Чёрного моря 15 декабря 2024 г. произошло крушение двух судов Керченском проливе с разгерметизацией (разрушением) и разливом нефти и нефтепродуктов в акваторию Черного моря, что привело к загрязнению водоохранной зоны Черного моря в границах муниципальных образований...». А вот что написано в постановлении Администрации города-курорта Анапа о введении ЧС: «В результате крушения танкеров во время *шторма* в Керченском проливе...».

Сразу же возникает несколько вопросов. Во-первых, так что всё-таки случилось, сильное волнение или шторм? Во-вторых, а стоило ли писать в тексте распоряжения о *вероятной* причине случившегося – сильном волнении моря или шторме? Откуда такая уверенность, что «виновата» природа, а не, например, шкиперы и штурманы судов? О причинах будут разбираться другие. В-третьих, зачем использовали формулировку «разгерметизация (разрушение)»? В любом толковом словаре русского языка существительные «разгерметизация» и «разрушение» имеют совершенно разные значения. То, что имела место разгерметизация – понятно и не вызывает возражения, поскольку утечка мазута всё же произошла. Но откуда исполнителям, готовившим текст распоряжения Губернатора, знать, был ли танк разрушен или просто повреждён? Если не уверен – не пиши.

Читаем дальше. В тексте распоряжения Губернатора сказано: «В результате сложившейся обстановки нарушены условия жизнедеятельности населения, нанесён значительный ущерб окружающей среде в Краснодарском крае. Возникла чрезвычайная ситуация регионального характера, источником которой явилась авария с разливом нефти и нефтепродуктов».

Выражение «возникла чрезвычайная ситуация регионального характера» представляется неудачным. Чрезвычайная ситуация возникла, это объективное явление, не зависящее от воли и сознания должностных лиц, т.е., это юридический факт-событие. Но ЧС сама по себе не обладает «врождённым» региональным, местным или ещё каким характером. Это просто обстановка.

последствий» // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/175/p5utulh051zsmzyh42uidf3txcwc71y3.pdf>

¹ Распоряжение Губернатора Краснодарского края от 25 декабря 2024 г. № 325-р «О введении режима чрезвычайной ситуации на территории Краснодарского края» // Официальный интернет-портал правовой информации.

² Правительственной комиссией под руководством главы МЧС введен режим ЧС федерального характера из-за ситуации в Керченском проливе // Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/5427560>

Характер размаха ЧС – оценочная, субъективная категория, связанная с административным усмотрением должностного лица, компетентного принимать решение о введении ЧАПР [12]. И определять характер ЧС разумно лишь при установлении уровня реагирования на обстановку, а не при описании самой обстановки.

Вот что пишет Администрация города-курорта Анапа: «...нефтяное пятно разлива... произвело загрязнение водоохранной зоны Черного моря». Написано «птичьим» языком. Зачем писать, что пятно «произвело» загрязнение, когда уже факт появления пятна сам по себе означает загрязнение моря?

И вместе с тем гораздо грамотнее составлены постановления Администрации Темрюкского района о введении режимов повышенной готовности и ЧС. В них просто, безо всяких лишних слов указана причина разлива – крушение танкеров.

В работах по ликвидации ЧС и её последствий участвуют множество волонтеров со всей страны. Беда сплотила людей, продемонстрировавших мужество и подлинную гражданственность. Не будет преувеличением: то, как наши соотечественники борются с загрязнением, спасают животных и очищают местность, является гражданским подвигом. Но нельзя не признать, что волонтеры, отложившие свои дела ради борьбы с ЧС, рискуют своими жизнями и здоровьем – мы неспроста писали ранее о вредоносности нефти и нефтепродуктов для человеческого организма.

Задача государства – беречь народ, и Президент Российской Федерации говорил об этом неоднократно. Не случайно, что среди национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. первым названо сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи¹.

Так почему на борьбу с ЧС выделено столь мало сил и средств, что без волонтеров не обойтись? Думается, что случившееся в Чёрном море должно было стать поводом не для режима ЧС, а для гораздо более жёсткой разновидности ЧАПР, наиболее адекватной сложившейся обстановке. Мы говорим о режиме чрезвычайного положения (далее – режим ЧП).

Конституция РФ на данный момент относит введение режима ЧП к прерогативе исключительно главы государства. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» (далее – закон о ЧП)² конкретизирует полномочия президента по этому вопросу. И тем не менее Президент РФ не решился вводить ЧП. А это были бы уже совершенно иные, специально создаваемые органы управления, гораздо более строгие правоограничения, более жёсткие меры принуждения.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

² Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

Хозяйственная значимость Чёрного моря для нашей страны (а также для других государств, имеющих выход к Чёрному морю) диктует необходимость как можно более быстрой ликвидации последствий экологической катастрофы. И заниматься этим должны не волонтеры, а силы государства. В этой связи мы с горечью пишем о трагических смертях участников ликвидации ЧС – Александре Комине, молодом парне-волонтере, студенте Анапского колледжа¹; водолазе Семёне Луговом – сотруднике МЧС России по Краснодарскому краю². Конечно, мы не берёмся утверждать, что причиной их гибели стали нефтепродукты или их испарения. Но мы уверены в одном – нахождение в зоне экологического бедствия крайне опасно для человека гражданского, не имеющего специальной подготовки и не оснащённого необходимыми защитными экипировкой и оборудованием.

Обратимся к закону о ЧП. В соответствии со ст. 13 закона могут приниматься такие меры, как привлечение государственного материального резерва, мобилизация ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменение режима их работы, переориентация указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные необходимые в условиях чрезвычайного положения изменения производственно-хозяйственной деятельности. При этом мобилизация трудоспособного населения и использование транспортных средств граждан допускаются лишь *в исключительных случаях* (п. «е» названной статьи). При ликвидации последствий разлива мазута произошла своего рода «самомобилизация» населения, которая бы не потребовалась (хотя бы не в таких масштабах), если бы ввели режим ЧП.

Статья 16 закона о ЧП перечисляет силы и средства для обеспечения режима ЧП. Среди них ОВД, УИС, федеральные органы безопасности, войска нацгвардии, а также силы и средства органов по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Граждан и организаций здесь нет и не может быть!

Статья 17 допускает привлечение дополнительных сил и средств для обеспечения режима ЧП. Речь идёт о Вооружённых Силах РФ, Пограничной службе ФСБ России, а также иных органах. И здесь тоже нет упоминания граждан и организаций.

Теперь о мерах и ограничениях. Часть 10 ст. 4.1 закона о защите населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера (далее – закон о ЧС) предполагает право принимать дополнительные меры по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций:

а) ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации;

¹ URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/01/15/20385932.shtml>

² URL: <https://www.rbc.ru/society/28/02/2025/67c1c9a29a79472e763808de>

б) определять порядок разбронирования резервов материальных ресурсов, находящихся в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением государственного материального резерва;

в) определять порядок использования транспортных средств, средств связи и оповещения, а также иного имущества органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций;

г) приостанавливать деятельность организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории;

д) осуществлять меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина и направленные на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия.

То есть в рамках режимов ЧС и ПГ установление правоограничений формально не допускается. Вместе с тем ограничение доступа людей в зону ЧС есть не что иное, как ограничение свободы передвижения. Приостановление деятельности организаций – явное ограничение комплекса прав на занятие незапрещённой законом деятельностью, будь то предпринимательская или некоммерческая деятельность. Причём при применении конструкции юридического лица – фикции [13. С. 31], очевидны будут ограничения не прав организации как таковой, а прав людей – учредителей, участников, управленцев и т.п. В этой связи обращает на себя законодательное упущение, связанное с недопустимостью ограничения деятельности индивидуальных предпринимателей, тогда как может возникать угроза безопасности жизнедеятельности работающих у ИП граждан.

Теперь обратим внимание на меры и ограничения, вводимые в условиях ЧП. Прежде всего, обращает на себя внимание помещение мер и ограничений в отдельную главу Закона о ЧП, что разительно отличается от закона ЧС, в котором меры и ограничения помещены в часть одной статьи.

При любом ЧП Президент РФ, среди прочего, вправе: полностью или частично приостанавливать полномочия органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления (ст. 11 Закона о ЧП): установить ограничения на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также ввести особый режим въезда на указанную территорию и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пребывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства; усилить охрану общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; установить ограничения на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств; запретить забастовки и иные способы приостановления или прекращения деятельности организаций; ограничить движение транспортных

средств и установить необходимость их досмотра; приостановить деятельность опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества.

Есть некоторые совпадения с мерами и ограничениями при режиме ЧС, касающиеся ограничения свободы передвижения граждан. Вместе с тем, закон о ЧП предполагает возможность приостановления деятельности опасных производств, в то время как закон о ЧС говорит о более размытом приостановлении деятельности организаций, без указания на то, не от этой ли организации исходит опасность для людей. В чрезвычайной ситуации в Керченском проливе следовало приостановить деятельность компаний – в собственности или фрахте которых были потерпевшие крушение танкеры. Невозможно представить, что могло бы случиться, устрой работники организаций Кубани забастовку. На каждую ЧС нужно реагировать соразмерно исходящей угрозе охраняемым ценностям. Чтобы защитить права на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду, нужно ограничивать другие права, если их осуществление не только навредит делу спасения людей, но и поставит под сомнение защищённость более важных прав и свобод [12. С. 194–195; 14. С. 27–28]. Сложно преодолеть какую-либо беду, не затянув потуже пояса.

При ЧП природного и техногенного характера, в соответствии со ст. 13 Закона о ЧП, могут вводиться такие меры и ограничения, как временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; привлечение государственного материального резерва, мобилизация ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменение режима их работы, переориентация указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные необходимые в условиях чрезвычайного положения изменения производственно-хозяйственной деятельности; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими мер, предусмотренных п. «ж» ст. 11 закона о ЧП и п. «в» ст. 13 закона о ЧП, и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей. Все эти меры в рамках режима ЧС не предусмотрены. Но разве волонтёры и социально ответственные предприниматели могут подменить собой мобилизацию ресурсов всех организаций, обеспеченную силой государственного принуждения?

Таким образом, случившееся в Керченском проливе должно было стать поводом к введению на отдельных территориях РФ чрезвычайного положения, а не режима ЧС. Но Президент РФ не стал этого делать. Каковы причины этого – неизвестно, но, по нашему мнению, не введение режима ЧП объяснимо не столько прямым нежеланием главы государства вводить более жёсткие ограничения, а сколько невозможностью реагирования на ЧС из одного центра принятия решений. Россия – страна с огромной территорией, но она является федерацией [15], в которой регионы должны иметь

возможность «подхватывать» инициативу и давать адекватную реакцию на ту или иную ЧС.

Мы убеждены, что правомочие введения режима ЧП в связи с ЧС природного и техногенного характера должно быть передано высшим должностным лицам субъектов РФ [16. С. 43–44]. Россия – федерация, и наличие лишь одного центра принятия решений в области ЧАПР нецелесообразно. Более того, это вредно, ибо теряется время на принятие необходимых и адекватных мер по защите людей. Режимы повышенной готовности и ЧС уже могут вводиться децентрализованно, но разве может режим ЧС, не имеющий отношения к гражданам, быть адекватной реакцией на возникшую угрозу?

Конституция РФ не содержит препятствий к реформированию института ЧП – его по-прежнему регулирует и будет регулировать федеральный конституционный закон, но норма о единственном субъекте введения режима ЧП, а именно ст. 88, находится в гл. 4 Конституции РФ, которая может быть пересмотрена Федеральным Собранием РФ.

Передача полномочия вводить режим ЧП главам российских регионов не будет чем-то принципиально новым для административного права. Мы неоднократно писали об аналогичном полномочии союзных республик – субъектов Союза ССР (ст. 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения»¹). Аналогичные положения имелись и в общесоюзном Положении о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка². Одноимённое Положение, принятое ВЦИК, предоставляло такое полномочие органам власти субъектов и территориальных образований РСФСР³. Тогда возникнет вопрос: по какому закону нужно будет привлекать к административной ответственности за нарушение правовых актов, изданных в связи с ЧП – КоАП РФ или закон субъекта РФ, по аналогии с административной ответственностью в области режимов ПГ и ЧС [16. С. 67–68]?

Введение режима ЧП главами субъектов РФ должно сопровождаться гарантиями законности. Во-первых, никто не отменял президентский контроль, который может выражаться в данной ситуации в подтверждении или отмене введённого режима ЧП главой государства. Во-вторых, судебный контроль – граждане РФ и организации могут оспорить незаконный и необоснованный правовой акт о введении режима ЧП в порядке административного судопроизводства. Справедливое [17. С. 90–92] судебное решение, достигаемое правильным применением судебного усмотрения [8 С. 34–39], покажет, насколько

¹ Закон СССР от 03.04.1990 № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

² Статья 7 Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 03.04.1925) // СЗ СССР. 1925. № 25. Ст. 167.

³ Статья 5 Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка (утв. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 08.03.1923) // Известия ВЦИК. 10.03.1923. № 54. ст. 7 Декрета ВЦИК, СНК РСФСР от 10.05.1926 «О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 04.06.1926. № 127.

оправданно в тех или иных обстоятельствах вводится режим ЧП и можно ли было действительно обойтись режимом ЧС. В-третьих, парламентский контроль – правовой акт о введении режима ЧП – должен как минимум доводиться до сведения законодательного органа субъекта РФ [19. С. 386–389]. В-четвёртых, глава субъекта РФ будет нести *персональную* ответственность за принимаемое управленческое решение перед Президентом РФ.

Нами уже многократно предлагалось расширить полномочия субъектов Российской Федерации самим вводить режим ЧП хотя бы по основаниям природного и техногенного характера, когда ЧС не угрожает ни суверенитету, ни целостности Российской Федерации. Но такого решения нет. И не потому ли, что за всю историю законодательства о ЧП этот режим по основаниям природного и техногенного характера (в законе о ЧП они названы обстоятельствами, что считаем неудачным) ни разу не вводился, хотя ЧС федерального уровня было множество.

Список источников

1. Алимов А.Ф., Панов В.Е., Крылов П.И., Телеш В.И., Быченков Д.Е., Зимин В.Л., Максимов А.А., Филатова Л.А. Проблема антропогенного вселения чужеродных организмов в водоемы бассейна Финского залива // Экологическая обстановка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 1997 году. Справочно-аналитический обзор. СПб., 1998. С. 243–249.
2. Комовкина Л.С. Проблемы правового регулирования предупреждения и ликвидации последствий разлива нефти и нефтепродуктов в морской среде // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, 21 марта 2025 года / под общ. ред. А.И. Каплунова ; сост.: Н.А. Кулаков, Н.М. Крамаренко, Р.М. Степкин, К.А. Шуликов. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 448–454.
3. Специальные административно-правовые режимы : учеб. пособие / под ред. С.А. Старостина. М., 2022. 200 с.
4. Зубарев С.М., Андрухина Э.П. Административно-правовые режимы в кризисных ситуациях : краткий обзор Международной научно-практической конференции, проведенной 24 ноября 2022 года в рамках XXII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 274–280. doi: 10.24412/1608-8794-2023-1-274-280. EDN QMRJTY.
5. Порфирьев Б.Н. Управление в чрезвычайных ситуациях: проблемы теории и практики. М. : ВНИТИ, 1991;
6. Титова И.А. Правовое регулирование распределения дел в судах: реализация на примере новых регионов Российской Федерации // Российский судья. 2024. № 5. С. 46–50. doi: 10.18572/1812-3791-2024-5-46-50
7. Тихон А.В. Особенности организации и функционирования судебной власти в условиях особых и специальных правовых режимов // Актуальные проблемы экономики, управления и права : сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора М.Н. Марченко. Саратов, 2023. С. 76–79.
8. Аничкин Е.С. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: характерные черты

правовой и институциональной интеграции // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 3. С. 4–9.

9. Порфирьев Б.Н. Организационно-правовые основы управления при чрезвычайных ситуациях: лекция. М. : Академия МВД России, 1995.

10. Лескина Э.И. Доктринальные аспекты правовых режимов данных в условиях развития технологий больших данных // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 122–136.

11. Муталиева Л.С., Меньшиков А.В., Илло Д.А. Компетенция комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 67–70. doi: 10.18572/2071-1166-2022-8-67-70

12. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в чрезвычайных ситуациях // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция; XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова : в 5 ч. Москва, 23–25 ноября 2022 года. Ч. 5. Москва : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 193–196.

13. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 31.

14. Ведяшкин С.В., Зайцев Д.И. Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 22–34.

15. Ведяшкин С.В. Федерализм – основа системы органов исполнительной власти России // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 30 января 2020 года. Ч. 84. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. С. 10–12. EDN LYWUFY.

16. Старостин С.А. Чрезвычайное положение. М. : Проспект, 2019. 120 с.

17. Куликова М.С. Справедливость судебного решения в рамках социологического подхода к праву: из истории правовой мысли // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 90–92.

18. Щепалов С.В. Об усмотрении суда при рассмотрении дел, предусмотренных главой 22 КАС РФ // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 34–39.

19. Хисамутдинов И.Ф. К вопросу о парламентском контроле в субъектах Российской Федерации // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 05 февраля 2016 года / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 386–389.

References

1. Alimov, A.F., Panov, V.E., Krylov, P.I., Telesh, V.I., Bychenkov, D.E., Zimin, V.L., Maksimov, A.A. & Filatova, L.A. (1998) Problema antropogennoygo vseleniya chuzherodnykh organizmov v vodoemy basseyna Finskogo zaliva [The problem of anthropogenic introduction of alien organisms into the water bodies of the Gulf of Finland basin]. In: *Ekologicheskaya obstanovka v Sankt-Peterburge i Leningradskoy oblasti v 1997 godu. Spravochno-analiticheskiy obzor* [Environmental situation in St. Petersburg and the Leningrad Region in 1997. A reference and analytical review]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 243–249.

2. Komovkina, L.S. (2025) Problemy pravovogo regulirovaniya preduprezhdeniya i likvidatsii posledeystviy razliva nefi i nefteproduktov v morskoy srede [Problems of legal regulation of the prevention and elimination of the aftereffects of oil and oil product spills in the marine environment]. In: Kaplunov, A.I. (ed.) *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya)* [Topical problems of

administrative and administrative-procedural law (The Sorokin Readings)]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 448–454.

3. Starostin, S.A. (ed.) (2022) *Spetsial'nye administrativno-pravovye rezhimy* [Special administrative-legal regimes]. Moscow: [s.n.].

4. Zubarev, S.M. & Andryukhina, E.P. (2022) *Administrativno-pravovye rezhimy v krizisnykh situatsiyakh : kratkiy obzor Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, provedennoy 24 noyabrya 2022 goda v ramkakh XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Kutafinskie chteniya" Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Administrative and legal regimes in crisis situations: a brief overview of the International scientific and practical conference held on November 24, 2022, within the 22nd International Conference "Kutafin Readings" of the Kutafin University (MSAL)]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 274–280. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-1-274-280

5. Porfiriev, B.N. (1991) *Upravlenie v chrezvychaynykh situatsiyakh: problemy teorii i praktiki* [Emergency Management: Theoretical and Practical Problems]. Moscow: VINITI.

6. Titova, I.A. (2024) *Pravovoe regulirovanie raspredeleniya del v sudakh: realizatsiya na primere novykh regionov Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Case Distribution in Courts: Implementation on the Example of New Regions of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya*. 5. pp. 46–50. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-5-46-50

7. Tikhon, A.V. (2023) *Osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya sudebnoy vlasti v usloviyakh osobykh i spetsial'nykh pravovykh rezhimov* [The Organization and Functioning of the Judicial Authority in the Context of Special and Special Legal Regimes]. In: *Aktual'nye problemy ekonomiki, upravleniya i prava* [Topical Problems of Economics, Management and Law]. Saratov, 2023. pp. 76–79.

8. Anichkin, E.S. (2023) *Prinyatie v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovanie v ee sostave Donetskoy Narodnoy Respubliki i Luganskoy Narodnoy Respubliki: kharakternye cherty pravovoy i institutsional'noy integratsii* [The Accession to the Russian Federation and Establishment of the Donetsk People's Republic and Luhansk People's Republic Within Its Structure: Key Features of Legal and Institutional Integration]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal*. 3. pp. 4–9.

9. Porfiriev, B.N. (1995) *Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya pri chrezvychaynykh situatsiyakh: lektsiya* [Organizational and Legal Foundations of Emergency Management: a lecture]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

10. Leskina, E.I. (2024) *Doktrinal'nye aspekty pravovykh rezhimov dannykh v usloviyakh razvitiya tekhnologiy bol'shikh dannykh* [Doctrinal aspects of legal regimes of data in the context of the development of big data technologies]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 122–136.

11. Mutaliev, L.S., Menshikov, A.V. & Illo, D.A. (2022) *Kompetentsiya komissiy po preduprezhdeniyu i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy i obespecheniyu pozharnoy bezopasnosti* [Competence of commissions for the prevention and elimination of emergency situations and ensuring fire safety]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 8. pp. 67–70. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-8-67-70

12. Zaytsev, D.I. (2023) *Administrativnoe usmotrenie v chrezvychaynykh situatsiyakh* [Administrative discretion in emergency situations]. In: *Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire* [State and Law of Russia in the Contemporary World]. Vol. 5. Moscow: Kutafin Moscow State Law University. pp. 193–196.

13. Stepanov, D.I. (2015) *Interesy yuridicheskogo litsa i ego uchastnikov* [Interests of a legal entity and its participants]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 31.

14. Vedyashkin, S.V. & Zaytsev, D.I. (2024) *Administrative discretion in the system of ensuring state sovereignty: a functional analysis*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 22–34. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/53/2

15. Vedyashkin, S.V. (2020) Federalizm – osnova sistemy organov ispolnitel'noy vlasti Rossii [Federalism as the basis of the system of executive bodies of Russia]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Vol. 84. Tomsk: Tomsk State University. pp. 10–12.

16. Starostin, S.A. (2019) *Chrezvychaynoe polozhenie* [The State of Emergency]. Moscow: Prospekt.

17. Kulikova, M.S. (2022) Spravedlivost' sudebnogo resheniya v ramkakh sotsiologicheskogo podkhoda k pravu: iz istorii pravovoy mysli [Fairness of a court decision within the framework of a sociological approach to law: From the history of legal thought]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 5(168). pp. 90–92.

18. Shchepalov, S.V. (2015) Ob usmotrenii suda pri rassmotrenii del, predusmotrennykh glavoy 22 KAS RF [On the discretion of the court when considering cases provided for in Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 10. pp. 34–39.

19. Khisamutdinov, I.F. (2016) K voprosu o parlamentskom kontrole v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [On the parliamentary control in the constituent entities of the Russian Federation]. In: Butkevich, S.A. (ed.) *Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym* [Development of Statehood and Law in the Republic of Crimea]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 386–389.

Информация об авторе:

Старостин С.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: prof.starostin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Starostin, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: prof.starostin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 10.04.2025;
approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/22253513/56/6

Пробация и пробационная криминология

Владимир Александрович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, crim_tsu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена юридическим аспектам и первому опыту реализации Закона о пробации. Он образует комплексный правовой институт, выходящий за рамки уголовно-исполнительного права. С его принятием понятия «пробация» и «пенитенциарный» впервые в России находят отражение в законе. Выявлен ряд недочетов Закона о пробации в части его терминологии, принципов, предмета регулирования, целей и задач. Рассматривая пробацию как специфическую социальную меру предупреждения рецидива преступлений, автор обосновывает вывод о формировании пробационной криминологии как отрасли криминологической науки. Именно с позиций криминологии необходимо оценивать «трудную жизненную ситуацию» и «индивидуальную нуждаемость» как основания пробационных мер. В предмет пробационной криминологии должна входить и так называемая теневая пробация, осуществляемая криминальными или полукриминальными структурами.

Ключевые слова: Закон о пробации, пробация, криминологические основания пробации

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Уткин В.А. Пробация и пробационная криминология // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 73–82. doi: 10.17223/22253513/56/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/6

Probation and probation criminology

Vladimir A. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim_tsu@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to legal aspects and the first experience of implementation of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation” in the country. It forms a complex legal institution that goes beyond the framework of criminal executive law. Its adoption increases public attention to the problem of re-socialization of criminals, expands the socio-humanitarian field of activity of the penal system. In this Law the concepts of “probation” and “penitentiary” for the first time in Russia are officially enshrined.

The practice of implementation of the Law on Probation is still small, but it is important for identifying the shortcomings of the legislation and determining ways to improve it. Taking into account the existing experience of probation, the author identifies a number of gaps and contradictions of the Law in terms of its terminology, principles, subject of regulation, goals and objectives. Referring to the experience of probation application in the Republic of Kazakhstan, the author does not support the proposals to include mandatory or coercive measures in the Law on Probation.

Consideration of probation as a specific social measure of prevention of crime recidivism gives grounds for the conclusion that it is expedient to single out probation criminology as a branch of criminological science. It is from the perspective of criminology that it is necessary to assess “difficult life situation” and “individual neediness” as grounds for probation measures in relation to those released from penitentiary institutions and convicts without deprivation of liberty.

The subject of probation criminology should also include the so-called “shadow probation” carried out by criminal or semi-criminal structures.

Keywords: Probation Law, probation, criminological grounds of probation

Financing: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No.24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

For citation: Utkin, V.A. (2025) Probation and probation criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 73–82. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/6

Федеральный закон РФ № 10-ФЗ от 6 февраля 2023 г. «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) с 1 января 2025 г. действует в полном объеме, регулируя общественные отношения в сферах исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. В течение 2024 г. в пределах компетенции уголовно-исполнительных инспекций осуществлялась исполнительная пробация, а учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, проводили подготовку осужденных к освобождению, оказывая им содействие в будущем получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве. После освобождения это также возлагается на уголовно-исполнительные инспекции.

За все время действия УИК РФ (июль 1997 – январь 2025 г.) было принято 119 федеральных законов с его изменениями или дополнениями. Но специальный федеральный закон, частично регулирующий отношения в сфере исполнения наказаний, принят впервые. Это не противоречит Уголовно-исполнительному кодексу, поскольку, согласно ч. 1 ст. 2 УИК, «уголовно-исполнительное законодательство РФ состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов (выделено мной. – В.У.)». В то же время нельзя согласиться с суждением, что Закон о пробации в целом является субинститутом уголовно-исполнительного права [1. С. 127; 2. С. 80; 3. С. 204]. Он образует комплексный правовой институт, поскольку значительное число его норм по их юридической природе и предмету регулирования выходят за пределы уголовно-исполнительного правового регулиро-

вания. Это в целом вытекает из ст. 182 УИК, определяющей, что «осужденные, освобождаемые от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством РФ и нормативными правовыми актами». Однако в свете Закона о пробации данная статья нуждается в корректировке, поскольку она упоминает о фактически не существующем аресте и ничего не говорит об освобожденных из исправительных центров. Невключение упомянутых норм в уголовно-исполнительное законодательство дает возможность, не противореча Конституции (ст. 71, п. «о»), детализировать их в законах субъектов Федерации, что и предусмотрено в ст. 2 данного Закона.

Само по себе принятие Закона о пробации значимо для уголовно-исполнительной системы (УИС) России не только в юридическом, но и в общесоциальном аспектах. Оно способствует развитию социально-гуманитарной составляющей её деятельности, повышению уважения к ней как к правоохранительной системе «с человеческим лицом», окончательному преодолению восприятия её в общественном сознании как «наследника ГУЛАГа». Кроме того, в обществе актуализирована проблема социальной помощи осужденным и освобожденным от отбывания наказания, хотя, как свидетельствует история, и с давних пор не чуждая российскому менталитету¹.

Закон о пробации обострил проблему «горизонтальных связей» на федеральном и региональном уровнях, определил и конкретизировал ряд направлений взаимодействия УИС с соответствующими государственными (федеральными и региональными) органами, социальными службами, медицинскими, образовательными учреждениями и органами, институтами гражданского общества, общественными и религиозными структурами. Он стимулировал региональное нормотворчество (принятие законов субъектов Федерации и ряда региональных программ).

Практика реализации исполнительной пробации пока относительно невелика. По официальным данным, за весь 2024 г. в Сибирском федеральном округе из примерно 140 тыс. осужденных, прошедших по учету в уголовно-исполнительных инспекциях, в среднем лишь 3,8% обращались с заявлениями об оказании им необходимого содействия (от 1,6% в Республике Алтай до 5,3% в Новосибирской области). Такое содействие получили три четверти обратившихся (3,9 тыс. чел.). Но и этот скромный опыт весьма значим как для самой практики, так и для выявления недочетов законодательства и определения путей его совершенствования, для развития научных представлений о роли, содержании пробации и её дальнейших перспективах.

Примечательно, что до принятия рассматриваемого Закона термины «пробация» и «пенитенциарный» не встречались в российском (а ранее – в советском) законодательстве, хотя довольно широко, но в разных смыслах

¹ Но вряд ли можно согласиться с тем, что «институт пробации осужденных является прообразом патроната» [4. С. 148]. Приведенный самим автором дореволюционный опыт патроната свидетельствует об обратном.

использовались в научной литературе. С начала XX в. понятие «пенитенциарный» традиционно отождествлялось с атрибутами мест лишения свободы, а словосочетание «пенитенциарная система» было идентично «системе мест лишения свободы» [5]. Соответственно, «постпенитенциарное воздействие» означало воздействие на освобожденных из мест заключения [6]. Позднее понятие «пенитенциарная система» порой стало трактоваться предельно широко, как синоним уголовно-исполнительной системы в целом или даже выходящее за её пределы [7. С. 111–112], что вряд ли оправдано.

Приведенные в ч. 1 ст. 5 Закона о пробации определения пенитенциарной и постпенитенциарной пробации отождествляют «пенитенциарные» учреждения с исполняющими лишение свободы либо принудительные работы. Тем самым термин «пенитенциарный» вполне обоснованно возвращен к его основному первоначальному смыслу.

Гораздо сложнее разобраться с понятием пробации, ибо международные акты и зарубежное законодательство дают почву для её неоднозначного толкования. Принятые в 2015 г. рекомендательные Правила Совета Европы о пробации определяют её как «широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия, таких как надзор, контроль и оказание помощи, цель которых вовлечение осужденных в общественную жизнь, а также обеспечение безопасности общества» [8. С. 627]. Подобное определение в принципе допускает разнообразный контент, что и ведет к появлению различных вариантов пробации не только в странах дальнего зарубежья, но и на постсоветском пространстве [9]. К примеру, в принятом в 2016 г. Законе Республики Казахстан «О пробации» последняя включает в себя не только меры социальной помощи, но и «пробационный контроль», возлагаемый на полицию. Поскольку контрольно-принудительные функции полиции в отношении «клиентов» пробации на практике стали превалировать, Комитет уголовно-исполнительной системы МВД РК передал всю работу по ресоциализации осужденных и освобожденных местным органам исполнительной власти, как правило, не обладающим для этого необходимыми правовыми, организационными и ресурсными возможностями. Такое решение подвергается обоснованной критике как дезавуирующее социально-гуманистическую суть пробации [10. С. 147].

Судя по содержанию российского Закона о пробации (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 5), он ограничивает пробацию сугубо социальной помощью осужденным или освобожденным, закрепляя в числе прочих принцип добровольности её применения (п. 6 ст. 3) в заявительном порядке либо с их согласия. Контролю за освобожденными от отбывания наказания посвящена и отдельная (от социальной помощи) ст. 183 УИК РФ, имеющая бланкетный характер. Однако логику установленных в ст. 3 принципов явно нарушает принцип «рациональности применения мер принуждения», которые Законом о пробации не предусмотрены. Нельзя же относить к таковым предупреждение о возможности прекращения оказания помощи (ст. 21). Тем не менее уже сейчас некоторые практики, основываясь в том числе на отмеченных противо-

речиях в ст. 3, предлагают ввести обязательную постпенитенциарную пробацию для отдельных категорий освобожденных с использованием элементов принуждения и контроля [11. С. 52]. Приведенный выше не вполне удачный опыт Республики Казахстан не позволяет согласиться с такими предложениями. Это, конечно, не означает игнорирования проблем профилактического надзора в целом¹ и постпенитенциарного контроля в частности, но решаться они должны не Законом о пробации.

Нетрудно заметить, что в основу Закона о пробации положены подходы и структура Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». К сожалению, в ряде случаев авторы законопроекта формально воспроизвели ряд его положений (причем не всегда удачных) без должной конкретизации. Это касается в первую очередь приведенного в ст. 5 наукообразного, весьма громоздкого и небесспорного по содержанию глоссария. Так, на практике и в науке до сей поры нет ясного понимания о содержательных сколько-нибудь значимых отличиях между «ресоциализацией», «социальной адаптацией» и «социальной реабилитацией» как направлениями пробации. В единой «связке» они используются и в подзаконных актах. Ознакомление с личными делами «клиентов» пробации и статистической отчетностью также свидетельствует, что все они обычно упоминаются одновременно. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций тоже не в состоянии дифференцировать «клиентов» в зависимости от нуждемости их в том или ином конкретном виде пробации.

В упомянутой ст. 5 противоречиво определен и круг «клиентов» пробации. Помимо осужденных и освобожденных из мест лишения свободы и исправительных центров, в ней также указаны «лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера». К последним Раздел VI УК РФ относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Но в отношении таких лиц какие-либо «пробационные» меры не предусмотрены (ч. 1 ст. 11 Закона о пробации).

К сожалению, нет должной ясности в формулировке целей и задач пробации. В части 1 ст. 4 Закона о пробации её целями и являются «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, а также предупреждение совершения ими новых преступлений». Между тем в глоссарии (ст. 5), а также в ст. 26–26 упомянутого выше Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация определяются не как цели, а как комплекс мероприятий.

В свою очередь к задачам пробации отнесено, в частности, не помощь лицам, в отношении которых она применяется, а «создание условий» для ее

¹ Статья 23 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

оказания, что в конечном счете лишает необходимой определенности критерии эффективности probation и позволяет устанавливать их путем бюрократического учета числа «оказанных содействий». Не случайно, по выборочным социологическим данным, в практике уголовно-исполнительных инспекций примерно треть всех «probationных» мер в 2024 г. составляли «консультации по социально-правовым вопросам».

Если probation («ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация») – форма профилактического воздействия (п. 7–9 ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г.), ее цель – предупреждение совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется probation (ч. 1 ст. 5 Закона о probation), т.е. профилактика криминологического рецидива. Именно она, а не задача абстрактной социальной помощи как таковой обуславливает probation в качестве специфического направления государственной криминологической политики и определяет ее особенности среди иных направлений социальной деятельности. С таких позиций probation – это **специфическая социальная мера предупреждения криминологического рецидива преступлений**. И именно данная цель оправдывает само существование службы probation (в виде самостоятельной или в структуре уголовно-исполнительной системы) как государственной **правоохранительной службы**¹, а успехи в её достижении должны определять эффективность её деятельности. Пока же практика (как отмечено, весьма скромная) идет методом «проб и ошибок», фактически нередко превращая УИС в «министерство всего хорошего».

Сказанное требует усиления внимания к криминологическим аспектам probation. К предмету криминологической науки относят преступность, ее детерминанты (причины и условия), личность преступника, меры предупреждения преступности [12. С. 17–23]. В криминологии выделяют Общую и Особенную части, а в рамках последней – пенитенциарную криминологию [13], предупреждение рецидивной преступности [14. С. 230–241]. За рубежом в рамках криминологии исследуют также проблемы системы уголовной юстиции, в том числе полиции, судов, пенитенциарной системы [15. С. 11]. При этом любая составная часть уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и пр.) должна находиться в общем створе криминологической политики и с этой точки зрения оцениваться криминологами [16. С. 225].

Налицо предпосылки формирования и развития сравнительно новой отрасли криминологической науки – **probationной криминологии**. В ее предмет во всяком случае должно входить криминологическое обоснование выбора конкретных видов probation, их содержания и алгоритмов применения с учетом существовавших ранее, существующих или возможных в будущем факторов (детерминант) преступного поведения и личности преступника (осужденного, освобожденного) как потенциального или реального

¹ Включая охрану (защиту) прав и законных интересов её «клиентов» (ч. 2 ст. 5 Закона о probation).

«клиента» пробации, индивидуальное криминологическое прогнозирование, исследование и сравнение вероятности и уровней криминологического рецидива отдельных категорий «клиентов» между собой, а также в сравнении с прочими группами осужденных и освобожденных от наказания.

«Размыванию» основной функции пробации способствует и ее нечеткое и противоречивое нормативное регулирование. Среди указанных в ст. 3 Закона о пробации принципов отсутствует целесообразность, хотя в ст. 31 («Порядок подготовки индивидуальной программы») последняя должна определять как наличие такой программы, так и её содержание. Кроме того, понятие «трудная жизненная ситуация», данное в п.9 ст. 5 упомянутого Закона, не имеет специфического криминологического содержания и буквально заимствовано из ст. 1 Федерального закона № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», тогда как данный Закон не имеет прямого отношения к осужденным либо освобожденным от наказания и тем более – к предупреждению криминологического рецидива. Очевидно, что не всякая «трудная жизненная ситуация» способна иметь криминологическое значение как потенциально детерминирующая повторное преступление.

Примечательно, что эта проблема как криминологическая понималась еще сто лет назад. В развитие норм ст. 10 ИТК РСФСР 1924 г. о помощи освобожденным из мест лишения свободы НКВД РСФСР в начале 1925 г. принял Положение о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них. В соответствии с ним она должна была осуществляться на основе «объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с **нуждой, ведущей к повторной преступности** (выделено мной. – В.У.)» [17. С. 31]. Подчеркнем, что не со всякой нуждой (в которой в те годы пребывало большинство населения страны), а именно ведущей к повторной преступности. Те или иные пробационные мероприятия оправданы и целесообразны, лишь когда конкретная трудная жизненная ситуация применительно к конкретной личности послужила объективным условием ранее совершенного преступления либо способна выступать детерминантом нового.

Конкретные критерии нуждаемости личности должны свидетельствовать о наличии именно **криминологической индивидуальной нуждаемости**, а не индивидуальной нуждаемости «вообще» как «потребности лиц... в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации (п. 10 ст. 5 Закона о пробации)».

Отсутствие необходимой четкости в законе выливается в пробелы и формализм на подзаконном уровне, что в итоге на практике ведет к бюрократизации. Закон о пробации (ч. 4 ст. 31) отнес утверждение критериев оценки индивидуальной нуждаемости осужденных, освобожденных к подзаконному нормативному регулированию. Этому посвящено Приложение № 4 к известному приказу Министерства юстиции РФ № 350 от 23 ноября 2023 г. «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным

законом от 06.02.23 № 110-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Приложение именуется «Критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации». Оно содержит 14 «критериев», причем их перечень не закрыт. К ним, в частности, относятся «необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам», «необходимость содействия в трудоустройстве» и т.п. Но это, по сути, не критерии нуждаемости, а её разновидности. В случае формального подтверждения информации о наличии хотя бы одного из таких «критериев» лицо признается «нуждающимся» и «в отношении него принимается решение о целесообразности оказания такого содействия» (п. 8). Понятно, что термин «целесообразность» в данном случае излишен, ибо сам факт нуждаемости автоматически ведет к принятию решения о пробации. А основанием отказа в таковой служит также не нецелесообразность, а отсутствие хотя бы одного подтвердившегося критерия» (п. 9).

Выявление криминологических критериев индивидуальной нуждаемости и на этой основе – оптимальное определение круга «клиентов» пробации и перечня и содержания пробационных мер в перспективе может существенно повысить «адресность» таких мер и их эффективность в предупреждении рецидива преступлений среди освобожденных от наказания и осужденных без лишения свободы.

Пробационная криминология не должна пройти и мимо довольно распространенной в последние годы так называемой теневой пробации, в виде нелегальной трудовой деятельности, организуемой криминальными или полукриминальными структурами под благовидными предлогами «социальной помощи» освобожденным из мест лишения свободы или исправительных центров. Подобная теневая трудовая занятость социально уязвимых граждан на деле нередко превращается в жесточайшую эксплуатацию и даже рабский труд в условиях нарушений конституционных прав и свобод.

Список источников

1. Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 12–135.
2. Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80–90.
3. Ермасов Е.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1-4), № 2. С. 200–210.
4. Санташов А.Л. Организационно-правовые проблемы реализации института пробации осужденных // Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.). Вологда, 2024. С. 146–153.
5. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. 331 с.
6. Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 53 с.
7. Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы. Самара : СЮИ ФСИН России, 2013. 210 с.

8. Российское уголовно-исполнительное право. Т. 2: Особенная часть. М. : МГЮА, 2011. 792 с.
9. Агабекян А.Л. Непенитенциарные системы Европы. М. : Юрлитинформ, 2023. 176 с.
10. Рахимбердин К.Х. Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана. Нур-Султан, 2022. 160 с.
11. Семенюк Ю.В. О мерах по реализации Федерального закона от 06.02. 2023-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» на территории Красноярского края // Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.). Вологда, 2024. С. 48–52.
12. Криминология. М. : Юристъ, 2006. 734 с.
13. Пенитенциарная криминология. Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2009.
14. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология : учебник. М. : Норма. Инфра-М, 2011. 304 с.
15. Клейменов И.М. Сравнительная криминология. М. : Норма. Инфра-М, 2012. 368 с.
16. Клейменов М.П. Криминология : учебник для вузов. М., 2011. 453 с.
17. Бюллетень НКВД РСФСР. № 5 (145). 4 февраля 1925 г. С. 31–33.

References

1. Teplyashin, P.V. (2023) Probatsiya kak subinstitut ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Probation as a substitute of penal enforcement law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3(56). pp. 12–135.
2. Skiba, A.P. & Maloletkina, N.S. (2023) Zakon “O probatsii v Rossiyskoy Federatsii” kak predposylka dal'neyshego razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava [The Law “On Probation in the Russian Federation” as a Prerequisite for Further Development of Criminal-Executive Law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(54). pp. 80–90.
3. Ermasov, E.V. (2023) Sovershenstvovanie normativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazaniy pri vvedenii probatsii [Improving the Normative-Legal Regulation in the Sphere of Execution of Criminal Punishments with the Introduction of Probation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 18-2(1-4). pp. 200–210.
4. Santashov, A.L. (2024) Organizatsionno-pravovye problemy realizatsii instituta probatsii osuzhdennykh [Organizational and legal problems of implementing the probation institution for convicts]. *Aktual'nye problemy probatsii v Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Probation in the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Vologda, June 18–19, 2024. Vologda. pp. 146–153.
5. Poznyshchev, S.V. (1924) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow: [s.n.].
6. Gorobtsov, V.I. (1995) *Problemy realizatsii mer postpenitentsiarnogo vozdeystviya* [Problems of implementing post-penitentiary measures]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
7. Malko, A.V. & Romashova, R.A. (eds) (2013) *Yuridicheskiy slovar' dlya sotrudnikov penitentsiarnoy sistemy* [Legal Dictionary for the Penitentiary System Employees]. Samara: SLI FSIN of Russia.
8. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2011) *Rossiyskoe ugolovno-ispolnitel'noe parvo* [Russian Penal enforcement Law]. Vol. 2. Moscow: MSLA.
9. Agabekyan, A.L. (2023) *Nepenitentsiarnye sistemy Evropy* [Non-penitentiary systems of Europe]. Moscow: YurLitinform.
10. Rakhimberdin, K.Kh. (2022) *Preodolenie naslediya GULAGa: iz proshlogo v sovremen-nost' ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Kazakhstana* [Overcoming the legacy of the Gulag: from the past to the present of the penal system of Kazakhstan]. Nur-Sultan: [s.n.].

11. Semenyuk, Yu.V. (2024) O merakh po realizatsii Federal'nogo zakona ot 06.02. 2023-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii" na territorii Krasnoyarskogo kraya [On Measures for Implementing Federal Law No. 2023-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation" in the Krasnoyarsk Territory]. *Aktual'nye problemy probatsii v Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Probation in the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Vologda, June 18–19, 2024. Vologda. pp. 48–52.
12. Antonyan, Yu.M. et al. (2006) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurist".
13. Antonyan, Yu.M. et al. (2009) *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary Criminology]. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
14. Kozachenko, I.Ya. & Korsakov, K.V. (2011) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma. Infra-M.
15. Kleymenov, I.M. (2012) *Sravnitel'naya kriminologiya* [Comparative Criminology]. Moscow: Norma. Infra-M.
16. Kleymenov, M.P. (2011) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yustitsinform.
17. RSFSR. (1925) *Byulleten' NKVD RSFSR* [Bulletin of the NKVD of the RSFSR]. 5(145). February 4, 1925. pp. 31–33.

Информация об авторе:

Уткин В.А. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim_tsu@mai.ru. ORCID: 0000-0001-9126-7971

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Utkin V.A., Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Executive Law and Criminology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim_tsu@mai.ru. ORCID: 0000-0001-9126-7971

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2025;
одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 21.03.2025;
approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.17223/22253513/56/7

Недоказательственное значение вещественных доказательств в уголовном процессе

Алия Рашитовна Шарипова¹

¹ *Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru*

Аннотация. Институт вещественных доказательств является универсальным для уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Помимо доказательственного значения, однако, в уголовном процессе он имеет и «недоказательственное», обеспечительное значение. Правомочные органы и должностные лица при помощи признания ценных предметов вещественными доказательствами, решения вопроса об их хранении, конфискации, уничтожении, передаче кому-либо осуществляют принуждение лиц к кому-либо поведению или разрешают имущественные конфликты.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс

Для цитирования: Шарипова А.Р. Недоказательственное значение вещественных доказательств в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 83–94. doi: 10.17223/22253513/56/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/56/7

Non-evidential significance of material evidence in criminal proceedings

Aliya R. Sharipova¹

¹ *Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to identifying the influence of the institute of material evidence in criminal proceedings on the problems of ensuring the property interests of persons involved in criminal proceedings. The author has determined that in addition to its clear meaning, the institute of material evidence has a security, compulsory nature. The comparative method of research allows us to show the unclear place of the institute of material evidence in the system of informal measures of criminal procedural coercion. The author compares individual criminal procedural, arbitration procedural, civil procedural and administrative procedural rules governing the inclusion of material evidence in court cases, their storage, and their disposal after or during the resolution of the case. Such a comparison allowed the author to identify several significant inter-branch differences that are not explained by the specificity of criminal cases. The total prevalence of material evidence in criminal cases and their rare use in other

types of court cases cannot be explained only by different standards of proof. The author suggests that in some criminal cases, items (usually expensive ones) are recognized as material evidence not for the sake of the prospect of confirming any facts, but for the sake of ensuring the property interests of victims, civil plaintiffs or other persons. There is no such tendency in other types of legal proceedings; material evidence is not used in them for the purpose of securing or coercion. Specific manifestations of both the compelling need to ensure the safety of any property and its manipulation are associated, among other things, with the powers of the court and investigators to transfer material evidence to their "owners". In civil proceedings, the court is obliged to return material evidence to the persons from whom it was accepted, with some obvious exceptions. In criminal proceedings, there is no goal or means of resolving disputes over the right of ownership of material evidence, so a revision of the relevant rules is needed.

Keywords: material evidence, criminal proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings

For citation: Sharipova, A.R. (2025) Non-evidential significance of material evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 83–94. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/7

Вещественные доказательства в межотраслевом контексте

Идея конвергенции уголовного процесса с гражданским, арбитражным и административным процессами плодотворна не только в направлении разработки единых межотраслевых процедур, но и в плане возможности новых взглядов на состояние отдельных институтов уголовного процесса через их сопоставление с соответствующими отраслевыми аналогами. Доказательственное право – наиболее бесспорная территория для сравнения норм уголовно-процессуального права и практики их применения с арбитражными процессуальными, гражданскими процессуальными и административными процессуальными.

Огромное разнообразие предметов, признаваемых вещественными доказательствами (далее по тексту также и «вещдоками») по уголовным делам, привело к появлению многих специфических для уголовного процесса проблем.

Процессы доказывания и виды доказательств в целом в разных видах судебных процессов (уголовном, гражданском, арбитражном и административном) очень близки, и, по нашему мнению, их законодательная регламентация и практика применения должны быть еще ближе.

Отталкиваясь от этой идеи, следовало бы предположить, что состояние института вещественных доказательств в уголовном процессе, с одной стороны, и гражданском, арбитражном и административном процессах – с другой, приблизительно одинаковое. Разумеется, есть совершенно понятные и обоснованные различия, обусловленные спецификой уголовного процесса, кроме того, большая распространённость вещественных доказательств по уголовным делам опосредованно влечет большую разработанность соответствующего уголовно-процессуального института. Мы не ожидаем встретить в арбитражных делах окровавленных ножей и отмычек, поэтому все криминалистическое «сопровождение» вещдоков логично встраивается именно в уголовный процесс.

Однако наличием в уголовном процессе и отсутствием во всех остальных процессах подобных вещдоков различия института не исчерпываются. Проведенный нами анализ позволил выявить следующие специфические уголовно-процессуальные особенности института, которые мы попытаемся объяснить.

Степень распространенности

Чрезвычайная распространенность вещественных доказательств в уголовных делах. Подобный статистический анализ мы проводили и в отношении свидетельских показаний, и вывод по тем и другим видам доказательств одинаковый: нет уголовных дел без вещественных доказательств и без свидетельских показаний. Это абсолютно объяснимо, когда речь идет об убийствах, изнасилованиях, разбоях или террористических актах. Но вот почему в очень похожих со всех сторон, в том числе с доказательственной, арбитражных делах о налоговых правонарушениях нет никаких вещдоков, а в уголовных делах о налоговых преступлениях – обязательно есть? Речь даже не о налоговых декларациях на бумажных носителях (их в последние годы уже практически никто не подает), по которым можно проводить экспертизы подписи или времени изготовления: существование таких вещественных доказательств в уголовных делах о налоговых преступлениях было оправдано в аналоговую эпоху. Но вещественными доказательствами по налоговым преступлениям следователи признают даже товары, реализация которых не была обложена налогом должным образом [1].

Мы можем с определенными допущениями предположить, что дело в разнице стандартов доказанности, а также в традициях доказывания, которые в каждом виде процесса немного различаются. Однако такая разница подводит нас к гораздо более важному выводу.

Признание вещественным доказательством в механизме разрешения имущественных конфликтов

Вещественные доказательства в уголовном процессе – институт не только доказательственного права, он имеет важное значение за пределами собственно доказывания. Первое и второе предположения связаны между собой: не в том ли причина чрезвычайной распространенности вещественных доказательств, что признание каких-либо предметов ими – это способ воздействия на поведение людей как минимум, а как максимум – инструмент решения имущественных конфликтов, сопряженных с производством по уголовному делу?

Констатацией того, что институт вещественных доказательств образован нормами, том числе «регламентирующими восстановление нарушенных прав потерпевшего или владельцев вещественных доказательств» [2. С. 17], обычно разговор заканчивается; подробности вопросов имущественного характера в литературе не освещаются, а если и освещаются, то распространенность обращения в доход государства якобы бесхозных доказательств

никого не смущает. В основном исследователей интересует защита имущественных прав потерпевшего, и среди разнообразных споров по поводу вещественных доказательств самый обсуждаемый – спор между законным владельцем (как правило, потерпевшим) и добросовестным приобретателем [3]. Одна из распространенных разновидностей этого спора касается изъятия в качестве вещественного доказательства добросовестно приобретенного автомобиля, который был угнан у законного владельца [4].

Изученные арбитражные и гражданские судебные акты показали нам, что основная причина упоминания в них вещественных доказательств – это неиспользование последних в доказательственном качестве в том или ином процессе, а спор, связанный с передачей вещдоков по уголовному делу на хранение, с их уничтожением, передачей кому-либо как собственнику или конфискацией. Конечно же, такие споры ведутся вовсе не по поводу заточек, булыжников и горлышек от разбитых бутылок, при помощи которых были совершены насильственные преступления; наравне с подобным «хламом» в той же процедуре суды по уголовным делам решают судьбы недвижимого имущества, автомобилей, ценных бумаг и денег. Ценное имущество, на обладание которым претендует более чем одно лицо, становится предметом не полноценного судебного спора; оно «распределяется» судами по тем же правилам, что не обладающее существенной ценностью (например, предметы, используемые в качестве оружия, бумажные записи) или имущество, ограниченное в обороте и запрещенное к обороту, на которое практически не вправе никто заявить легальных претензий (например, наркотические средства). Интересно в связи с этим отметить, что в вещественные доказательства (*physical evidence*) в американской процессуальной терминологии называются «научными», «криминалистическими» (*forensic evidence*), поскольку имеется в виду потенциальное проведение исследований по ним [5]. С учетом того, что в отечественном уголовном процессе причиной для признания предмета вещественным доказательством может являться не перспектива проведения экспертизы по нему и соответствующая доказательственная ценность, а «ценность» предмета в денежном эквиваленте, американская терминология была бы неприменима к таким нашим доказательствам.

Именно признание предмета вещественным доказательством (пусть даже в реальности он не имеет никакой доказательственной ценности либо эта ценность может быть воспроизведена и в его отсутствие при помощи других доказательств) позволяет в дальнейшем распоряжаться его судьбой. Так, по известному делу, давшему повод для рассмотрения жалобы против РФ Европейским судом по правам человека, именно признание законно полученных собственных денежных средств гражданина, впоследствии введенных на таможенную территорию с сокрытием от контроля (ст. 188 УК РФ), вещественными доказательствами позволило в дальнейшем их конфисковать, произвольно лишив собственника его имущества [6].

По сути, признание любого имущества вещественным доказательством приводит к возможности распоряжаться его судьбой как вопреки правилам

подсудности (т.е. не в рамках арбитражного или гражданского судопроизводства), так и вне процедуры рассмотрения гражданского иска. Между тем признание предмета вещдоком не отменяет возможность существования споров по поводу права собственности на него, как связанных прямо или косвенно с событием преступления, так и вовсе не связанных. С учетом того, что вещественными доказательствами признаются самые разнообразные объекты (земельные участки [7], здания [8], объекты незавершенного строительства [9], акции [10], в том числе бездокументарные [11], произведения искусства [12], самолеты [13] и др.), споров, связанных с определением судьбы вещдоков, тоже много (арбитражные и гражданские споры о признании права собственности на вещественное доказательство, приобретенное к уголовному делу, переданное на хранение или реализацию, о признании права или неосновательном обогащении, связанные с несогласием с определением судьбы вещественного доказательства по приговору, и т.д.).

Обеспечительный характер вещественных доказательств

Одно из важнейших «недоказательственных» значений института вещественных доказательств – обеспечительное. Несмотря на то, что ст. 115 УПК РФ предусматривает «обеспечительный» арест имущества, в действительности, поскольку он накладывается только судом, а не следователем, и только в отношении имущества подозреваемого и обвиняемого (за редким исключением, предусмотренным ч. 3 данной статьи), далеко не все «ценности», связанные с уголовным делом, оказываются арестованными.

Уголовно-процессуальная практика давно наработала собственные, существующие параллельно нормативно установленным меры принуждения, одна из которых, по нашему мнению, – признание предмета вещественным доказательством. Мы подробно сопоставляли цивилистические обеспечительные меры и уголовно-процессуальные меры принуждения и, помимо их аналогичности, отметили возможности заимствования обеспечительных мер или их отдельных свойств в уголовный процесс. Практику признания вещдоками для целей сохранения имущества, за счет которого будет исполняться приговор, в том числе в части гражданского иска, для целей минимизации ущерба, причиненного преступлением потерпевшим, с точки зрения буквы закона можно считать злоупотреблением правом. Именно так оценивает эту практику, приводя красноречивые примеры, Т.В. Трубникова [14]. Либо можно видеть в этой практике проявления проблем применения мер принуждения, на замену которым выходит институт вещественных доказательств.

«Обеспечительный» характер вещественных доказательств свойствен только уголовному процессу, хотя вещественные доказательства используются и в арбитражном, гражданском и административном процессах. Однако в целом и как правило, доказывание при помощи «вещей» в этих процессах не сопровождается их изъятием у собственника. В изученных нам судебных актах по гражданским и арбитражным делам «вещественные доказательства» упоминаются только применительно к их осмотру и, как мы

выше отмечали, этот осмотр очень редко бывает востребован. Приобщение к материалам дела и лишение возможности владения, пользования и распоряжения ценным имуществом в арбитражных и гражданских делах практически не встречается, хотя сами дела, как правило, связаны с определением судьбы имущества. В целом к приобщению и хранению вещественных доказательств цивилистический процесс показывает отношение с точки зрения не только целесообразности для дела, но и уважения интересов собственника. Так, например, если сторона по делу заявляет о каких-то свойствах спорного товара, которые можно установить путем осмотра, то приобщается не вся спорная партия (как это практически наверняка было бы по уголовному делу), а только образец [15]. Проявлением «гибкости» в отношении интересов сторон является и оперативная возможность производства осмотра вещественных доказательств нотариусом с приданием результатам такого действия затем доказательственного значения в суде [16].

Так или иначе, мы должны признать, что в уголовном процессе произошло сращение института вещественных доказательств с институтом мер процессуального принуждения и даже формирование некоторых признаков института обеспечения гражданского иска и исполнения приговора.

Полномочия распоряжения судьбой вещественных доказательств

Отличие отраслевой регламентации вещественных доказательств состоит в значительно большей детализации УПК вопросов, связанных с распоряжением их судьбой, в сравнении с АПК, ГПК и КАС.

УПК, ГПК и КАС, в отличие от АПК, признают преимущественным местом хранения вещественных доказательств «дело» (цивилистический вариант – «в суде»). АПК разрешает хранить их в суде в необходимых случаях, а в остальных – они остаются на своих местах (ст. 77); после осмотра вещественные доказательства возвращаются, а их хранение до вступления в силу окончательных судебных актов является правом, а не обязанностью суда (ч. 2 ст. 80); об их распоряжении, в случае не возвращения лицу, их представившему, выносится определение, а не итоговое решение.

Одно из отличий УПК в том, что он предписывает при решении вопроса о вещественных доказательствах передавать их (за исключением не подлежащих передаче) «законным владельцам» (п. 4 ч. 3 ст. 81). Остальные процессуальные кодексы предусматривают возврат вещественных доказательств лицам, «от которых они были получены» (ч. 3 ст. 76 ГПК, ч. 1 ст. 80 АПК, ч. 1 ст. 75 КАС). Указанными статьями АПК, ГПК и КАС предусмотрено, что предметы, которые, согласно федеральному закону, не могут находиться во владении отдельных лиц (граждан – по ГПК), передаются соответствующим организациям. Очень редкая практика применения есть только у арбитражного процессуального варианта этой нормы, и она сводится к невозвращению контрафактных товаров как изъятых из оборота [17].

Эти цивилистические процессуальные подробности мы приводим для того, чтобы показать, что по арбитражным, гражданским и административным делам суды не вникают в «происхождение» вещественных доказательств, возвращая их тому источнику, от которого получили, за редким и совсем очевидным исключением, когда такой возврат делать нельзя. В общем-то так же очевидно то, что осужденному за преступление нельзя возвращать ценности, полученные им в результате его совершения, их как раз нужно возвращать «законным владельцам»; производство по уголовному делу позволяет определить таких законных владельцев, поскольку этот вопрос так или иначе входит в предмет доказывания.

Но что касается ценных предметов, признанных вещественными доказательствами, которые не были изъяты у подозреваемого и обвиняемого (осужденного впоследствии): каким образом, в какой процедуре, с чьим участием суд должен устанавливать их законного владельца?

Указание на законных владельцев, вроде бы, обязывает суд разобраться в том, кому принадлежит имущество, поскольку последними считаются собственники или обладатели иного права на имущество. В то же время УПК «уходит» от разрешения споров о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81), а суды прямо указывают, что «передача автомобилей (признанных вещественными доказательствами по делу. — *Прим. автора*) потерпевшим не свидетельствует о признании за ними прав собственности на данные автомобили» [18]. Тут надо попутно заметить, что полностью избежать споров о принадлежности имущества в рамках уголовного судопроизводства не удастся: например, в рамках обжалования действий следователей в порядке ст. 125 УПК по существу рассматриваются споры между законным владельцем и добросовестным приобретателем имущества, признанного вещественным доказательством [19].

Нередки случаи, когда суды не разыскивают собственников вещественных доказательств и принимают решения об их уничтожении или обращении в доход государства; как правило, это не касается очень дорогостоящих вещей, но тем не менее среди них встречаются системные блоки [20], денежные средства [21], мобильные телефоны [22] и др.

Поскольку очевидно, что нет никакой необходимости и целесообразности нагружать уголовный процесс разбирательствами о принадлежности имущества, верным мы считаем отказаться от указания на передачу вещественных доказательств «законным владельцам». В действительности, у суда нет ни специальных полномочий, ни целей устанавливать законного владельца каждого из вещественных доказательств, поэтому вполне возможно перенять цивилистический пример и передавать вещдоки «лицам, у которых они были изъяты или получены». Разумеется, из этого правила необходимо исключение для преступно полученного имущества и имущества, изъятого из оборота и ограниченного в обороте.

Еще более произвольным выглядит изъятие и удержание имущества, признанного вещественным доказательством, органами предварительного расследования. Так, у предпринимателя были изъяты слитки драгоценных

металлов, проверка сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 191 УК РФ (Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга), закончилась отказом в возбуждении уголовного дела. Но орган предварительного расследования отказался возвращать имущество предпринимателю с указанием на то, что он не подтвердил документально свое право собственности. Но разве в полномочия органов предварительного расследования входит проверка права собственности частных лиц на имущество, находящееся фактически в их владении? Разве без выявленных по результатам проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, оснований для возбуждения уголовного дела было бы можно изъять имущество у фактического владельца, тем более без решения суда? А если выяснилось, что оснований для возбуждения уголовного дела нет, то чем эта ситуация отлична от полного отсутствия любых намеков на совершение преступления и на необходимость каких-то процессуальных действий? Иными словами, причем тут органы предварительного расследования?

Интересно в связи с этим то, что арбитражные суды, рассматривая заявления предпринимателя, фактически уравнивали удержание имущества с его изъятием, ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ, который признал временное изъятие процессуальной мерой обеспечительного характера [23]. Полагаем, что действие подобных «неписанных» обеспечительных мер должно, во всяком случае, заканчиваться вместе с процессуальной деятельностью, которую они «обеспечивают». Констатация отсутствия признаков преступления, произведенная постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, означает отсутствие возможностей что-либо еще обеспечивать.

Принятие на себя полномочий выяснения действительного собственника имущества при установлении факта отсутствия совершения преступления является необоснованным ограничением права собственности. Более того, в таком подходе видится атавизм когда-то традиционного для советской правовой действительности пренебрежительного отношения к праву собственности вообще, когда химера «общенародной собственности» создавала опасную иллюзию, будто бы у каких-то материальных ценностей вообще нет конкретного собственника. Самым очевидным следствием такого глобального заблуждения было расхищение «всего, что плохо лежит» теми, кто по службе или работе имел доступ к этим материальным ценностям. Корпоративное профессиональное мышление правоприменителей всегда зависело и всегда будет зависеть от внешних для их деятельности социально-экономических и политических факторов [24]. Игнорировать эту зависимость в правотворчестве и в организации правоприменения неразумно в любой процессуальной отрасли.

Заключение

Несмотря на более высокую распространенность вещественных доказательств и более высокую развитость представлений о них, полагаем, что именно в уголовном процессе есть отдельные заслуживающие внимания

процессуалистов подходы к этим доказательствам и в цивилистическом процессе. Возможные пути совершенствования института вещественных доказательств в его недоказательственном значении предполагают либо отказ от попыток обеспечивать имущественные интересы при помощи признания ценных предметов вещдоками, либо нормативное признание такой цели и более подробную регламентацию средств ее достижения.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 июля 2021 г. № 10-10802/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Казань, 2023. 56 с.
3. Мурылева-Казак В.В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 154–163.
4. Гаврилов М.А., Алешин А.Ю. Судьба транспортных средств – вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 326 УК // Законность. 2021. № 5. С. 62–66.
5. Forensic Evidence and the Police: The Effects of Scientific Evidence on Criminal Investigations / Peterson, Joseph L.; Mihajlovic, Steven; and Gilliland, Michael. Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, 1984. P. 509–534.
6. Владыкина Т.А. Публично-правовые и частноправовые подходы к решению вопроса о вещественных доказательствах по уголовному делу // Мировой судья. 2014. № 8. С. 19–26.
7. Кассационное определение Московского областного суда от 15 января 2013 г. № 22к-9456/131 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2021 г. № 88а-8470/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 мая 2014 г. № 10-***/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2021 г. по делу № 10-7663/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2021 г. № 77-2700/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 21 сентября 2014 г. по делу № 872/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 декабря 2014 г. по делу № 10-17104/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Трубникова Т.В. Признание вещественным доказательством – новый вид меры принуждения? (По материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 49–55.
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23 января 2007 г. № Ф04-9201/2006(30274-А03-23) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Бегичев А.В. Осмотр вещественных доказательств нотариусами в порядке обеспечения доказательств по делу // Современное право. 2013. № 9. С. 90–94.
17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 мая 2022 г. № С01-734/2022 по делу № А10-6145/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 3 августа 2015 г. № 22-1333/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Колоколов Н.А. Еще раз к вопросу о реальности перспектив истребования бездокументарных акций у «добросовестного приобретателя»: критический анализ хода разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 2–7.

20. Постановление Президиума Брянского областного суда от 8 июня 2016 г. № 44У-66/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Президиума Московского областного суда от 8 июня 2016 г. № 252 по делу № 44у-152/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Московского областного суда от 26 ноября 2013 г. по делу № 22-7519/13 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 сентября 2017 г. № Ф01-2793/2017 по делу № А31-1757/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Тарасов А.А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 132–146.

References

1. Moscow City Court. (2021a) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 5 iyulya 2021 g. № 10-10802/2021* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated July 5, 2021, No. 10-10802/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

2. Muratov, K.D. (2023) *Veshchestvennye dokazatel'stva v уголовном судопроизводстве* [Material Evidence in Criminal Proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Kazan.

3. Muryleva-Kazak, V.V. (2022) *Soderzhanie ponyatiya "zakonnyy vladelets" dlya tseli resheniya sud'by veshchestvennykh dokazatel'stv v vide imushchestva, poluchennogo v rezul'tate soversheniya prestupleniya, i dokhodov ot etogo imushchestva* [The Concept of "Lawful Owner" in Determining the Fate of Material Evidence in the Form of Property Obtained from Criminal Activity and Its Proceeds]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 9. pp. 154–163.

4. Gavrilov, M.A. & Aleshin, A.Yu. (2021) *Sud'ba transportnykh sredstv – veshchestvennykh dokazatel'stv po уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 326 УК* [The Fate of Vehicles as Material Evidence in Criminal Cases Under Art. 326 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 62–66.

5. Peterson, J., Mihajlovic, S. Gilliland, M. (1984) *Forensic Evidence and the Police: The Effects of Scientific Evidence on Criminal Investigations*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice. pp. 509–534.

6. Vladykina, T.A. (2014) *Publichno-pravovye i chastnopravovye podkhody k resheniyu voprosa о veshchestvennykh dokazatel'stvakh po уголовному делу* [Public and private law approaches to resolving issues of material evidence in criminal cases]. *Mirovoy sud'ya*. 8. pp. 19–26.

7. Moscow Regional Court. (2013a) *Kassatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 15 yanvarya 2013 g. № 22к-9456/131* [Cassation Ruling of the Moscow Regional Court dated January 15, 2013, No. 22к-9456/131]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

8. Second Cassation Court of General Jurisdiction. (2021a) *Kassatsionnoe opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 12 maya 2021 g. № 88а-8470/2021* [Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 12, 2021, No. 88а-8470/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

9. Moscow City Court. (2014a) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 maya 2014 g. № 10-*/2014* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated May 28, 2014, No. 10-*/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

10. Moscow City Court. (2021b) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29 aprelya 2021 g. po delu № 10-7663/2021* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated April 29, 2021, in Case No. 10-7663/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

11. Second Cassation Court of General Jurisdiction. (2021b) *Kassatsionnoe opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiksii ot 23 sentyabrya 2021 g. № 77-2700/2021* [Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 23, 2021, No. 77-2700/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

12. Moscow City Court. (2014b) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 21 sentyabrya 2014 g. po delu № 872/2014* [Appellate Ruling of the Moscow City Court dated September 21, 2014, in Case No. 872/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

13. Moscow City Court. (2014c) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24 dekabrya 2014 g. po delu № 10-17104/2014* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated December 24, 2014, in Case No. 10-17104/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

14. Trubnikova, T.V. (2018) *Priznanie veshchestvennym dokazatel'stvom – novyy vid mery prinuzhdeniya? (Po materialam izucheniya problem zloupotrebleniya pravom v ugovnom protsesse) [Recognizing Material Evidence as a New Form of Coercive Measure? (On the Problem of Abuse of Rights in Criminal Proceedings)]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 5. pp. 49–55.*

15. The Federal Arbitration Court of the West Siberian District. (2007) *Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 23 yanvarya 2007 g. № F04-9201/2006(30274-A03-23)* [Resolution of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District dated January 23, 2007, No. F04-9201/2006(30274-A03-23)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

16. Begichev, A.V. (2013) *Osmotr veshchestvennykh dokazatel'stv notariusami v poryadke obespecheniya dokazatel'stv po delu [Notaries' Examination of Material Evidence in the Process of Securing Evidence]. Sovremennoe pravo. 9. pp. 90–94.*

17. Intellectual Property Rights Court. (2022) *Postanovlenie Suda po intellektual'nyim pravam ot 30 maya 2022 g. № S01-734/2022 po delu № A10-6145/2021* [Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated May 30, 2022, No. C01-734/2022 in Case No. A10-6145/2021)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

18. The Republic of Mordovia. (2015) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Respubliki Mordoviya ot 3 avgusta 2015 g. № 22-1333/2015* [Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated August 3, 2015, No. 22-1333/2015]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

19. Kolokolov, N.A. (2022) *Eshche raz k voprosu o real'nosti perspektiv istrebovaniya bezdokumentarnykh aktsiy u “dobrosovestnogo priobretatelya”: kriticheskiy analiz khoda razresheniya ryadovogo grazhdanskogo iska v ugovnom dele [Revisiting the Possibility of Reclaiming Uncertificated Shares from a “Bona Fide Purchaser”: A Critical Analysis of a Routine Civil Claim in a Criminal Case]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 1. pp. 2–7.*

20. The Bryansk Regional Court. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Bryanskogo oblastnogo suda ot 8 iyunya 2016 g. № 44U-66/2016* [Resolution of the Presidium of the Bryansk Regional Court dated June 8, 2016, No. 44Y-66/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

21. The Moscow Regional Court. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo oblastnogo suda ot 8 iyunya 2016 g. № 252 po delu № 44u-152/2016* [Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court dated June 8, 2016, No. 252, in Case No. 44y-152/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

22. The Moscow Regional Court. (2013b) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 26 noyabrya 2013 g. po delu № 22-7519/13* [Appellate Ruling of the Moscow Regional Court dated November 26, 2013, in Case No. 22-7519/13]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

23. The Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District. (2017) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 7 sentyabrya 2017 g. № F01-2793/2017 po delu № A31-1757/2016* [Resolution of the Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District dated September 7, 2017, No. F01-2793/2017, in Case No. A31-1757/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

24. Tarasov, A.A. (2022) Stereotipy korporativnogo pravosoznaniya v kontekste analiza nekotorykh ugovorno-protsessual'nykh institutov [Stereotypes of Corporate Legal Consciousness in the Context of Certain Criminal Procedural Institutions]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 1(67). pp. 132–146.

Информация об авторе:

Шарипова А.Р. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия). E-mail: nord-wind23@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.R. Sharipova, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation). E-mail: nord-wind23@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 12.09.2024;
approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 347.918

doi: 10.17223/22253513/56/8

Правовое регулирование вопросов судебной защиты интеллектуальных прав в странах – участницах Евразийского экономического союза

Тигран Тигранович Алиев, Роман Тигранович Алиев

¹ *Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия, tta70@mail.ru*

² *Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского,
Москва, Россия, roman.aliev.15@list.ru*

Аннотация. Правовое регулирование вопросов судебной защиты прав интеллектуальной собственности осуществляется посредством норм национального законодательства стран – участниц Евразийского экономического союза, которое основывается на международных принципах и нормах, установленных как внутри союза, так и рекомендованных иными международными актами. Особенности правовой регламентации заключаются в создании единого правового поля осуществления защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Страны – участницы Евразийского экономического союза осознают важность и значимость в современном обществе охраны интеллектуальной собственности, в том числе ее защиты, что влияет на развитие и модернизацию их экономических показателей.

Ключевые слова: интеллектуальные права, правовое регулирование, судебная защита, Евразийский экономический союз, национальное законодательство, наднациональное законодательство, международное право, судебная система

Источник финансирования: исследование проведено в рамках выполнения НИР «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран – участниц ЕАЭС», согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (3-ГЗ-2023).

Для цитирования: Алиев Т.Т., Алиев Р.Т. Правовое регулирование вопросов судебной защиты интеллектуальных прав в странах участницах Евразийского экономического союза // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 95–103. doi: 10.17223/22253513/56/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/56/8

Legal regulation of judicial protection of intellectual property rights in the member States of the Eurasian Economic Union

Tigran T. Aliev¹, Roman T. Aliev²

¹ Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russian Federation, tta70@mail.ru

² V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations,
Moscow, Russian Federation, roman.aliev.15@list.ru

Abstract. In this work, the foundations of the legislative principles of building national legislation in the field of judicial protection of intellectual property rights of the EAEU member states were established.

The EAEU provides for such a body of interaction and control over the execution of international acts of the Union as the EAEU Court. It can be said that he creates the primary practice of dispute resolution, identifies legislative gaps, and also represents the interests of the international community over national interests. Such a policy has a beneficial effect on the modernization of the EAEU legislation in the field of intellectual property, since this area of law is relatively young and is still gaining legal regulation of emerging legal relations.

The judicial systems of the EAEU member States strive for unity and uniformity by creating a single judicial branch, as well as defining specialized courts based on courts of general jurisdiction. On the one hand, such a policy is understandable, the uniformity of courts leads to uniformity in the application of legislation in the field of intellectual property rights, on the other hand, it creates a more transparent and readable judicial system.

In some participating countries, separate boards for the protection of intellectual property rights are being established, in some countries specialized independent courts are still being traced, but for the most part the judicial system is aimed at protecting intellectual property rights on an equal basis with other civil rights.

The authors of this work have revealed that the EAEU strives to create a single legal space in the field of intellectual property rights protection, while not forgetting about national peculiarities and distinctive features. International legislation calls on the participating countries to comply with and follow trends in their national legislation to the norms of international law.

Thus, the authors of this work can say that the legal basis for judicial protection of intellectual property rights is precisely international acts. At the same time, the EAEU uses and improves not only at the union level, but also uses existing international experience.

Keywords: intellectual law, legal regulation, judicial protection, Eurasian Economic Union, national legislation, supranational legislation, international law, judicial system

Financing: The study was conducted as part of the research project "Improving Judicial Protection of Intellectual Property Rights in the Russian Federation and its harmonization with similar systems of the EAEU member States", according to the State Assignment for the Russian State Academy of Intellectual Property (3-GZ-2023).

For citation: Aliev, T.T. & Aliev, R.T. (2025) Legal regulation of judicial protection of intellectual property rights in the member States of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 95–103. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/8

Постановка проблемы

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является международным интеграционным экономическим объединением, в состав которого входит пять стран, а именно Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Армения.

Основной целью ЕАЭС является содействие экономическому развитию стран-участниц. При этом также играет роль модернизация и повышение конкурентоспособности стран на мировом рынке. ЕАЭС обозначил свое правовое взаимодействие посредством Договора о ЕАЭС от 29.05.2014¹ (далее – Договор).

В соответствии с данным Договором государства-члены обязались координировать экономическую политику, гарантировали свободу таможенного перемещения товаров, а также вести согласованную политику в определенных ключевых отраслях. К этим отраслям относится энергетика, промышленность, сельское хозяйство и транспорт. Как видно, опосредованно все эти отрасли так или иначе связаны с правом интеллектуальной собственности.

В соответствии со ст. 90 Договора, установлено три правовых режима объектов интеллектуальной собственности, а именно:

1. Отношения членов союза строятся на основе принципов национального режима. При этом их национальный режим устанавливается внутренним законодательством и может носить особые нормы относительно судебных и административных процедур. При этом государства-члены вольны самостоятельно определять на законодательном уровне объем охраны и механизм защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, но не меньше норм, установленных в международно-правовых актах.

2. В обязанности членов союза входит деятельность, направленная на охрану и защиту прав интеллектуальной собственности, на правовом уровне, установленном международными актами. Международные «стандарты» охраны интеллектуальной собственности и защиты прав на нее имеют более высокую юридическую силу, чем национальное законодательство. При этом в Договоре содержится определенный перечень международных актов, что предполагает необходимость осуществить странами-участницами, которые не присоединены к данным международным актам, мероприятия по присоединению и интеграции соответствующих правовых положений.

3. Учитывается особое положение отдельных объектов интеллектуальной собственности, которое определено в приложении № 26 Договора.

Можно сказать, что правовой режим интеллектуальной собственности напрямую регламентируется Договором, который устанавливает, что судеб-

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

ная защита интеллектуальной собственности и прав на нее должна осуществляться нормами национального законодательства, однако не ниже уровня, установленного Договором, и с его особыми положениями относительно отдельных объектов интеллектуальной собственности.

Основное содержание

Высший Евразийский экономический совет является высшим органом ЕАЭС, в состав которого входят президенты стран-участниц. Далее идет Евразийский межправительственный экономический совет, в состав которого входят главы правительств. Его полномочия заключаются в осуществлении контроля и реализации решений Высшего органа ЕАЭС, а также направление поручений Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Указанные два органа не являются постоянно действующими, они собираются не реже одного и двух раз в год соответственно. ЕЭК же является постоянно действующим органом, который осуществляет функции по регулированию и развитию ЕАЭС.

Судебные полномочия взял на себя Суд ЕАЭС¹, который расположен в Минске, данный суд осуществляет контроль за исполнением нормативной базы ЕАЭС. Суд осуществляет контроль за решениями ЕЭК, его соответствие Договору, международному законодательству, а также общим принципам, установленным самим ЕАЭС. Суд ЕАЭС работает на основе норм международного права, регулирующего отношения суверенных государств [1. С. 109].

Суд ЕАЭС играет особую роль в формировании и развитии правовых институтов союза, так как через судебные споры проявляются проблемы столкновений национального и международного права. Это связано с тем, что национальная политика и практика складывались десятилетиями, и попытки интегрировать положения международного законодательства иногда приводят к образованию конфликтов. Сколько государств входит в ЕАЭС, столько и национальных законодательств, в таком случае международное право должно быть направлено на установление определенных базисов и принципов, которые уже потом будут постепенно интегрироваться.

Стоит иметь в виду, что роль Суда ЕАЭС немаловажна, так как посредством его деятельности выявляются проблемы в наднациональном праве, а также в политике ведения делового диалога. Суд ЕАЭС изучает проблемы и предлагает пути правового решения, при этом суд является международным, он не может склоняться на какую-либо сторону в интересах сугубо определенного государства, должен реализовывать особенности публичного интереса, ради которого был создан ЕАЭС. В свою очередь, ЕЭК должна проверять не только регулирующее воздействие нормативного акта

¹ Суд Евразийского экономического союза : официальный сайт. URL: <https://courteurasian.org/>

и решения суда, но и фактическое применение этого акта национальными судами и органами исполнительной власти [1. С. 111].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, ЕАЭС устанавливает определенные принципы и минимальные границы регулирования вопросов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, при этом дает полную волю национальному законодательству при отсутствии противоречия нормам международного права. Существует Суд ЕАЭС, который разграничивает возможности применения международного права, а также корректирует пути реализации правовых механизмов и сами нормы международного права.

Защита прав интеллектуальной собственности в ЕАЭС – это дело каждого участника союза как суверенного государства, а именно прерогатива его полномочий, где повсеместно действуют принципы территориальной защиты интеллектуальных прав, согласно которым защита соответствующего права обеспечивается только на территории того государства, где такая защита предоставляется по закону данного государства-члена [2. С. 51].

Защита прав на объекты интеллектуальной собственности важный государственный институт, так как его существование направлено на защиту национальных интересов и влияет на все стороны производственной деятельности. Защита выступает в качестве механизма обеспечения экономической национальной безопасности государств – членов ЕАЭС. Международное сообщество понимает всю особенность формирования политики вокруг защиты права интеллектуальной собственности, поэтому Договором предусмотрен определенный правовой минимум для сохранения и поддержания экономической безопасности [2. С. 51].

Еще немного стоит обратить внимание на международное законодательство, установленное ЕАЭС, которое немалую роль отводит защите прав на объекты интеллектуальной собственности, например посредством норм таможенного права. Трансграничная защита прав на объекты интеллектуальной собственности также регламентирована национальным и наднациональным законодательством. Основным актом в наднациональном нормотворчестве выступает Таможенный кодекс Евразийского экономического союза¹. Он, как и другие нормативно-правовые акты в ЕАЭС, содержит в себе общие принципы и нормы, которые страны-участницы интегрируют и развивают в соответствии со своими внутренними предпочтениями и культурными традициями.

Таможенное законодательство играет существенную роль в ЕАЭС, так как контрафактная продукция напрямую нарушает права авторов и правообладателей интеллектуальной собственности, борьба с такой продукцией осуществляется всеми странами – участниками ЕАЭС, при этом установленная прозрачность границ положительно на это влияет. Трансграничный характер

¹ См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/

незаконного оборота контрафактной продукции создает предпосылки к налаживанию тесного и оперативного взаимодействия уполномоченных органов с целью эффективного выявления и пресечения таких нарушений.

Как указывает М.В. Жерновой, по этой причине был подписан «Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, который вступил в силу 19 июля 2016 года» [3. С. 16]. Указанный договор был направлен на борьбу с контрафактной продукцией, его осуществление связано с непосредственной деятельностью каждого государства-члена как по отдельности, так и совместно, а также он предусматривает проведение мероприятий по обмену опытом и совершению согласованных действий со стороны уполномоченных органов государств-участниц.

Статья 89 Договора¹ содержит в себе основные направления осуществления сотрудничества странами-участницами, перечислять эти направления не целесообразно, однако, стоит сказать, что основными положениями выступает различное сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности.

М.В. Жерновой в своей работе указывает, что осуществление сотрудничества происходит на основании «Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС и Соглашения о едином порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе» [3. С. 15]. При этом автор отмечает, что внутренняя ратификация документов является обязательным элементом сотрудничества.

ЕАЭС проводит большую работу по регламентации защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Работа направлена на максимальную регламентацию прав и выявление основных проблем защиты законных прав и интересов правообладателей в рамках интеграции в национальное законодательство. При этом ЕАЭС учитывает правовые особенности каждого отдельного объекта интеллектуальной деятельности и устанавливает для него отдельный правовой режим регулирования. Общим принципом осуществления регулирования выступает принцип предоставления национального режима в отношении прав на результаты интеллектуальной деятельности [1. С. 39].

Стоит обратиться к работе И.Д. Доценко, в которой автор, посредством проведения анализа права ЕАЭС и национального законодательства стран-участниц, пришел к выводу, что нормы национального права дублируют нормы международного права в области защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, при этом национальный законодатель обладает правом на расширение и детализацию нормативных положений. ЕАЭС имеет законодательные особенности, которые не учтены иными международными актами и направлены на закрытие правовых пробелов. Союз на международном уровне предоставляет защиту неимущественных прав авторам и исполнителям [4. С. 39].

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

Национальное законодательство стран – участниц ЕАЭС, несомненно, имеет свои особенности и отличительные черты. Например, судебная защита связана с уголовной ответственностью. В области авторских и смежных прав во всех странах союза присутствуют нормы уголовной ответственности, а в отношении изобретательских прав в Республики Беларусь и Кыргызской Республике нет уголовной ответственности в противовес другим трем странам-участницам, средства индивидуализации товаров не криминализированы только в Республики Беларусь.

В настоящее время очевидна тенденция, наблюдающаяся в странах-участницах ЕАЭС, направленная на создание единства судебной системы, а также упразднение высших экономических судов. Данная тенденция складывается на базе конституционного принципа единства судебной ветви власти. Также в качестве одной из тенденций в области судопроизводства можно отметить создание специализированных судов по интеллектуальным правам. Как указывает А.Г. Серобян, «создание таких специализированных судопроизводств идет по направлению выделения коллегий в высших судебных инстанциях и профилирования направлений в судах общей юрисдикции, без создания новых ветвей самой судебной власти» [5. С. 47].

В Российской Федерации на базе арбитражных судов появился Суд по интеллектуальным правам, также были созданы коллегии на базе Верховного Суда, одной из которых является коллегия по экономическим спорам.

Республика Армения усовершенствовала свою судебную систему, которая состоит из судов общей юрисдикции и специализированных судов, сделав ее единой.

В Республике Беларусь также были введены в состав Верховного суда соответствующие судебные коллегии, их полномочия в значительной степени совпадают с российскими. Однако некоторые из коллегий не совпадают, а именно коллегия по делам интеллектуальной собственности, которая отсутствует в Российской Федерации [5. С. 47].

В Республике Казахстан предусматриваются не только суды общей юрисдикции, но и специализированные суды, в том числе экономические, при этом они образуются президентом страны в системе судов общей юрисдикции.

Схожее правовое закрепление в Кыргызской Республике, где судебная власть принадлежит судам только в лице судей: Верховного суда Кыргызской Республики, Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, местных судов Кыргызской Республики, специализированных судов (на данный момент отсутствуют) [5. С. 48].

Заключение

Можно заключить, что правовое регулирование судебной защиты прав правообладателей интеллектуальной собственности в государствах – участниках ЕАЭС осуществляется на двух уровнях – национальном и наднациональном. Наднациональное законодательство устанавливает определенные принципы и нормы права, которые находят свое отражение и выражены в нормах национального законодательства. Последние, в свою очередь, с учетом культурных и национальных особенностей устанавливают конкретный правовой режим для каждого из объектов интеллектуальной собственности.

Разрешение споров, возникающих в связи с использованием объектов интеллектуальных прав в странах – участницах ЕАЭС, направлено на реализацию конституционного принципа единства судопроизводства и создание единой судебной системой, в результате чего в некоторых странах вместо отдельного специализированного суда по интеллектуальным правам создается коллегия на уровне судов общей юрисдикции или высших судов судебной системы. Также стоит обратить внимание, что проведение системы интеграции международного законодательства в национальное приводит к созданию единой правовой среды и упрощает решение существующих проблем по защите прав на объекты интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Нешатаев Т.Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 1. С. 107–126.
2. Тюнин М.В. Интеллектуальная собственность в Евразийском экономическом союзе // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 11. С. 51–55.
3. Жерновой М.В. Защита интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе: состояние и тенденции // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 14–17.
4. Доценко И.Д. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в рамках региональных интеграционных объединений // Юрист. 2022. № 7. С. 33–41.
5. Сербян А.Г. К вопросу о конституционно-правовых тенденциях развития судебной власти в государствах – членах Евразийского экономического союза // Международное публичное и частное право. 2019. № 3. С. 46–48.

References

1. Neshataev, T.N. (2022) Nezavisimost' i dobrosovestnost' suda i sudey v tsifrovuyu epokhu: integratsionnyy opyt [Judicial Independence and Impartiality in the Digital Age: Integration Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 1. pp. 107–126.
2. Tyunin, M.V. (2014) Intellektual'naya sobstvennost' v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [Intellectual Property in the Eurasian Economic Union]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*. 11. pp. 51–55.
3. Zhernovoy, M.V. (2017) Zashchita intellektual'noy sobstvennosti v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze: sostoyanie i tendentsii [Intellectual Property Protection in the Eurasian Economic Union: Current State and Trends]. *Bezopasnost' biznesa*. 2. pp. 14–17.
4. Dotsenko, I.D. (2022) Zashchita prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii v ramkakh regional'nykh integratsionnykh ob'edineniy [Protection of Rights to Intellectual Property and Means of Individualization Within Regional Integration Associations]. *Yurist*. 7. pp. 33–41.
5. Serobyen, A.G. (2019) K voprosu o konstitutsionno-pravovykh tendentsiyakh razvitiya su-debnoy vlasti v gosudarstvakh – chlenakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Constitutional-Legal Trends in the Development of Judicial Power in Eurasian Economic Union Member States]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. 3. pp. 46–48.

Информация об авторах:

Алиев Т.Т. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности, почетный адвокат России (Москва, Россия). E-mail: tta70@mail.ru

Алиев Р.Т. – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского (Москва, Россия). E-mail: roman.aliev.15@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Алиев Т.Т., Professor of the Law Faculty, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure, Russian State Academy of Intellectual Property, LL.D., Professor (Moscow, Russian Federation). E-mail: tta70@mail.ru

Алиев Р.Т., Lecturer at the Faculty of Modern Law of the Department of Civil Law Disciplines of the autonomous non-profit organization of Higher Education «V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations» (Moscow, Russian Federation). E-mail: roman.aliev.15@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 26.06.2025*

Научная статья
УДК 613.6, 349.24
doi: 10.17223/22253513/56/9

Правовые средства предотвращения профессионального выгорания медицинских работников

Светлана Юрьевна Головина^{1,2}

¹ *Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия*

² *Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия*
^{1,2} *golovina.s@inbox.ru*

Аннотация. Ставится вопрос о необходимости совершенствования трудового законодательства в части регулирования труда медицинских работников. Предлагаются трудовые средства предотвращения или преодоления профессионального выгорания медиков: совершенствование нормирования рабочего времени; усиление гарантий реализации права на отдых путем установления новых видов времени отдыха, в частности длительного отпуска; введение специальных программ реабилитации медицинских работников с обеспечением гарантий сохранения места работы и среднего заработка; совершенствование организации рабочих процессов посредством рационального распределения трудовых обязанностей; формирование справедливой системы оплаты труда.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, охрана труда, медицинские работники, нормы труда, время отдыха

Для цитирования: Головина С.Ю. Правовые средства предотвращения профессионального выгорания медицинских работников // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 104–119. doi: 10.17223/22253513/56/9

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/9

Legal means to prevent professional burnout of medical workers

Svetlana Yu. Golovina^{1,2}

¹ *Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation*

² *Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President
of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation*
^{1,2} *golovina.s@inbox.ru*

Abstract. The work of medical workers is characterized by significant specifics related to harmful working conditions, increased psycho-emotional stress, and special responsibility for people's lives and health. However, to date, the Labor Code of the Russian Federation contains only one article that establishes some features of regulating

the work of medical workers, while entire chapters are devoted to other workers. In this regard, the question is raised about the need to supplement the Labor Code of the Russian Federation in order to improve labor legislation in terms of regulating the work of medical workers.

One of the most serious occupational risks of medical professionals is professional burnout. The consequence of this phenomenon is professional deformation, characterized by a decrease in motivation for medical work, a gradual disappearance of empathy, a manifestation of callousness and even cynicism towards patients and their relatives, and a deterioration in the working environment in the team. The article examines the causes of professional burnout among medical workers and identifies the factors that determine such professional burnout, which are responsible for labor legislation. In particular, these include shortcomings in the organization of labor rationing, causing serious work overload and time constraints. Strict time regulations for certain work activities, such as patient admissions, hinder the quality of medical care. Unclear legal regulation of liability, for example, the uncertainty of the concept of medical error, leads to uncertainty about the correctness of the strategy of providing medical care and carrying out medical procedures. The unsatisfactory level of remuneration for medical workers causes a sense of social insecurity and insecurity about the future. Violation of workers' labor rights, including discrimination in the social and labor sphere based on gender, age or other grounds, generates numerous labor disputes, which also creates a stressful environment for doctors.

Legal means of preventing or overcoming professional burnout of medical workers are proposed: improving the rationing of working hours in order to reduce excessive workloads on medical workers; strengthening guarantees for the exercise of the right to rest by establishing new types of rest time, in particular, long-term leave (by analogy with teaching staff); introducing special rehabilitation programs for medical workers with guarantees for the preservation of places of work and average earnings for the period of such rehabilitation; improving the organization of work processes through the rational distribution of work responsibilities; the formation of a fair wage system and the achievement of a wage level that ensures a decent existence not only for the employee himself, but also for his family.

The corporate practice of establishing special measures aimed at neutralizing the effects of stressful situations at work is presented.

Keywords: professional burnout, occupational safety, medical workers, labor standards, rest time

For citation: Golovina, S.Yu. (2025) Legal means to prevent professional burnout of medical workers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 104–119. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/9

Введение

Конституция Российской провозглашает, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37). Развивая это конституционное право, Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) детализирует требования к организации охраны труда, посвящая этому целый раздел. В 2021 г. институт охраны труда претерпел значительные преобразования¹, в нем появились новеллы, призванные ликвидировать существующие пробелы в законодательстве.

¹ Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5139.

В частности, впервые были сформулированы основные принципы обеспечения безопасности труда: предупреждение и профилактика опасностей и минимизация повреждения здоровья работников (ст. 209.1 ТК РФ).

Принцип предупреждения и профилактики опасностей означает, что работодатель систематически должен реализовывать мероприятия по улучшению условий труда, включая ликвидацию или снижение уровней профессиональных рисков или недопущение повышения их уровней, с соблюдением приоритетности реализации таких мероприятий.

Принцип минимизации повреждения здоровья работников означает, что работодателем должны быть предусмотрены меры, обеспечивающие постоянную готовность к локализации (минимизации) и ликвидации последствий реализации профессиональных рисков.

Все это в полной мере относится к такому риску, сопровождающему трудовую деятельность медицинских работников, как профессиональное выгорание. К сожалению, до сих пор трудовое законодательство не уделяет внимания этому явлению, которое метко окрестили «чумой XXI века».

Примечательно, что Всемирная организация здравоохранения впервые признала синдром эмоционального выгорания на работе – такой диагноз включен в раздел «Проблемы, связанные с занятостью или безработицей» Международной классификации болезней 11-го пересмотра, вступившей в силу 1 января 2022 г. (в России рассмотрение вопроса о переходе на новую классификацию болезней отложено до 2025 г.). Эмоциональное выгорание – это синдром, признаваемый результатом хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен. Он характеризуется тремя признаками: ощущение мотивационного или физического истощения; нарастающее психическое дистанцирование от профессиональных обязанностей или чувство негативизма или цинизма к профессиональным обязанностям; снижение работоспособности и, соответственно, производительности труда.

Клинические проявления профессионального стресса были описаны во второй половине прошлого века американскими социальными психологами К. Маслач и С. Джексон [1]. На значимость психического здоровья работников обращает внимание Международная организация труда (МОТ). Статья 3 Конвенции МОТ № 155 о безопасности и гигиене труда и производственной среде (1981 г.) предусматривает, что термин «здоровье» в отношении труда означает не только отсутствие болезни или недуга; он включает также влияющие на здоровье физические и психические элементы, которые имеют непосредственное отношение к безопасности и гигиене труда.

В 2023 г. аналитическим центром НАФИ совместно с Фондом Росконгресс было проведено комплексное социологическое исследование «Профессиональное выгорание россиян: симптомы, причины, меры профилактики»¹, которое показало, что наиболее высокому риску выгорания подвер-

¹ URL: https://vk.com/doc4630837_669835989?hash=PuPqo8vKnwvaYVPLkQjbA3dzSsKEcaIjLk1N1tyUQH (дата обращения: 08.04.2025).

жены представители профессий, связанных с постоянной работой в стрессовых условиях, со сложным функционалом, высоким уровнем ответственности, необходимостью принимать решения, способные повлиять на чье-либо здоровье или жизнь и нередко рутинными обязанностями. И первыми в их числе названы врачи (особенно специализирующиеся на трудноизлечимых, социально значимых заболеваниях, оперирующие хирурги, работники скорой помощи). С учетом социальной значимости профессии врача и принимая во внимание проблемы с кадровой обеспеченностью учреждений здравоохранения [2], представляется необходимым поставить вопрос о совершенствовании трудового законодательства в части регулирования труда медицинских работников. На сегодняшний день ТК РФ содержит лишь одну статью (ст. 350), посвященную некоторым особенностям регулирования труда медицинских работников, тогда как, например, педагогическим работникам, спортсменам, научным работникам, работникам транспорта посвящены целые главы кодифицированного акта.

Обсуждение

В связи со спецификой трудовой деятельности медицинские работники, как никто другой, подвергаются воздействию психосоциальных рисков, связанных с выполнением своей трудовой функции. Особенно остро это проявилось в период пандемии новой коронавирусной инфекции, когда нагрузка на систему здравоохранения возросла в геометрической прогрессии. Физические перегрузки в совокупности с переживаниями, страхами и другими негативными эмоциями, осуществление трудовой деятельности в экстремальных условиях не могли не сказаться на состоянии здоровья людей, которые практически жили на работе. Исследователи отмечают: «В условиях эпидемии COVID-19 медицинские работники столкнулись с дополнительными стрессовыми факторами: нехватка средств индивидуальной защиты (СИЗ), беспокойство за семью и детей, физический стресс от работы в СИЗ, необходимость “рационировать” (распределять) дефицитные ресурсы. В результате значительно увеличилась распространенность “выгорания”. Так, деперсонализация медицинских работников в РФ достигла 93%» [3]. Анализ многочисленных источников показывает, что проблема профессионального выгорания медицинских работников характерна для всего мира [4–10].

Вопросами профессионального выгорания медицинских работников занимаются специалисты разного профиля – социологи, психологи, медики [11–15] и крайне редко – юристы. Исследователи подчеркивают: «Постоянный контакт с инфекциями различной степени тяжести, финансирование системы здравоохранения, рамки медико-экономических стандартов, низкая оплата труда, ненормированный рабочий день, чувства социальной незащищенности и другие негативные переживания являются базовой основой для формирования синдрома эмоционального выгорания у специалистов, трудя-

щихся в сфере здравоохранения» [16. С. 24–25]. Следствием эмоционального выгорания становится профессиональная деформация, характеризующаяся снижением мотивации к медицинской деятельности, постепенным исчезновением эмпатии, проявлением черствости и даже цинизма по отношению к пациентам и их родственникам, ухудшением рабочей обстановки в коллективе. Интересно, что само понятие «выгорание» первоначально появилось именно в медицинской среде для описания профессионального истощения работников этой сферы. Надо отметить, что и внутри медицинского сообщества выделяются отрасли клинической медицины и отдельные виды работ, в наибольшей степени оказывающие негативное влияние на состояние здоровья медицинского персонала. Это психиатрические, наркологические, психотерапевтические, сексологические отделения, скорая медицинская помощь, операционные блоки, манипуляционные, стоматологические кабинеты, рентгеновские кабинеты, кабинеты радионуклидной диагностики и лучевой терапии, МРТ- и УЗИ-диагностика, физиотерапевтические отделения [17. С. 151]. Среди среднего медицинского персонала самые высокие показатели зарегистрированы у медицинских сестер отделений реанимации и интенсивной терапии [18. С. 83].

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий, появлением телемедицины, переходом медицинских организаций на электронный документооборот возникают новые риски неблагоприятного воздействия на здоровье врачей в результате длительной работы с компьютером и информационных перегрузок. В качестве важнейшего последствия воздействия информационно-коммуникационных стрессоров исследователи называют профессиональное выгорание и ставят вопрос о необходимости внедрения мер информационной гигиены [19].

Согласно опросу, проведенному в марте 2021 г. крупнейшей российской платформой онлайн-рекрутинга hh.ru и цифровой медицинской компанией «Доктор рядом», 74% участвующих в опросе медиков заявили о среднем или высоком уровне стресса на работе¹. Стресс обусловлен множеством негативных факторов рабочего процесса: это наличие высокого психоэмоционального напряжения, связанного с интенсивным взаимодействием с большим числом пациентов и их родственников, высокой интенсивностью трудового процесса, необходимостью оперативного принятия решений, существенными интеллектуальными нагрузками, повышенной ответственностью медицинских работников.

С сожалением приходится констатировать факт отсутствия в трудовом законодательстве России нормативно закреплённого права работника на защиту психического здоровья. Как справедливо полагает Е.А. Серебрякова, «отсутствие в основном нормативном акте, посвященном регулированию трудовых отношений, сведений о том, что психическое здоровье работника

¹ URL: <https://doctorpiter.ru/obraz-zhizni/opros-pоловина-rossiyan-vy-gorela-na-rabote-uvolneniem-e-to-ne-lecitsya28613-id648614/> (дата обращения: 08.04.2025).

подлежит охране, независимо от его физического здоровья, может стать серьезным препятствием для защиты и восстановления нарушенного права работника» [20. С. 288].

Среди множества факторов, детерминирующих профессиональное выгорание медицинских работников, можно выделить те, за которые отвечает трудовое право, и, соответственно, начать поиск правовых механизмов предотвращения и преодоления этого негативного явления. К таким факторам относятся:

- недостатки в организации труда, вызывающие значительные рабочие перегрузки, чрезмерную переработку с учетом ночных дежурств и дежурств в выходные и праздничные дни;

- несовершенство нормирования труда, устанавливающего жесткие временные регламенты для отдельных трудовых действий, например, таких как прием пациентов;

- нечеткая правовая регламентация ответственности, в частности, неопределенность понятия врачебной ошибки, отсутствие механизма страхования риска профессиональной ответственности медицинских работников, право на которую предусмотрено п. 7 ч. 1 ст. 72 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

- наличие негативных социально-психологических факторов, вызванных как внутренними (профессиональные разногласия, неприемлемое поведение коллег, вплоть до буллинга и харрасмента [21]), так внешними (конфликты с пациентами и их родственниками, включая случаи причинения физического насилия) причинами;

- неудовлетворительный уровень оплаты труда, вызывающий чувство социальной незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне;

- нарушение трудовых прав работников, включая дискриминацию в социально-трудовой сфере по гендерным, возрастным или иным признакам.

Защита медицинских работников от синдрома профессионального выгорания может осуществляться двумя способами: это предотвращение профессионального выгорания (система профилактических мер) и коррективировка последствий наступления профессионального выгорания (оказание необходимой помощи пострадавшему работнику).

Трудовой кодекс РФ предусматривает управление профессиональными рисками, под которым понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий и процедур, являющихся элементами системы управления охраной труда и включающих в себя выявление опасностей, оценку профессиональных рисков и применение мер по снижению уровней профессиональных рисков или недопущению повышения их уровней, мониторинг и пересмотр выявленных профессиональных рисков (ст. 209). Психозмоциональные риски, приводящие к профессиональному выгоранию, не выделяются в качестве самостоятельной категории, хотя они явно заслуживают обособления в силу того, что меры по снижению таких рисков отличаются от мероприятий, помогающих снизить риски физического повреждения здоровья. Как справедливо замечает О.А. Курсова, отечественная правовая конструкция охраны

труда не приспособлена для ее применения в целях защиты работника от рисков и опасностей психофизиологического и социального характера. Психологические риски на рабочих местах в российских правовых актах не рассматриваются и как факторы, подлежащие специальной оценке условий труда, тогда как включение психофизиологических рисков в систему профессиональных рисков давно уже стало почти повсеместной мировой практикой [22. С. 187]. В России первым шагом в этом направлении можно считать принятие национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 55914-2013 «Менеджмент риска. Руководство по менеджменту психосоциального риска на рабочем месте»¹, однако данный документ предложен государством исключительно для его добровольного применения работодателями.

Конечно, полностью исключить психосоциальные риски в отношении медицинских работников невозможно, поскольку врачебная деятельность априори связана с чрезмерно высокой интенсивностью работы, конфликтной средой и постоянными стрессами. Однако корректирующее воздействие на физические и эмоциональные перегрузки, которые приводят в конечном счете к профессиональному выгоранию медиков, все-таки возможно. Представим несколько направлений правового регулирования трудовых отношений с участием медицинских работников, которые могут способствовать улучшению ситуации в сфере здравоохранения.

Прежде всего, это совершенствование нормирования труда. Представляется, что современные нормативы, установленные правовыми актами Минздрава России, не только не содействуют качественному оказанию медицинских услуг, но и могут спровоцировать стресс медицинского работника из-за невозможности полноценно осмотреть и опросить пациента и поставить ему правильный диагноз.

Так, нормы времени на одно посещение пациентом врача-специалиста в связи с заболеванием, необходимые для выполнения в амбулаторных условиях трудовых действий по оказанию медицинской помощи (в том числе затраты времени на оформление медицинской документации) составляют: у врача-педиатра участкового – 15 минут; у врача-терапевта участкового – 15 минут; у врача общей практики (семейного врача) – 18 минут; у врача-невролога – 22 минуты; у врача-оториноларинголога – 16 минут; у врача-офтальмолога – 14 минут; у врача-акушера-гинеколога – 22 минуты. Нормы времени на повторное посещение врача-специалиста одним пациентом в связи с заболеванием устанавливаются в размере 70–80% от норм времени, связанных с первичным посещением врача-специалиста одним пациентом в связи с заболеванием².

¹ Приказ Росстандарта от 17 декабря 2013г. № 2327-ст «Об утверждении национального стандарта».

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 2 июня 2015 г. № 290н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-оториноларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога».

И такие нормы времени являются основой для расчета норм нагрузки, нормативов численности и иных норм труда врачей медицинских организаций, оказывающих первичную врачебную и первичную специализированную медико-санитарную помощь в амбулаторных условиях. Но как за отведенные 15–20 минут приема врач должен: во-первых, установить контакт с пациентом, выслушав его и задав уточняющие вопросы, во-вторых, осмотреть пациента и провести ряд диагностических манипуляций, в-третьих, поставить по возможности диагноз либо наметить дальнейшие шаги по его установлению, в-четвертых, выдать пациенту рекомендации, выписать рецепты, в-пятых, заполнить медицинскую документацию. И все это в условиях дефицита времени!

Представляется необходимым инициировать пересмотр норм времени и замены их на более щадящие, позволяющие врачу оказать должное внимание пациенту, а не загонять себя в рамки «скорого вопроса» и не испытывать на себе «калейдоскоп больных».

Известно, что переутомление – одна из ключевых причин профессионального выгорания, поэтому государство должно позаботиться о том, чтобы медицинские работники могли в полном объеме реализовать свое право на отдых. Казалось бы, для этого в законе предусмотрены соответствующие льготы – сокращенное рабочее время и дополнительные оплачиваемые отпуска (ст. 350 ТК РФ). Однако нехватка кадров, с одной стороны, и невысокие заработки медиков – с другой, вынуждают медицинских работников перерабатывать – либо в форме бесконечных дежурств, включая работу в выходные и праздничные дни, либо в форме совместительства, либо в рамках сверхурочной работы. Кстати сказать, ТК РФ предусматривает единственную форму дежурства – дежурство на дому, под которым понимается пребывание медицинского работника медицинской организации дома в ожидании вызова на работу для оказания медицинской помощи в экстренной или неотложной форме (ст. 350). Для сравнения: в Республике Казахстан действует Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 22 ноября 2017 г. № 857 «Об утверждении Правил организации и оплаты дежурств медицинских работников», который дает совсем иное понимание термина. Под дежурством понимается период времени, в течение которого работник в соответствии с Трудовым кодексом, актами работодателя и условиями трудового договора выполняет трудовые обязанности в ночное время, праздничные и выходные дни. Собственно говоря, и в России именно такая внеурочная работа именуется дежурствами, однако в ТК РФ отсутствует ее правовая регламентация.

Думается, что переработки в форме дежурств должны компенсироваться не только в денежном выражении, но и посредством предоставления дополнительного времени отдыха, например дополнительного отпуска, продолжительность которого должна зависеть от времени переработки. Аналог подобной компенсации за переработку представлен в ст. 119 ТК РФ, предусматривающей предоставление работникам с ненормированным рабочим

днем ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, продолжительность которого определяется коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка.

Еще одной мерой, направленной на профилактику профессионального выгорания медицинских работников, могло бы стать предоставление длительного отпуска по аналогии с педагогическими работниками. В статье 335 ТК РФ установлено право педагогических работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, не реже чем через каждые 10 лет непрерывной педагогической работы брать длительный отпуск сроком до одного года, порядок и условия предоставления которого определяются в порядке, установленном государством. Очевидно, что трудовая деятельность медицинских работников не менее профессионально сложна и социально значима для государства и общества, чем труд педагогов, что позволяет говорить о возможности сближении правового регулирования трудовых отношений этих категорий работников в части дополнительного времени отдыха. Социологический опрос россиян показал, что длительный отпуск лидирует в числе мер, помогающих справиться с профессиональным выгоранием¹.

Конечно, установление подобных правовых механизмов, направленных на максимальное снижение риска, обусловленного действием психоэмоционального фактора, потребует дополнительных финансовых и организационных затрат. Но приоритетная задача государства – сохранение здоровья нации – обуславливает необходимость повышенной заботы о тех, кто призван обеспечить это здоровье – врачах, медицинских сестрах, фельдшерах и других специалистах медицинского профиля.

Безусловно, снижению риска профессионального выгорания способствуют такие традиционные трудовые средства, как справедливая заработная плата, материальные и нематериальные формы стимулирования труда, постоянное повышение квалификации и предоставление работникам возможности карьерного роста. Социологические опросы показывают, что тревогу медицинский персонал испытывает и в связи с правовой незащищенностью и низкой заработной платой, что в целом характерно для системы здравоохранения [23].

Оптимизация организации труда является эффективным способом исключить организационные факторы выгорания. Совершенствование организации рабочих процессов осуществляется, прежде всего, посредством рационального распределения трудовых обязанностей с фиксацией их в должностных инструкциях работников. К сожалению, Трудовой кодекс РФ не устанавливает обязанности работодателей разрабатывать и утверждать должностные инструкции. Но косвенно на такую необходимость указывает

¹ Профессиональное выгорание россиян: симптомы, причины, меры профилактики. Результаты комплексного социологического исследования. М., 2023. URL: https://vk.com/doc4630837_669835989?hash=PUPqo8vKnbwaYVPLkQjbA3dzSsKEca1jJLk1N1tyUQH (дата обращения: 10.10.2024).

норма пп. 1 ч. 2 ст. 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой медицинские работники обязаны оказывать медицинскую помощь в соответствии со своей квалификацией, *должностными инструкциями*, служебными и должностными обязанностями. Именно должностные инструкции, разработанные на основе профессиональных стандартов, способны обеспечить рациональное разделение труда и равномерное распределение рабочей нагрузки с учетом описания трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт¹. Кроме того, работодателю следует позаботиться о создании благоприятной технологической среды с тем, чтобы применение IT-технологий в работе медицинского персонала не создавало дополнительных нагрузок, а наоборот, облегчало труд медицинских работников.

Стоит задуматься не только над тем, как предотвратить профессиональное выгорание, но и о том, что делать, если оно все-таки наступило. Здесь корректирующей мерой будет оказание необходимой помощи пострадавшему работнику. Одним из способов восстановления психологического равновесия может стать специальная программа реабилитации медицинских работников. Лица, страдающие синдромом профессионального выгорания, должны иметь право на прохождение процедуры реабилитации, а трудовое законодательство должно обеспечить им гарантии сохранения места работы и заработка на этот период.

Еще одна правовая возможность обеспечить дополнительную защиту медицинским работникам – установление посредством коллективного договора и (или) отраслевого соглашения специальных мер поддержки работникам, оказавшимся в стрессовой ситуации. В качестве примера приведу практику крупнейшего российского работодателя – ОАО «РЖД». Согласно п. 6.21. Коллективного договора ОАО «Российские железные дороги» на 2023–2025 гг.², работодатель берет на себя обязательство предоставлять работнику локомотивной бригады, бригады самоходного специального подвижного состава по его заявлению и при наличии заключения психолога до трех дней отдыха без оплаты после наезда управляемого им поезда (локомотива) на людей или транспортные средства. При необходимости работодатель обязуется проводить восстановительные (коррекционные) мероприятия для работников локомотивных бригад в кабинетах психологической разгрузки и мобилизации функционального состояния, центрах медицинской реабилитации, санаториях-профилакториях. В случае прохождения работником во время предоставленных ему дней отдыха без оплаты психологического обследования или восстановительных мероприятий ему компенсируется в размере средней заработной платы фактическое время

¹ В настоящее время в сфере здравоохранения действует 89 профессиональных стандартов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157436/e47142c1c2ee6308848677284e50f473131341d2/ (дата обращения: 06.04.2025).

² URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=1604> (дата обращения: 09.04.2025).

прохождения обследования или проведения восстановительных мероприятий. Представляется, что подобные правила были бы весьма актуальны для медицинских работников в определенных стрессовых ситуациях, например, в случае смерти пациента на операционном столе или осуществления каких-либо угроз, физического насилия или иных противоправных действия со стороны родственников больных и т.п.

Выводы

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Традиционный для российского трудового законодательства акцент на защиту здоровья работников от физических, химических, биологических и прочих потенциально опасных и вредных факторов должен смещаться в сторону психоэмоциональных факторов, профилактики стресса на рабочем месте и нейтрализацию его последствий.

2. Следует усилить роль трудового законодательства в профилактике профессиональных рисков у медицинских работников. Это касается, прежде всего, рационального нормирования труда, исключающего чрезмерные нагрузки на медицинских работников.

3. Целесообразно обратиться к прогрессивной идее, когда-то послужившей основанием для установления отдельным категориям работников льгот в сфере рабочего времени и времени отдыха. Это так называемая защита временем, предполагающая уменьшение вредного воздействия на работников неблагоприятных факторов производственной среды и трудового процесса за счет сокращения рабочего времени, установления дополнительных внутрисменных перерывов, увеличения продолжительности ежегодных оплачиваемых отпусков.

4. Актуальной остается проблема повышения заработной платы медицинских работников – с тем, чтобы им не приходилось при формально сокращенном рабочем времени перерабатывать вдвое, а то и втрое против нормы рабочего времени, чтобы достичь достойного уровня оплаты труда в соответствии с одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений, провозглашенных в ст. 2 ТК РФ: обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи.

Некоторые российские и зарубежные исследователи ставят вопрос о возможности признании профессионального выгорания профессиональным заболеванием [24, 25]. Думается, что здесь необходим взвешенный подход и серьезная научная проработка вопроса совместными усилиями медиков, психологов и юристов. Следует продолжить выявление и исследование факторов, создающих риски профессионального выгорания, которое сегодня расценивается не только как опасный синдром, но и как фактор дестабилизации социально-трудовых отношений [26], деструктивно воздействующий

не только на самого работника, но и на окружающих его людей, а в медицине это не только коллеги по работе, но и пациенты. В результате профессионального выгорания у работника отмечается снижение производительности труда и ухудшение качества оказываемых услуг. Все это свидетельствует о необходимости поиска путей оптимизации трудового законодательства с целью снижения риска формирования условий для профессионального выгорания медицинских работников.

Список источников

1. Maslach C., Jackson S. E. Maslach Burnout Inventory manual. 2nd ed. Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1986. 34 p.
2. Канева Д.А., Тарараева Т.Ю., Бреусов А.В., Максименко Л.В. Проблема дефицита врачебных кадров в здравоохранении России: причины и пути решения (литературный обзор) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 1. С. 750–752.
3. Худова И.Ю., Улумбекова Г.Э. «Выгорание» у медицинских работников: диагностика, лечение, особенности в эпоху COVID-19 // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7, № 1. С. 42–62. doi: 10.33029/2411-8621-2021-7-1-42-62
4. Холмогорова А.Б., Петриков С.С., Суроегина А.Ю., Микита О.Ю., Рахманина А.А., Рой А.П. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным Covid-19 на разных этапах пандемии // Журнал им. Н.В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2020. Т. 9, № 3. С. 321–337. doi: 10.23934/2223-9022-2020-9-3-321-337
5. Свистунов А.А., Осадчук М.А., Миронова Е.Д. Выгорание как профессиональная проблема современного здравоохранения // Consilium Medicum. 2019. Т. 21, № 12. С. 101–105. doi: 10.26442/20751753.2019.12.190665
6. Olkinuora M. Stress symptoms, burnout and suicidal thoughts in Finnish physicians // Social psychiatric epidemiology. 1990. Vol. 25. P. 81–86.
7. Farber B.A., Heifetz L.K.J. The process and dimension of burnout in psychotherapists // Professional psychology. 1982. Vol. 13. P. 293–301.
8. Whitley T.W. Work-related stress and depression among physicians pursuing postgraduate training in emergency medicine an international study // Ann. Emergency Medicine. 1991. Vol. 20. P. 992–996.
9. Mingote Adan J.C., Moreno Jimenez B., Galvez Herrer M. Burnout and the health of the medical professionals: review and preventive options // Med Clin (Barc). 2004. Vol. 123 (7). P. 265–270. doi: 10.1157/13065203
10. Острякова Н.А., Бабанов С.А., Винников Д.В., Сазонова О.В., Гаврюшин М.Ю., Кувшинова Н.Ю. Пандемия COVID-19 и психическое здоровье медицинских работников // Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology. 2021. № 61 (9). С. 627–632. doi: 10.31089/1026-9428-2021-61-9-627-632
11. Говорин Н.В., Бодагова Е.А. Синдром эмоционального выгорания у врачей // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. 2016. № 1 (3). С. 98–106.
12. Огнерубов Н.А. Синдром профессионального выгорания у врачей // Вестник Тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки. 2013. Т. 18, вып. 4. С. 1337–1341.
13. Гапонова С.А., Майорова И.А., Ловков С.Г. Эмоциональное выгорание и характеристики мотивационной сферы специалистов помогающих профессий (на примере медицинских работников) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. Т. 3, № 51. С. 100–107.

14. Чернышкова Н.В., Дворникова Е.О., Малинина Е.В. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников государственных и частных медицинских учреждений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2018. Т. 11, № 4. С. 61–72. doi: 10.14529/psy180407
15. Миков Д.Р., Кулеш А.М., Муравьев С.В., Черкасова В.Г., Чайников П.Н., Соломатина Н.В. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 88–97. doi: 10.17072/2078-7898/2018-1-88-97
16. Емельянова А.А., Куташов В.А., Хабарова Т.Ю. Теоретические основы изучения феномена эмоционального выгорания у врачей и среднего медицинского персонала // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 2. С. 23–26.
17. Жукова С.А., Смирнов И.В. Анализ условий и охраны труда работников сферы здравоохранения // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4. С. 145–154. doi: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-145-154
18. Частоедова И.А., Мухачева Е.А. Сравнительный анализ проявлений синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер различной специализации // Вятский медицинский вестник. 2017. № 2 (54). С. 80–84.
19. Красова Е.В. Воздействие информационно-технологических и коммуникационных стрессоров на здоровье работников // Медицина труда и промышленная экология. 2022. № 62 (9). С. 616–626. doi: 10.31089/1026-9428-2022-62-9-616-626
20. Серебрякова Е.А. Национальные модели правового регулирования отношений по защите работников от воздействия психо-социальных рисков // Стратегия правовых преобразований в сфере труда и социального обеспечения: перспективы десятилетия (Шестые Гусовские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 284–289.
21. Головина С.Ю., Сыченко Е.В., Войтковская И.В. Защита от насилия и домогательств в сфере труда: вызовы и возможности для России и Казахстана // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 3 (53). С. 624–647.
22. Курсова О.А. Система оценки и управления профессиональными рисками: проблемы правового регулирования // Lex Russica. 2016. № 10. С. 182–191. doi: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.182-191
23. Акимова Н.А., Андриянова Е.А., Девличарова Р.Ю., Медведева Е.Н. Психосоциальные факторы риска в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, вып. 4. С. 420–438. doi: 10.21638/spbu12.2018.403
24. Гарипова Р.В., Берхеева З.М., Кузьмина С.В. Оценка вероятности формирования у медицинских работников синдрома профессионального выгорания // Вестник современной клинической медицины. 2015. Т. 8, вып. 2. С. 10–15.
25. Леруж Л. Признание «профессионального выгорания» профессиональным заболеванием: юридическая оценка, цели и задачи французской системы // Ежегодник трудового права. 2020. № 10. С. 175–187.
26. Бирженюк Г.М., Егоров П.А., Ильинская Е.А. и др. Оптимизация социально-трудовых отношений как фактор профилактики профессионального выгорания / науч. ред. Г.М. Бирженюк. СПб. : СПбГУП, 2020. 169 с.

References

1. Maslach, C. & Jackson, S.E. (1986) *Maslach Burnout Inventory Manual*. 2nd ed. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
2. Kaneva, D.A., Tararaeva, T.Yu., Breusov, A.V. & Maksimenko, L.V. (2024) Problema defi-tsita vrachebnykh kadrov v zdravookhraneni Rossii: prichiny i puti resheniya (literaturnyy obzor) [The Problem of Physician Shortage in Russian Healthcare: Causes and Solutions

(Literature Review)]. *Sovremennye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki*. 1. pp. 750–752.

3. Khudova, I.Yu. & Ulumbekova, G.E. (2021) “Vygoranie” u meditsinskikh rabotnikov: dia-gnostika, lechenie, osobennosti v epokhu COVID-19 [Burnout Among Healthcare Workers: Diagnosis, Treatment, and COVID-19 Specifics]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniye. Vestnik VShOUZ*. 7(1). pp. 42–62. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-1-42-62

4. Kholmogorova, A.B., Petrikov, S.S., Suroegina, A.Yu., Mikita, O.Yu., Rakhmanina, A.A. & Roy, A.P. (2020) Professional'noe vygoranie i ego faktory u meditsinskikh rabotnikov, uchastvuyushchikh v okazanii pomoshchi bol'nym Covid-19 na raznykh etapakh pandemii [Professional Burnout and Its Factors Among Healthcare Workers Providing Care to COVID-19 Patients at Different Pandemic Stages]. *Zhurnal im. N.V. Sklifosovskogo “Neotlozhnaya meditsinskaya pomoshch'.”* 9(3). pp. 321–337. DOI: 10.23934/2223-9022-2020-9-3-321-337

5. Svistunov, A.A., Osadchuk, M.A. & Mironova, E.D. (2019) Vygoranie kak professional'naya problema sovremennogo zdravookhraneniya [Burnout as a Professional Problem in Modern Healthcare]. *Consilium Medicum*. 21(12). pp. 101–105. DOI: 10.26442/20751753.2019.12.190665

6. Olkinuora, M. (1990) Stress symptoms, burnout and suicidal thoughts in Finnish physicians. *Social Psychiatric Epidemiology*. 25. pp. 81–86.

7. Farber, B.A. & Heifetz, L.K.J. (1982) The process and dimension of burnout in psychotherapists. *Professional Psychology*. 13. pp. 293–301.

8. Whitley, T.W. (1991) Work-related stress and depression among physicians pursuing post-graduate training in emergency medicine an international study. *Annual Emergency Medicine*. 20. pp. 992–996.

9. Mingote Adan, J.C., Moreno Jimenez, B. & Galvez Herrer, M. (2004) Burnout and the health of the medical professionals: review and preventive options. *Med Clin (Barc)*. 123(7). pp. 265–270. DOI: 10.1157/13065203

10. Ostryakova, N.A., Babanov, S.A., Vinnikov, D.V., Sazonova, O.V., Gavryushin, M.Yu. & Kuvshinova, N.Yu. (2021) Pandemiya COVID-19 i psikhicheskoe zdorov'e meditsinskikh rabotnikov [COVID-19 Pandemic and Mental Health of Healthcare Workers]. *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. 61(9). pp. 627–632. DOI: 10.31089/1026-9428-2021-61-9-627-632

11. Govorin, N.V. & Bodagova, E.A. (2016) Sindrom emotsional'nogo vygoraniya u vrachey [Burnout Syndrome Among Physicians]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniya. Vestnik VShOUZ*. 1(3). pp. 98–106.

12. Ognerubov, N.A. (2013) Sindrom professional'nogo vygoraniya u vrachey [Professional Burnout Syndrome Among Physicians]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: estestvennye i tekhnicheskie nauki*. 18(4). pp. 1337–1341.

13. Gaponova, S.A., Mayorova, I.A. & Lovkov, S.G. (2016) Emotsional'noe vygoranie i kha-rakteristiki motivatsionnoy sfery spetsialistov pomagayushchikh professiy (na pri-mere meditsinskikh rabotnikov) [Emotional Burnout and Motivational Characteristics of Helping Professionals (Case Study of Healthcare Workers)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 3(51). pp. 100–107.

14. Chernyshkova, N.V., Dvornikova, E.O. & Malinina, E.V. (2018) Osobennosti sindroma emotsional'nogo vygoraniya u meditsinskikh rabotnikov gosudarstvennykh i chastnykh meditsinskikh uchrezhdeniy [Specifics of Burnout Syndrome Among Healthcare Workers in Public and Private Medical Institutions]. *Vestnik YuUrGU. Seriya “Psikhologiya.”* 11(4). pp. 61–72. DOI: 10.14529/psy180407

15. Mikov, D.R., Kulesh, A.M., Muraviev, S.V., Cherkasova, V.G., Chaynikov, P.N. & Solomatina, N.V. (2018) Osobennosti sindroma emotsional'nogo vygoraniya u meditsinskikh rabotnikov mnogoprofil'nogo statsionara [Burnout Syndrome Among Healthcare Workers in a Multidisciplinary Hospital]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 1. pp. 88–97. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-88-97

16. Emeliyanova, A.A., Kutashov, V.A. & Khabarova, T.Yu. (2017) Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena emotsional'nogo vygoraniya u vrachey i srednego meditsinskogo personala [Theoretical Foundations for Studying the Phenomenon of Burnout Among Physicians and Nursing Staff]. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik*. 2(2). pp. 23–26.
17. Zhukova, S.A. & Smirnov, I.V. Analiz usloviy i okhrany truda rabotnikov sfery zdavookhraneniya [Analysis of Working Conditions and Occupational Safety in Healthcare]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 4. pp. 145–154. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-145-154
18. Chastoedova, I.A. & Mukhacheva, E.A. (2017) Sravnitel'nyy analiz proyavleniy sindroma emotsional'nogo vygoraniya u meditsinskikh sester razlichnoy spetsializatsii [Comparative Analysis of Burnout Syndrome Manifestations Among Nurses of Different Specializations]. *Vyatskiy meditsinskiy vestnik*. 2(54). pp. 80–84.
19. Krasova, E.V. (2022) Vozdeystvie informatsionno-tekhnologicheskikh i kommunikatsi-onnykh stressorov na zdorov'e rabotnikov [Impact of Information Technology and Communication Stressors on Workers' Health]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya*. 62(9). pp. 616–626. DOI: 10.31089/1026-9428-2022-62-9-616-626
20. Serebryakova, E.A. (2021) Natsional'nye modeli pravovogo regulirovaniya otnosheniy po zashchite rabotnikov ot vozdeystviya psikho-sotsial'nykh riskov [National Models of Legal Regulation of Worker Protection Against Psychosocial Risks]. *Strategiya pravovykh preobrazovaniy v sfere truda i sotsial'nogo obespecheniya: perspektivy desyatiletiya (Shestye Gusovskie chteniya)* [Strategy of Legal Transformations in Labor and Social Security: Prospects for the Decade (Sixth Gusov Readings)]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 284–289.
21. Golovina, S.Yu., Sychenko, E.V. & Voytkovskaya, I.V. (2021) Zashchita ot nasiliya i domogatel'stv v sfere truda: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii i Kazakhstana [Protection Against Violence and Harassment at Work: Challenges and Opportunities for Russia and Kazakhstan]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 3(53). pp. 624–647.
22. Kursova, O.A. (2016) Sistema otsenki i upravleniya professional'nymi riskami: problemy pravovogo regulirovaniya [Occupational Risk Assessment and Management System: Problems of Legal Regulation]. *Lex Russica*. 10. pp. 182–191. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.182-191
23. Akimova, N.A., Andriyanova, E.A., Devlicharova, R.Yu. & Medvedeva, E.N. (2018) Psikho-sotsial'nye faktory riska v professional'noy deyatel'nosti srednego meditsinskogo personala [Psychosocial Risk Factors in the Professional Activities of Nursing Staff]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 11(4). pp. 420–438. DOI: 10.21638/spbu12.2018.403
24. Garipova, R.V., Berkheeva, Z.M. & Kuzmina, S.V. (2015) Otsenka veroyatnosti formirovaniya u meditsinskikh rabotnikov sindroma professional'nogo vygoraniya [Assessment of the Probability of Professional Burnout Development Among Healthcare Workers]. *Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny*. 8(2). pp. 10–15.
25. Lerouge, L. (2020) Priznanie “professional'nogo vygoraniya” professional'nym za-bolevaniem: yuridicheskaya otsenka, tseli i zadachi frantsuzskoy sistemy [Recognition of “Professional Burnout” as an Occupational Disease: Legal Assessment, Goals and Objectives of the French System]. *Ezhegodnik trudovogo prava*. 10. pp. 175–187.
26. Birzhenyuk, G.M., Egorov, P.A., Ilinskaya, E.A. et al. (2020) Optimizatsiya sotsial'no-trudovykh otnosheniy kak faktor profilaktiki professional'nogo vygoraniya [Optimization of Social and Labor Relations as a Factor in Preventing Professional Burnout]. St. Petersburg State University of Humanities and Social Sciences.

Информация об авторе:

Головина С.Ю. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

(Екатеринбург, Россия); профессор кафедры сравнительного правоведения и международного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия). E-mail: golovina.s@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.Yu. Golovina, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russian Federation); Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: golovina.s@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 21.10.2024;
approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья

УДК 347

doi: 10.17223/22253513/56/10

Механизм частноправового обеспечения строительства

Мария Павловна Имекова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, Imekova_Maria@mail.ru*

Аннотация. Средства частноправового регулирования общественных отношений в сфере строительства закрепляют две возможные модели поведения субъектов строительства: индивидуальную и договорную. Для каждой из них характерен свой способ реализации: правоотношение собственности и обязательственное правоотношение. В совокупности данные средства и правоотношения образуют определенный механизм частноправового обеспечения строительства – индивидуальный и договорный.

Ключевые слова: средства частноправового регулирования, правоотношение, частноправовое обеспечение, индивидуальная модель поведения в сфере строительства, договорная модель в сфере строительства, механизм

Для цитирования: Имекова М.П. Механизм частноправового обеспечения строительства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 120–127. doi: 10.17223/22253513/56/10

Original article

doi: 10.17223/22253513/56/10

The mechanism of private law provision of construction

Maria P. Imekova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Imekova_Maria@mail.ru*

Abstract. The article substantiates that legal means in the field of construction and legal relations for their implementation are elements of legal support for construction, not legal regulation. The latter is part of the legal provision: its purpose is limited exclusively to the regulation of public relations in the field of construction, and with the help of these means, which, in turn, is evidence of the static nature of the phenomenon in question. Legal support for construction, in contrast, is dynamic: it is designed to implement patterns of behavior provided for by legal means in the field of construction, within the framework of the legal relationship of construction. Thus, legal provision creates conditions for achieving the goal of the construction entity or entities.

Legal support for construction, depending on the purpose (type of satisfied interest – public or private), is proposed to be divided into two types: public law and private law. It is established that private law support for construction differs from public law in that it allows for the possibility of choosing or changing behaviors provided for by

private law means through the manifestation of legal initiative on the part of legal entities.; legal relations on the implementation of private legal means arise between legally equal entities with autonomy of will and property independence; private law provision of construction is characterized by such a type of legal regulation as permissive.

It is proved that private law means in the field of construction consolidate two possible models of behavior of subjects for their construction activities: individual and contractual. Each of them has its own way of implementation – the legal relationship of construction: the legal relationship of ownership or the legal relationship of obligations, respectively. Collectively, these elements of private law support for construction form its specific mechanism – individual or contractual. Within the framework of these mechanisms, a legal entity that is an authorized party to a legal relationship is endowed with a certain subjective right (subjective ownership right or subjective right to demand the creation of a building, structure, or structure), through the implementation of which he satisfies his interest in creating a building, structure, or structure.

Keywords: means of private law regulation, legal relationship, private law provision, individual model of behavior in the field of construction, contractual model in the field of construction, mechanism

For citation: Imekova, M.P. (2025) The mechanism of private law provision of construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 120–127. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/10

Понятие «механизм» получило в общей теории права детальную разработку при исследовании такой категории, как «правовое регулирование» [1. С. 250–251; 2. С. 33; 3. С. 91–115]. Традиционно под механизмом правового регулирования предлагается понимать «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой осуществляется правовое воздействие на общественные отношения» [1. С. 250–251]. Недостаток приведенного подхода заключается в том, что при нем к средствам предлагается относить и правоотношение.

Сущность правового регулирования заключается в регламентировании общественных отношений при помощи правовых средств, в которых определяются правила (модели) поведения участников таких отношений. Причем такие правила поведения представляют собой только идеальную модель поведения, которая «не действует» автоматически и лишь в процессе ее реализации в рамках правоотношения может привести к достижению поставленной его участниками цели [4. С. 214–216].

Как представляется, правовые средства и правоотношения по их реализации являются элементами правового обеспечения, а не правового регулирования. Последнее является статичной категорией, а правовое обеспечение динамичной: оно призвано реализовать модели поведения, предусмотренные правовыми средствами, в рамках определенного правоотношения. Таким образом правовое обеспечение создает условия для достижения цели [4. С. 216].

В зависимости от вида удовлетворяемого интереса правовое обеспечение можно условно разделить на две разновидности: публично-правовое и частно-правовое. Частноправовое обеспечение отличается от публично-правового тем, что допускает возможность выбора или изменения моделей поведения, предусмотренных частноправовыми средствами (речь идет, прежде всего, о нормах гражданского законодательства), путем проявления правовой инициативы со

стороны субъектов права; правоотношения по реализации частноправовых средств возникают между юридически равными субъектами, обладающими автономией воли и имущественной самостоятельностью; для частноправового обеспечения характерен такой тип правового регулирования, как общедозволительный [5. С. 153–155].

Безусловно, частноправовое обеспечение обладает своим механизмом.

Изначально понятие «механизм» возникло в рамках отдельной частной науки – механики, а затем стало активно заимствоваться иными отраслями знаний (биологией, химией, экономикой, психологией, социологией, юридической наукой и пр.). Общим во всех определениях механизма, встречающихся в данных науках, является его «ориентированность на осуществление определённых действий, на функционирование с целью получения определённых результатов. Причем достижение таких результатов обеспечивается с помощью осуществления каких-либо действий через наличие вполне определённых структур» [6. С. 97].

Как можно заметить, системообразующим признаком любого механизма является его принцип действия. Принцип действия по-разному определяется в философии, как и в других науках. Поскольку данный вопрос не входит в предмет настоящего исследования, в этой связи представляется возможным присоединиться к мнению ученых, справедливо предлагающих названный принцип рассматривать в двух аспектах – в гносеологическом и онтологическом. «В гносеологическом аспекте принцип действия представляет собой способ организации содержания или, другими словами, структуру объекта, системы, устройства и т.п. В онтологическом аспекте принцип действия означает форму поведения в определенных условиях или, иначе, конкретный способ реализации функции» [7. С. 32; 8. С. 102].

Представленный подход к анализу принципа действия механизма позволяет учесть его двуединую сущность: «...он призван определять одновременно и конкретный способ реализации, и способ организации содержания или структуру и задавать тем самым динамичность системы, а не статичность. Динамичность есть как раз то самое необходимое качество, свойство, которое присуще механизму в самом широком смысле» [6. С. 97].

Справедливость сказанного подтверждают разные примеры из сферы технических наук. В качестве одного из них можно привести пример механизма двигателя внутреннего сгорания. «Структура его механизма, т.е. соединение составных частей – звеньев – организована таким образом, что он обеспечивает выполнение основной функции – преобразование прямолинейного движения поршня во вращательное движение коленчатого вала. А все это в совокупности (структура и функция) и образует принцип действия механизма внутреннего сгорания, его динамичность» [6. С. 98].

Изложенное позволяет определить механизм «как особую систему взаимодействия, между элементами которой действуют дифференцированные связи и в основе которой лежит принцип действия, понимаемый одновременно как способ организации содержания и как конкретный способ реализации функции» [6. С. 98].

Приведенное определение механизма является актуальным для любой науки, в том числе и юридической науки. Соответственно, оно может быть использовано при исследовании механизма частнопровового обеспечения строительства.

Следует начать с того, что частнопрововое обеспечение строительства направлено на формирование условий удовлетворения частных интересов физических и юридических лиц в создании зданий, строений, сооружений. Как представляется, в этом состоит и функция механизма частнопровового обеспечения строительства.

Сам механизм частнопровового обеспечения строительства представляет собой систему взаимодействия (взаимосвязи) между ее элементами (частнопрововыми средствами в сфере строительства и правоотношениями строительства), в основе которой лежит принцип действия, который здесь представлен в весьма специфическом виде – в виде строительной деятельности. От того, как будет осуществляться данная деятельность, а именно посредством действий самого субъекта или посредством действий другого лица на основании договора (например, договора строительного подряда), зависит выбор субъектом или субъектами строительства структуры правовой связи между собой и иными лицами и способ ее реализации. Причем именно благодаря существующей возможности реализовать определённую правовую связь обеспечивается динамичность механизма частнопровового обеспечения строительства, соответственно, возможность его субъектов удовлетворить свой интерес.

Все допустимые структуры правовых связей находят отражение, главным образом, в тех моделях поведения, которые закрепляются частнопрововыми средствами в сфере строительства (см. ст. 219, § 3 гл. 37 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (далее – ГК РФ)). Всего предусматривается две такие модели: индивидуальная и договорная.

Индивидуальная модель строительства предлагает такую структуру правовой связи, при которой исключается тесное взаимодействие субъекта строительства с иными лицами. Поэтому в рамках данной модели он наделяется субъективным правом собственности, позволяющим ему посредством собственных действий перерабатывать строительные материалы и создавать таким образом здания, строения, сооружения, а в случае возникновения препятствий в таком создании со стороны иных лиц, как лиц, обязанных этого не делать, требовать от последних устранения соответствующих препятствий.

Договорная модель строительства основывается на тесном взаимодействии между субъектами строительства, благодаря чему один субъект получает возможность удовлетворить свой интерес в создании здания, строения, сооружения за счет действий другой стороны. Для того чтобы обеспечить такое взаимодействие, договорная модель строительства предлагает наделить одну сторону (управомоченную сторону) субъективным правом требования создания здания, строения, сооружения от другой стороны (обязанной стороны) с последующей передачей последней ей таких объектов, а также

возложить на обязанную сторону корреспондирующую данному праву обязанность создать эти объекты и передать.

От того, какую выберет субъект или субъект строительства модель поведения в сфере строительства, зависит способ ее реализации. Так, для индивидуальной модели строительства это будет правоотношение собственности. За счет реализации такого правоотношения, а именно за счет совершения ее управомоченной стороной собственных действий по созданию здания, строения, сооружения, она таким образом удовлетворит свой интерес в их создании. Для договорной модели это будет обязательственное правоотношение, в рамках которого только в случае исполнения обязанной стороной обязанности по созданию здания, строения, сооружения и их последующей передаче управомоченной стороне последняя удовлетворит свой интерес.

Как можно заметить, механизм частноправового обеспечения строительства предлагает две разные модели поведения и способы их реализации. Учитывая данное обстоятельство, предлагается выделять два разных механизма: индивидуальный и договорный.

Помимо того, что каждый из названных механизмов обладает своими специфическими частноправовыми средствами в сфере строительства и правоотношениями по их реализации. Однако самое главное, что отличает их друг от друга – это то субъективное право, которым управомоченная сторона правоотношения наделяется в том или ином механизме. Так, в индивидуальном механизме она наделяется субъективным правом собственности, в договорном – обязательственным правом требования. За счет реализации перечисленных прав управомоченная сторона и удовлетворяет свой интерес в создании здания, строения, сооружения.

По мнению Л.А. Чеговадзе, и с ней следует согласиться, «именно субъективное гражданское право составляет основу действия механизма правового регулирования» [9. С. 125] (в нашем случае – механизма частноправового обеспечения строительства). «Субъективное гражданское право – это не только всегда элемент правоотношения, но и вид правоотношения, в пределах которого образовалось субъективное гражданское право, обуславливает именно ему присущее состояние связанности субъектов правами и обязанностями, степень их конкретизации и материальное содержание их правомочий и обязанностей» [9. С. 125].

Кроме этого, как полагает ученый, «особенности механизма правового регулирования каждого типа гражданского правоотношения предопределяют также и способы защиты нарушенных субъективных прав, возможные к применению участников гражданских правоотношений в зависимости от того, в пределах какого правоотношения появилось и осуществляется субъективное право, в отношении которого возникает потребность его восстановления от нарушений» [9. С. 125].

Таким же определяющим значением обладают субъективные права, возникающие в рамках определенного механизма частноправового обеспечения строительства. Они не просто являются его элементом, а предоставляют то, к

чему стремится субъект строительства изначально как инициатор строительства, а затем как управомоченная сторона правоотношения – возможность посредством этих прав удовлетворить свой интерес в создании здания, строения, сооружения. Данные права обуславливают различные виды правоотношений строительства – правоотношения собственности и обязательственные правоотношения, которые по-разному связывают субъекта строительства и иных лиц либо субъектов строительства в процессе осуществления ими строительной деятельности, по-разному конкретизируют их как стороны правоотношений и определяют содержание принадлежащих им правомочий и обязанностей. В случае нарушения субъективного права, в зависимости от его вида, будут определяться способы его защиты. Это могут быть вещно-правовые или обязательственно-правовые способы защиты прав.

Таким образом, существует два вида механизма частноправового обеспечения строительства: индивидуальный и договорный. Каждый из них опосредует различные правовые связи, которые могут сложиться между субъектом строительства и иными лицами либо между субъектами строительства в процессе осуществления ими строительной деятельности.

Как представляется, «разнообразие» механизмов частноправового обеспечения строительства обусловлено разнообразием общественных отношений, составляющих предмет гражданского права как отрасли права. Ее предметом, как известно, являются имущественные, личные неимущественные и корпоративные отношения (см. ст. 2 ГК РФ). Каждая из названных групп общественных отношений отличается друг от друга объектами, специфика которых и определяет особенности как самой их структуры, так и особенности структуры их формы – правоотношений [9. С. 26–43; 10. С. 202–217].

Применительно к механизмам частноправового обеспечения строительства объект правоотношения строительства также имеет определяющее значение. Так, если в качестве такого объекта будут выступать строительные материалы, перерабатывая которые субъект строительства планирует создать здания, строения, сооружения, то вполне закономерно, что он выберет индивидуальный механизм частноправового обеспечения строительства, в рамках которого он как управомоченная сторона правоотношения собственности получит возможность такой переработки. Если в качестве объекта правоотношения будут выступать действия другого лица по созданию зданий, строений, сооружений с целью их последующей передачи определенному субъекту, и за счет действий такого лица данный субъект удовлетворит свой интерес в создании перечисленных объектов, то здесь необходимо будет использовать договорный механизм частноправового обеспечения строительства. В рамках последнего механизма возникнет обязательственное правоотношение, объектом которого будут выступать действия должника по созданию указанных объектов и их передаче.

В свою очередь, проведенный в рамках настоящей статьи анализ механизма частноправового обеспечения строительства позволяет дать ему следующее определение: механизм частноправового обеспечения строительства –

это такая совокупность его элементов, которая призвана опосредовать определенную правовую связь между субъектом строительства и иными лицами, а если субъектов строительства больше одного, то между субъектами строительства в процессе осуществления указанными субъектами строительной деятельности. В зависимости от вида опосредуемой правовой связи можно выделить две разновидности механизма: индивидуальный и договорный.

Список источников

1. Алексеев С.С. Правовое регулирование // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. М. : Статут, 2010. 495 с.
2. Васильев А.М. Категории теории права: к разработке понятийной системы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. 40 с.
3. Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 91–115.
4. Имекова М.П. Понятие правового обеспечения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 212–219.
5. Имекова М.П. Частноправовое обеспечение интересов // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 9 (202). С. 146–159.
6. Мартюшов В.Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов // Вестник Тверского государственного университета. Философия. 2015. № 3. С. 94–103.
7. Фигуровская В.М. Гносеологический анализ технического знания: генезис, сущность, структура : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1982. 36 с.
8. Чешев В.В. Техническое знание как объект методологического анализа. Томск : Издательство Томского университета, 1981. 92 с.
9. Чеговадзе Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 46 с.
10. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юридическая литература, 1974. 350 с.

References

1. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Statut.
2. Vasiliev, A.M. (1975) *Kategorii teorii prava: k razrabotke ponyatiynoy sistemy* [Categories of Legal Theory: Towards Developing a Conceptual System]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
3. Tarasov, N.N. (2020) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: stanovlenie ponyatiya* [Mechanism of Legal Regulation: Formation of the Concept]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 5. pp. 91–115.
4. Imekova, M.P. (2023a) The concept of legal support. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 212–219. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/487/24
5. Imekova, M.P. (2023b) *Chastnopravovoe obespechenie interesov* [Private Law Support of Interests]. *Lex Russica*. 76(9(202)). pp. 146–159.
6. Martuyshov, V.F. (2015) *Ponyatie “mekhanizm” v kontekste izucheniya sotsial'nykh pro-tsessov* [The Concept of “Mechanism” in the Context of Studying Social Processes]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filosofiya.”* 3. pp. 94–103.
7. Figurovskaya, V.M. (1982) *Gnoseologicheskii analiz tekhnicheskogo znaniya: genezis, sushchnost', struktura* [Gnoseological Analysis of Technical Knowledge: Genesis, Essence, Structure]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Rostov on Don.

8. Cheshev, V.V. (1981) *Tekhnicheskoe znanie kak ob"ekt metodologicheskogo analiza* [Technical Knowledge as an Object of Methodological Analysis]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Chegovadze, L.A. (2025) *Sistema i sostoyanie grazhdanskogo pravootnosheniya* [System and State of Civil Legal Relationship]. Law Sr. Diss. Moscow.

10. Khalfina, R.O. (1974) *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General Doctrine of Legal Relationship]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторе:

Имекова М.П. – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующей кафедры природоресурсного, земельного и экологического права, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Imekova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.17223/22253513/56/11

Региональные рынки труда и их правовое регулирование

Светлана Михайловна Миронова¹,
Дмитрий Владимирович Кожемякин²

¹ *Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия, smironova2019@yandex.ru*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, i@dv-k.ru*

Аннотация. Проведенный анализ правового регулирования региональных рынков труда с учетом таких факторов, как поддержка различных групп населения на рынке труда, а также развития дистанционной и платформенной занятости, позволил прийти к ряду выводов относительно влияния на развитие региональных рынков труда регионального нормативно-правового регулирования. Обосновано выделение ряда критериев, на основании которых лица, занятые на рынке труда, получают меры поддержки при трудоустройстве и в процессе занятости; определены виды используемых мер поддержки. Обоснована необходимость учета развития платформенной занятости в регионах в стратегических документах и нормативно-правовых актах, регулирующих региональные рынки труда.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, региональный рынок труда, регуляторные изменения, трудовые отношения, платформенная занятость, дистанционная занятость, самозанятые, предпенсионеры, семьи с детьми, поддержка населения на рынке труда

Источник финансирования: исследование проведено в рамках проекта № 24-28-20066 «Состояние рынка труда Волгоградской области: поведенческие траектории с учетом дистанционной и платформенной занятости» при финансовой поддержке Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области.

Для цитирования: Миронова С.М., Кожемякин Д.В. Региональные рынки труда и их правовое регулирование // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 128–141. doi: 10.17223/22253513/56/11

Original article

doi: 10.17223/22253513/56/11

Regional labor markets and their legal regulation

Svetlana M. Mironova¹, Dmitry V. Kozhemyakin²

¹ *Volgograd institute of management – branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration, Volgograd, Russian Federation, smironova2019@yandex.ru*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, i@dv-k.ru*

Abstract. The article analyzes the regional regulatory legal acts governing the labor market and employment; defines the categories of persons employed in the labor market and the support measures provided to them. A conclusion is made about the impact of remote and platform employment on the state of regional labor markets.

Currently, in the Russian Federation, on the one hand, there is a shortage of personnel and labor, which is becoming one of the serious risks for the economy. On the other hand, the restructuring of economic processes, under the influence of information technology, the development of the platform economy, leads to the fact that these processes affect changes in the labor market.

Two factors are identified that must be taken into account when regulating the regional labor market - 1) the allocation of different groups of the population for which separate support measures and preferences are established in the labor market, 2) the impact on the state of the labor market of remote and platform employment, which have been actively developing recently.

It is proposed to divide persons employed in the labor market into several groups: by age; by health status; by family status and the presence of children; in connection with a change in social status; in connection with a forced change of place of residence. Regulatory and legal acts aimed at establishing support measures for them in the labor market are adopted at the regional level for each of the named groups.

Subjects of the Russian Federation, implementing legal regulation of regional labor and employment markets, have not yet paid sufficient attention to the development of remote work and employment. On the one hand, this is due to the fact that remote employment is in demand only in certain sectors of the economy and for certain positions, in addition, not all subjects of the Russian Federation have good Internet coverage in remote areas, which complicates the very fact of remote employment. On the other hand, the personnel shortage in the labor market leads to the fact that vacancies within the framework of traditional employment remain unfilled. Thus, it is more relevant for regions to implement legal regulation of the labor market as a whole, without focusing on remote employment. In the absence of federal legal regulation of platform employment until the adoption of the relevant federal law on platform employment, regional legal acts that in one way or another regulate issues of platform employment in the constituent entities of the Russian Federation are unlikely to be adopted. Their adoption necessitates planning activities to develop platform employment in the regions, which also requires the allocation of appropriate financial support. At the same time, in the absence of clear terminology at the federal level, what is meant by platform employment, the understanding of how to develop it at the regional level is also called into question.

Keywords: employment, labor market; regional labor market, regulatory changes, labor relations, platform employment, remote employment, self-employed, pre-retirees, families with children, support for the population in the labor market

Financing: The study was conducted within the framework of project No. 24-28-20066 “State of the labor market in the Volgograd region: behavioral trajectories taking into account remote and platform employment” with the financial support of the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd region.

For citation: Mironova, S.M. & Kozhemyakin, D.V. (2025) Regional labor markets and their legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp.128–141. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/11

Введение

С научной точки зрения большое значение приобретает публично-правовое регулирование отношений в сфере труда и занятости населения, поскольку данные вопросы являются одним из направлений исследований, входящих в паспорт научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. При это с публично-правовой точки зрения данные вопросы исследуются в науке недостаточно.

Особый интерес представляют вопросы публично-правового регулирования отношений в сфере труда и занятости на региональном уровне, как наименее исследованные в юридической науке. Дефицит рабочих кадров, принятие нового национального проекта «Кадры», необходимость пересмотра кадровой политики в связи с появлением платформенной занятости вызывают необходимость исследования правового регулирования данных вопросов, в том числе определение современного состояния правового регулирования рынка труда в субъектах РФ, поскольку именно на региональном уровне учитывается специфика рынка труда и занятости исходя из различных факторов.

Рынок труда как совокупность экономических отношений, связанных с куплей-продажей рабочей силы, участвует в развитии экономики. С одной стороны, в России наблюдается дефицит кадров и рабочей силы, что становится риском для экономического развития, а также проводимой государством денежно-кредитной политики. С другой стороны, развитие цифровых платформ, формирование платформенной экономики влияют на изменение рынка труда [1].

Структуру рынка труда определяют разные элементы: например, одним из компонентов называют государственную и региональную политику в сфере труда и занятости [2. С. 10]. В других исследованиях к компонентам рынка труда относят юридические нормы, программы и решения [3. С. 6], что предполагает наличие широкой нормативной базы, которая позволяет обеспечивать баланс интересов работников и предпринимателей [4. С. 14]. Представляется необходимым говорить о балансе интересов более широкого круга субъектов – государства, которое проводит регуляторную политику в отношении труда и занятости; работодателей (к которым будут относиться как организации, так и индивидуальные предприниматели), работников, а также иных лиц, занятых на рынке труда – как самих предпринимате-

лей, так и самозанятых, число которых за последние несколько лет значительно выросло и по состоянию на 30 ноября 2024 г., по данным ФНС России, составляет почти 12 млн чел. На состояние рынка труда оказывают влияние и цифровые платформы, что также требует соответствующего правового регулирования.

Региональные рынки труда будут регулироваться как федеральным законодательством, которое устанавливает общие положения в области труда и занятости, так и региональными нормативно-правовыми актами, что обусловлено совместным ведением по вопросам трудового законодательства между РФ и субъектами РФ. Таким образом, система регионального законодательства, регулирующего региональный рынок труда, будет основываться на общих положениях федеральных законов.

Следует назвать два фактора, которые необходимо учитывать при регулировании региональных рынков труда: 1) выделение различных групп населения, которые имеют право на меры поддержки, оказываемые им при поиске работы на рынке труда; 2) влияние на состояние рынка труда дистанционной и платформенной занятости, которые активно развиваются в последнее время. Каждый фактор будет учитываться при формировании региональной нормативно-правовой базы в сфере труда и занятости.

Субъекты регионального рынка труда, в отношении которых осуществляется правовое регулирование

Рынок труда является неоднородным и представляет собой граждан различного статуса, возраста и других особенностей, который следует учитывать при вовлечении их в сферу занятости и труда. На рынке труда представлены разные категории работников, которые нуждаются в разных мерах поддержки, стимулирования и вовлечения их трудоустройство, помощи в обеспечении их занятости. В регионах правовое регулирование труда и занятости осуществляется как в целом, так и с учетом особого подхода, который применяют к различным категориям граждан, нуждающихся в трудоустройстве. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» выделяет ряд категорий занятых лиц, которые испытывают трудности в поиске работы. Такие категории выделены исходя из некоторых критериев, к которым можно отнести следующие:

- возраст лица (в этой группе выделены несовершеннолетние 14–18 лет и предпенсионеры);
- состояние здоровья (в эту группу отнесены граждане, которые подверглись радиации, и инвалиды);
- семейный статус и наличие детей (родители (одинокие и многодетные), усыновители, опекуны (попечители), имеющие детей до 18 лет или детей-инвалидов);
- смена места проживания (к ним отнесены беженцы и вынужденные переселенцы);

– смена социального статуса (лица, уволенные с военной службы; лица, освобожденные из мест лишения свободы; лица в возрасте 18–25 лет, получившие образование и ищущие работу).

В трудовом законодательстве такие основания установления особенностей правового регулирования труда, как наличие семейных обстоятельств, психофизиологические особенности, устанавливаются Трудовым кодексом РФ (ст. 252). Выделение таких категорий граждан обусловлено необходимостью предоставления им дополнительных мер поддержки, которые могут иметь различные формы, например, сопровождение при содействии занятости инвалидов, которое организуют органы службы занятости, или содействие приоритетному трудоустройству гражданам, завершившим прохождение военной службы, и др.

Необходимо рассмотреть, как осуществляется нормативно-правового регулирование в субъектах РФ в отношении регулирования труда и занятости таких категорий работников, а также установить, есть ли дополнительные категории граждан, в отношении которых осуществляется особое правовое регулирование в сфере труда и занятости на региональном уровне.

Предпенсионеры как особая категория работников была выделена недавно, в связи с увеличением пенсионного возраста в России. На практике часто встречается ситуация, когда при поиске кандидатов на ту или иную должность указывается предпочтительный возраст работников (что запрещено Трудовым кодексом РФ, а с 2018 г. введена ст. 144.1 Уголовного кодекса РФ, предусматривающая уголовную ответственность за необоснованный отказ предпенсионеру в приеме на работу), в связи с чем лица пожилого возраста имеют сложности с поиском работы и остаются невостребованными на рынке труда [5]. Следует отметить, что последние два года в связи со снижением уровня безработицы работники старшего поколения более востребованы на рынке труда. При этом многие из таких работников получали свою профессию много лет назад, нуждаются в переобучении, повышении квалификации, что дает им возможность найти работу по новой специальности и быть конкурентоспособными на рынке труда. В регионах принимаются специальные программы, нацеленные на профессиональное обучение и повышение квалификации лиц старше 50 лет и лиц предпенсионного возраста¹, в которых устанавливаются целевые показатели по трудоустройству таких лиц, закрепляется необходимость информирования как работников, так и работодателей, а также проведения мониторинга по трудоустройству. Кроме того, устанавливаются перечни приоритетных профессий, по которым обучаются предпенсионеры².

Для отслеживания ситуации на рынке труда предпенсионеров используются разные инструменты – создаются рабочие группы по вопросам оплаты

¹ Постановление Администрации Курской области от 26.10.2020 № 1066-па.

² Приказ Минсоцполитики УР от 10.10.2018 № 424.

труда¹, организуются телефоны горячей линии по фактам нарушений трудового законодательства² и др. В целях содействия занятости оказываются услуги по содействию самозанятости, проводятся специализированные ярмарки вакансий для лиц старше 50 лет³ и др. Доля трудоустроенных граждан старше 50 лет является одним из целевых показателей региональных программ по активному долголетию⁴.

Из анализа региональных нормативно-правовых актов можно увидеть, что поддержка в сфере труда и занятости распространяется не только на предпенсионеров, но и на лиц старше 50 лет, т.е. планка поддержки лиц старшего возраста со стороны государства снижена. Это обусловлено, как постепенным увеличением возраста выхода на пенсию, так и необходимостью вовлечения на рынок труда граждан, которые в силу возраста испытывают трудности с устройством на работу.

Среди лиц, на которые распространяются различные меры поддержки в сфере занятости и трудоустройства, следует назвать участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. С одной стороны, участники СВО могут быть отнесены к военнослужащим, в отношении которых Федеральный закон «О занятости» устанавливает ряд специальных норм. С другой стороны, анализ региональных актов показывает, что в настоящее время в субъектах РФ активно принимаются нормативно-правовые акты, направленные на защиту социальных и трудовых прав именно участников СВО. При этом используемые формулировки могут отличаться: участники СВО, ветераны СВО, инвалиды – ветераны СВО. Исходя из этого можно сделать вывод, что статус таких лиц будет отличаться, поскольку не каждый участник СВО будет иметь статус инвалида. Такие категории граждан нуждаются в социальной адаптации на рынке труда, психологической поддержке в сфере занятости⁵. Участнику СВО составляется индивидуальный план мероприятий по содействию занятости, который включает построение профессиональной траектории, консультационная поддержка, взаимодействие с работодателями и социальными координаторами фонда «Защитники Отечества»⁶.

В отдельных субъектах РФ также устанавливаются дополнительные гарантии в сфере трудовых отношений отдельным категориям граждан в связи с проведением СВО, например сокращение продолжительности рабочего дня супругу участника СВО⁷. При этом в силу компетенции региональных органов государственной власти такие нормативные акты будут носить обязательный характер только для региональных государственных органов и

¹ Распоряжение Администрации Никифоровского муниципального округа Тамбовской области от 21.01.2024 № 27-р.

² Постановление Администрации Петрозаводского городского округа от 15.01.2019 № 52.

³ Распоряжение Правительства Ленинградской области от 12.12.2019 № 836-р.

⁴ Постановление Правительства Ставропольского края от 23.10.2019 № 460-п.

⁵ Постановление Правительства Ленинградской области от 05.10.2023 № 688.

⁶ Постановление УГСЗН Ростовской области от 10.01.2024 № 1.

⁷ Указ Главы РБ от 13.04.2023 № 67.

подведомственных им организаций. Для всех остальных работодателей данный документ будет носить рекомендательный характер.

Так же, как и предпенсионерам, участникам СВО и членам их семей предоставляется возможность бесплатного профессионального обучения и повышения квалификации¹.

Особое внимание на региональном уровне уделяется занятости молодежи. В регионах принимаются долгосрочные программы по содействию занятости молодежи², которые приняты на основании Долгосрочной программы содействия занятости молодежи до 2030 г. К молодежи относятся лица от 14 до 35 лет, также учитываются такие факторы, как социальное положение и интересы (ценности). Исходя из предложенной нами классификации граждан, которые испытывают трудности при трудоустройстве, молодежь представлена в двух группах: 1) подростки в возрасте 14–18 лет, что обусловлено необходимостью дополнительной защиты несовершеннолетних; 2) лица в возрасте 18–25 лет, получившие образование и ищущие работу, что обусловлено отсутствием опыта и трудового стажа у таких граждан, что может затруднять им поиск работы.

Исходя из анализа региональных нормативно-правовых актов, следует сделать вывод, что в каждом субъекте РФ принимаются соответствующие акты с учетом особого положения отдельных категорий лиц на рынке труда. В числе новой категории работников, которым предоставляются меры поддержки на рынке труда, можно отнести участников СВО и членов их семей, статус которых находит закрепление начиная с 2022 г.

На уровне субъекта РФ могут быть предусмотрены разные меры поддержки для разных категорий работников исходя из проводимой социальной политики.

Правовое регулирование дистанционной и платформенной занятости в регионах

Дистанционная работа начала активно развиваться в России с использованием информационных технологий и развитием Интернета [6] и большой скачок получила в период пандемии COVID-19. Это обусловило и изменение трудового законодательства, и рост числа судебных споров по этому вопросу. Число дистанционных работников неизменно растет. При этом, если говорить о дистанционной занятости в широком смысле (не только в рамках трудовых отношений), число вовлеченных лиц будет еще больше, поскольку среди самозанятых и индивидуальных предпринимателей много лиц, продающих свои товары (выполняющих работы, оказывающих услуги) дистанционно, в том числе и в другие регионы России.

Сами правовые отношения между дистанционным работником и работодателем регулируются на федеральном уровне нормами Трудового кодекса

¹ Постановление Правительства Камчатского края от 01.12.2022 № 624-П.

² См., например: Распоряжение Правительства МО от 29.09.2022 № 925-РП.

РФ. Какие же вопросы дистанционной занятости будут регулироваться на уровне субъекта РФ и в каких пределах? Какое значение имеет дистанционная занятость для развития региональных рынков труда?

Лица, занятые на условиях дистанционной работы, могут трудоустроиваться как в своем регионе, так и за его пределами, не уезжая из региона, получают услуги и пользуются всем набором социальных благ по месту жительства (детские сады, школы, поликлиники и др.). Таким образом оставляют заработанные деньги в своем регионе.

Если же говорить о дистанционной занятости и других категорий граждан – самозанятых, предпринимателей, осуществляя свою деятельность дистанционно в разных регионах, помимо вышеназванного, налоги они платят в бюджет своего региона (так, в региональный бюджет поступает 67% налога на профессиональный доход, 100% налога по упрощенной системе налогообложения, в бюджет муниципального образования – 100% налога от патентной системы налогообложения). Таким образом, для региона становится выгодным использование его жителями дистанционной занятости.

Субъекты РФ, осуществляя правовое регулирование региональных рынков труда и занятости, пока еще не в достаточной степени уделяют внимание развитию дистанционной работе и занятости. С одной стороны, это обусловлено тем, что дистанционная занятость востребована только в определенных секторах экономики и по отдельным должностям, кроме того, еще не все субъекты РФ имеют хорошее интернет-покрытие в отдаленных районах, что затрудняет сам факт удаленной занятости. С другой стороны, кадровый дефицит на рынке труда приводит к тому, что вакансии в рамках традиционной занятости остаются не занятыми, таким образом, для регионов более актуально осуществлять правовое регулирование рынка труда в целом, без упора на дистанционную занятость. Тем не менее в отдельных регионах такие вопросы включаются в Стратегии социально-экономического развития субъекта РФ (далее – Стратегия). Например, в Воронежской области в Стратегии¹ к ожидаемым результатам такой цели, как повышение эффективности использования человеческого капитала, отнесли увеличение доли работников, которые работают дистанционно. При этом использование дистанционной формы занятости рассматривается как способ легализации занятости в целом. Также удаленные рабочие места способствуют пространственной мобильности трудовых ресурсов в тех местностях, где это необходимо.

В Смоленской области Стратегия ставит одной из задач по развитию рынка труда выявление барьеров, затрудняющих формирование дистанционной занятости². В Республике Коми в Стратегии³ в числе приоритетных направлений развития рынка труда и обеспечения занятости населения за-

¹ Закон Воронежской области от 20.12.2018 № 168-ОЗ.

² Постановление Администрации Смоленской области от 29.12.2018 № 981.

³ Постановление Правительства РК от 11.04.2019 № 185.

креплено содействие созданию необходимых условий для расширения возможностей дистанционной занятости, что будет способствовать рациональному использованию трудовых ресурсов.

В некоторых регионах в самой Стратегии социально-экономического развития ничего не говорится о развитии дистанционной занятости, но расширение данной формы занятости присматривается в иных документах, связанных с реализацией Стратегии как программного документа. Например, в Волгоградской области в отсутствие упоминания дистанционной занятости в Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г., в Платформе мероприятий по ее реализации в качестве ожидаемого результата по реализации мероприятия «Обеспечение высокой пространственной мобильности трудовых ресурсов» предусмотрено повышение дистанционной занятости¹.

Внедрение дистанционных технологий будет способствовать увеличению числа занятых в регионе, что также отражается в стратегических региональных документах².

В литературе исследуются преимущества и риски дистанционной (удаленной) работы и платформенной занятости для уязвимых групп [7]. В региональном законодательстве обеспечение дистанционной занятости предусматривается и для отдельных категорий работников: молодежи³; родителей с детьми⁴; инвалидов⁵; ветеранов, являющихся инвалидами⁶; женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей; женщин, относящихся к категории граждан предпенсионного возраста, а также женщин, имеющих инвалидность⁷; граждан старшего поколения⁸.

Так, расширение возможностей дистанционной занятости для родителей с детьми называется одной из дополнительных мер помощи семьям в Калужской области⁹. В Республике Коми уделяется внимание возможности трудоустройства с применением дистанционной занятости граждан старшего поколения и необходимости передачи информации о таких вакансиях в службы занятости¹⁰.

Таким образом, в субъектах РФ уделяется недостаточное внимание нормативно-правовому регулированию развития дистанционной занятости, в основном этот вопрос находит отражение в документах крупных населенных пунктов, с развитым интернет-покрытием и инфраструктурой. Следует прогнозировать развитие дистанционной занятости, поскольку интернет все

¹ Постановление Администрации Волгоградской области от 26.01.2024 № 33-п.

² Постановление Правительства МО от 11.10.2022 № 1092/36.

³ Распоряжение Правительства МО от 29.09.2022 № 925-ПП.

⁴ Постановление Правительства Калужской области от 28.06.2023 № 452.

⁵ Указ Губернатора ЯО от 03.04.2023 № 63.

⁶ Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 24.04.2023 № 37-пг.

⁷ Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 03.07.2023 № 13-рп.

⁸ Постановление Правительства РК от 27.11.2019 № 569.

⁹ Постановление Правительства Калужской области от 28.06.2023 № 452.

¹⁰ Постановление Правительства РК от 27.11.2019 № 569.

более проникает в нашу жизнь, и для отдельных категорий работников дистанционная занятость удобна как на постоянной основе, так и в порядке подработки. При этом в тех сферах, где дистанционная занятость наиболее востребована, например, ИТ-специалисты, все еще наблюдается нехватка рабочей силы, что приведет к увеличению числа работников, занятых дистанционно.

В отличие от дистанционной работы, которой уделяется достаточное внимание при регулировании трудовых отношений, платформенная занятость в силу отсутствия правового регулирования на федеральном уровне остается пока вне поля зрения региональных властей с точки зрения нормативного регулирования. В литературе правовые проблемы платформенной занятости исследуются с точки зрения правового статуса работника [8], развития законодательства о занятости [9] и др. Особое внимание уделяется зарубежному опыту становления платформенной занятости, поскольку эти тенденции характерны для всех государств [10]. На региональном уровне удалось встретить только один нормативно-правовой акт, в котором упоминается платформенная занятость – в Югре развитие платформенной занятости определяется Стратегией как предложение по выстраиванию концепции управления кадровым потенциалом региона¹.

При этом в отсутствие федерального нормативно-правового регулирования платформенной занятости до принятия соответствующего федерального закона о платформенной занятости, региональные нормативно-правовые акты, тем или иным образом регулирующие вопросы платформенной занятости в субъектах РФ, вряд ли будут приняты, поскольку их принятие вызывает необходимость планирования мероприятий по развитию платформенной занятости в регионах, что требует и выделения соответствующего финансового обеспечения. При этом в отсутствие четной терминологии, что подразумевается под платформенной занятостью, ставится под вопрос и понимание ее развития на региональном уровне.

Несмотря на отсутствие законодательного закреплённого понятия платформенной занятости, Росстат при выборочном обследовании рабочей силы собирает информацию, в том числе, и о наличии платформенной занятости², таким образом статистика платформенной занятости в настоящее время уже ведется.

В регионах развитие платформенной занятости отмечается в последние несколько лет, и появление таких работников вызывает необходимость защиты их прав на рынке труда, что отмечается как в научной литературе [1, 7, 9–10], так и на практике. В частности, Трудовой арбитражный суд для разрешения коллективных трудовых споров оказывает бесплатные консультации таким категориям работников³, а специально создаваемые профсоюзы

¹ Распоряжение Правительства ХМАО-Югры от 03.11.2022 № 679-рп.

² Приказ Росстата от 29.12.2023 № 707.

³ Решение МТК по регулированию социально-трудовых отношений от 07.10.2021.

(например, профсоюз Новый труд) предпринимают попытки по обеспечению защиты прав платформенных занятых¹.

Наблюдается размывание традиционного рынка труда за счет привлечения работы платформенных работников, при этом не всегда понятно, если в регионах создаются новые рабочие места, будут ли они предоставляться исключительно на условиях трудовых договоров либо могут быть использованы и другие формы занятости. Особенно, когда речь идет о развитии в регионах занятости в связи с открытием складов и других торговых объектов крупных торговых сетей и маркетплейсов (Wildberries, OZON и др.). Например, как отмечается в Отчете КУГИ Волгоградской области за 2022 г., строительство центра обеспечения омниканальной торговли на территории Волгограда ООО «Вайлдберриз» позволит создать дополнительных 5 000 рабочих мест². При ознакомлении с вакансиями, размещенными компанией Wildberries на информационном ресурсе hh.ru, можно найти вакансии с разными вариантами оформления: как на условиях полной занятости по трудовому договору (в том числе работа вахтовым методом), так и на условиях договора гражданско-правового характера, самозанятости. А в некоторых случаях (например, менеджер пункта выдачи заказов Wildberries) – без указания формы оформления. Это позволяет сделать вывод, что данная вакансия не будет оформлена трудовым договором. В других вакансиях (например, оператор call-центра) в разделе «Что мы ждем от вас» отмечено: «Статус самозанятого или готовность его получить». Представленные данные позволяют сделать вывод, что увеличение рабочих мест в регионе за счет строительства торговых объектов, складов и других центров маркетплейсов происходит не только за счет увеличения традиционной занятости по трудовому договору, но и за счет иных форм занятости, в том числе платформенной занятости. Таким образом, представляется необходимым быстрое принятие федерального законодательства о платформенной занятости с целью урегулирования данных вопросов и на региональном уровне, учета развития платформенной занятости в регионах в их стратегических документах и нормативно-правовых актах, регулирующих региональные рынки труда.

Заключение

Реализация национальных проектов играет важную роль в управлении государством. Регионы уже сейчас должны быть готовы к пересмотру кадровой политики и приведению своих нормативно-правовых актов в соответствие федеральному законодательству с целью эффективного регулирования региональных рынков труда. Можно выделить два фактора, которые необходимо учитывать при регулировании региональных рынков труда:

¹ URL: <https://новый-труд.рф> (дата обращения: 07.11.2024).

² Отчет о деятельности комитета по управлению государственным имуществом Волгоградской области перед жителями Волгоградской области за 2022 год. URL: <https://gosim.volgograd.ru/> (дата обращения 10.06.2024).

1) выделение различных групп населения, которые имеют право на меры поддержки, оказываемые им при поиске работы на рынке труда; 2) влияние на состояние рынка труда дистанционной и платформенной занятости, которая активно развивается в последнее время.

Обосновано выделение ряда критериев, на основании которых лица, занятые на рынке труда, получают меры поддержки при трудоустройстве и в процессе занятости: 1) по возрасту; 2) состоянию здоровья; 3) семейному статусу и наличию детей; 4) смене места проживания; 5) смене социального статуса.

В отношении каждой из названных групп на региональном уровне принимаются нормативно-правовые акты, направленные на установление мер поддержки для них на рынке труда. К таким мерам поддержки следует отнести: принятие специальных программ, нацеленных на профессиональное обучение и повышение квалификации; проведение мониторинга по трудоустройству; организацию телефонов горячей линии по фактам нарушений трудового законодательства для отдельных категорий граждан; проведение специализированных ярмарок вакансий; установление перечней приоритетных профессий для лиц отдельных категорий и др.

Субъекты РФ, осуществляя правовое регулирование региональных рынков труда и занятости, пока еще не в достаточной степени уделяют внимание развитию дистанционной работе и занятости. С одной стороны, это обусловлено тем, что дистанционная занятость востребована только в определенных секторах экономики и по отдельным должностям: кроме того, еще не все субъекты РФ имеют хорошее интернет-покрытие в отдаленных районах, что затрудняет сам факт удалённой занятости. С другой стороны, кадровый дефицит на рынке труда приводит к тому, что вакансии в рамках традиционной занятости остаются незанятыми, таким образом, для регионов более актуально осуществлять правовое регулирование рынка труда в целом, без упора на дистанционную занятость.

Следует прогнозировать развитие дистанционной занятости, поскольку Интернет все более проникает в нашу жизнь, и для отдельных категорий работников дистанционная занятость удобна как на постоянной основе, так и в порядке подработки. При этом в отдельных сферах, где дистанционная занятость наиболее востребована, например, ИТ-специалисты, все еще наблюдается нехватка рабочей силы, что приведет к увеличению числа работников, занятых в дистанционном формате.

В отсутствие федерального нормативно-правового регулирования платформенной занятости до принятия соответствующего федерального закона о платформенной занятости, региональные нормативно-правовые акты, тем или иным образом регулирующие вопросы платформенной занятости в субъектах РФ, вряд ли будут приняты, поскольку их принятие вызывает необходимость планирования мероприятий по развитию платформенной занятости в регионах, что требует соответствующего финансового обеспечения. При этом в отсутствие четной терминологии, что подразумевается под

платформенной занятостью, ставится под вопрос и понимание ее развития на региональном уровне.

Представляется необходимым быстрое принятие федерального законодательства о платформенной занятости с целью урегулирования данных вопросов и на региональном уровне, учета развития платформенной занятости в регионах в их стратегических документах и нормативно-правовых актах, регулирующих региональные рынки труда.

Список источников

1. Миронова С.М. Трансформация занятости в России в условиях гиг-экономики: перспективы правового регулирования // Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях гиг-экономики : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 18–19 мая 2023 г. Волгоград : Сфера, 2023. С. 64–68.
2. Солодилов А.В., Рябиченко С.А. Рынок труда в современной России: состояние и его регулирование. М. : Русайнс, 2023. 91 с.
3. Колесникова О.А., Зенкова О.А. Рынок труда: теория и практика : учеб. пособие. Воронеж : Научная книга, 2023. 72 с.
4. Кайдашова А.К., Сизганова Е.Ю., Рачкова А.В. Рынок труда Владимирской области: состояние, проблемы, механизмы регулирования. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 118 с.
5. Скачкова Г.С. «Серебряный» возраст на рынке труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 23–25.
6. Закалюжная Н.В. Основные черты дистанционной занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 37–40.
7. Шуралева С.В. О влиянии цифровых технологий на правовое регулирование труда и занятости уязвимых групп работников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 645–661.
8. Кулагина А.В. Правовые проблемы платформенной занятости: правовой статус работника // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 20–23.
9. Савенко Н.Е. Занятость, самозанятость и платформенная занятость граждан в свете законопроекта о занятости населения в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 26–41.
10. Лютов Н.Л. Платформенная занятость: проект новой директивы ЕС и нормы России и Казахстана // Закон. 2022. № 10. С. 72–81.

References

1. Mironova, S.M. (2023) Transformatsiya zanyatosti v Rossii v usloviyakh gig-ekonomiki: perspektivy pravovogo regulirovaniya [Transformation of employment in Russia under the gig economy: Prospects for legal regulation]. *Transformatsiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy v usloviyakh gig-ekonomiki* [Transformation of legal regulation of social relations in the gig economy]. Proc. of the International Conference. Volgograd, May 18–19, 2023. Volgograd: Sfera. pp. 64–68.
2. Solodilov, A.V. & Ryabichenko, S.A. (2023) *Rynok truda v sovremennoy Rossii: sostoyanie i ego regulirovanie* [Labor market in modern Russia: Current state and regulation]. Moscow: Rusayns.
3. Kolesnikova, O.A. & Zenkova, O.A. (2023) *Rynok truda: teoriya i praktika* [Labor market: Theory and Practice]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2023. 72 s.
4. Kaydashova, A.K., Sizganova, E.Yu. & Rachkova, A.V. (2020) *Rynok truda Vladimirskoy oblasti: sostoyanie, problemy, mekhanizmy regulirovaniya* [Labor market of Vladimirskoy oblasti: state, problems, mechanisms of regulation]. Vladimir: Vladimirskiy filial RANKhGS, 2020. 118 s.

Vladimir region: State, problems, and regulation mechanisms]. Vladimir: Vladimir Branch of RANEPA.

5. Skachkova, G.S. (2023) “Serebryanyy” vozrast na rynke truda [“Silver” age in the labor market]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 1. pp. 23–25.

6. Zakalyuzhnaya, N.V. (2019) Osnovnye cherty distantsionnoy zanyatosti [Main features of distant employment]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 37–40.

7. Shuraleva, S.V. (2023) O vliyaniy tsifrovyykh tekhnologiy na pravovoe regulirovanie truda i zanyatosti uязvimykh grupp rabotnikov [On the impact of digital technologies on legal regulation of labor and employment of vulnerable worker groups]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 4. pp. 645–661.

8. Kulagina, A.V. (2022) Pravovye problemy platformennoy zanyatosti: pravovoy sta-tus rabotnika [Legal problems of platform employment: Legal status of workers]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 20–23.

9. Savenko, N.E. (2024) Zanyatost', samozanyatost' i platformennaya zanyatost' grazhdan v svete zakonoproekta o zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii [Employment, self-employment and platform employment of citizens in light of the draft law on employment in the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo*. 2. pp. 26–41.

10. Lyutov, N.L. (2022) Platformennaya zanyatost': proekt novoy direktivy ES i normy Rossii i Kazakhstana [Platform employment: Draft EU directive and regulations in Russia and Kazakhstan]. *Zakon*. 10. pp. 72–81.

Информация об авторах:

Миронова С.М. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия). E-mail: smironova2019@yandex.ru

Кожемякин Д.В. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: i@dv-k.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.M. Mironova, Volgograd institute of management – branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration (Volgograd, Russian Federation). E-mail: smironova2019@yandex.ru

D.V. Kozhemyakin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i@dv-k.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

Научная статья
УДК 347.91/.95
doi: 10.17223/22253513/56/12

Акты материального и процессуального законодательства как формы упорядочивания процессуальных норм белорусского транспортного права

Татьяна Адамовна Сигаева¹

¹ *Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь, 296405@tut.by*

Аннотация. Анализируются доктринальные идеи о причинах установления гражданских процессуальных правил в нормативных правовых актах с материально-правовым компонентом. Устанавливаются факторы, обуславливающие фиксацию процессуальных норм транспортного права о претензионной и судебной защите в актах материального законодательства. Определяется оптимальная форма специализации правового регулирования защиты прав по транспортным делам.

Ключевые слова: процессуальные нормы, гражданское процессуальное законодательство, транспортное законодательство, связи норм, структура нормы

Для цитирования: Сигаева Т.А. Акты материального и процессуального законодательства как формы упорядочивания процессуальных норм белорусского транспортного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 142–150. doi: 10.17223/22253513/56/12

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/12

Acts of substantive and procedural legislation as a form of streamlining the procedural norms of Belarusian transport law

Tatyana A. Sigaeva¹

¹ *Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus, 296405@tut.by*

Abstract. The article focuses on determination of optimal legal forms of establishment of transport the law procedural norms on judicial and related protection of rights. It is noted that current procedural regulations of transport law are both in the acts of substantive and procedural legislation. Doctrinal ideas about reasons for registering the civil procedural rules in the normative legal acts with substantive component are analyzed. Factors causing registration of transport law procedural rules in substantive legislation acts in control state are defined.

It is determined that since the pre-revolutionary period the transport law has developed both in forms of substantive and procedural law. The author agrees with the opinion of scientists that the reason of the civil procedural norms pertaining to substantive legal acts is their inseparable connection with the substantive legislation. It is suggested that logical connections between the norms that cannot be comprehended apart from each other should be determined by the contact norms. As the reason for transport law

procedural regulations pertaining to acts with substantive law component, the author determines the connections between elements of procedural norms with mixed composition. They are characterized by the hypothesis pertaining to the field of substantive law, and the qualifying element - disposition - to the field of procedural law. Logical connections between substantive and procedural norms of transport law, as well as elements of norms with mixed composition in conjunction with norm-making technique requirements assurance determine optimality of establishment of procedural rules of transport law in acts with substantive component. In some cases the only reason for their being registered in these legal forms is norm-making technique requirements assurance.

It is argued that introduction into codified civil procedural legislation of the norms on transportation cases consideration procedure in their control state or with minor reworking is not expedient. Transposition is not excluded when the norms are qualitatively reworked, in cases of unification of rules governing judicial and related protection of rights on certain types of transport, where it is possible, development of rules with civil procedural structure that establish the order of civil legislation for transport cases, if needed.

Keywords: procedural norms, civil procedure legislation, transport legislation, connections between the norms, structure of norm

For citation: Sigaeva, T.A. (2025) Acts of substantive and procedural legislation as a form of streamlining the procedural norms of Belarusian transport law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 142–150. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/12

В состав транспортного права входят процессуальные нормы, направленные на регламентацию претензионного порядка и судебной защиты транспортных прав. Одним из ключевых вопросов упорядочивания норм права является определение правовых форм, в которых целесообразна фиксация данных правил. На сегодняшний день нормы, регулирующие процедуры защиты транспортных прав, находятся в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь [1] (далее – КГС), а также преимущественно в транспортном законодательстве. Для его решения представляется необходимым выявить причины нахождения процессуальных норм в материально-правовых актах и условия, при которых допустимо упорядочивание правил в форме кодифицированного процессуального акта.

В качестве факторов, обуславливающих нахождение процессуальных норм в актах материального права, Н.А. Чечина отмечает: 1) формирование гражданских процессуальных предписаний в лоне гражданского материального права, сопровождающееся взаимосвязями материальных и процессуальных норм и породившее традицию законодателя совместно с материально-правовыми устанавливать процессуальные правила; 2) длительное непризнание гражданского процессуального права в качестве самостоятельной отрасли права и, как следствие, отсутствие необходимости в систематизации гражданских процессуальных норм; 3) отсутствие критерия, по которому процессуальные нормы следует отличать от материально-правовых и процедурных [2. С. 30]. При этом к условиям допустимости фиксации гражданских процессуальных норм в актах материального законодательства Н.А. Чечина относит: 1) неразрывную связь гражданских процессуальных и

материально-правовых предписаний по содержанию; 2) связь между самостоятельными правилами по содержанию, предполагающую облегчение их усвояемости и применимости [2. С. 32]. Н.М. Кострова в качестве одной из причин соединения в нормативном правовом акте материальных и процессуальных норм также указывает на неразрывную связь между данными предписаниями [3. С. 15].

Анализируя факторы нахождения процессуальных норм в актах с преобладающим материально-правовым компонентом, следует согласиться с историческими предпосылками, оказавшими влияние на современное состояние транспортного и гражданского процессуального законодательства.

Общий устав российских железных дорог 1885 г. содержал правила предъявления претензий и исков, подсудности требований грузовладельцев и пассажиров к перевозчику, особенности признания железнодорожного общества несостоятельным [4. С. 67–70]. В послереволюционный период специальные процессуальные нормы о защите транспортных прав также устанавливались в актах законодательства с материально-правовым компонентом. В частности, п. 58 Устава железных дорог Союза ССР, утвержденного постановлением Совета Народных Комиссаров от 24 мая 1927 г. [5], определял накладную и ее дубликат в качестве доказательства взаимных прав и обязанностей сторон, участвующих в договоре перевозки; п. 117–118 – лиц, уполномоченных на предъявление претензий и исков к железной дороге, и обязанных на них отвечать; п. 119 – об обязательности соблюдения претензионного порядка урегулирования споров и исключительной подсудности исков к железной дороге и др. Пункт 4 Положения о морской перевозке, утвержденного постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 28 мая 1926 г. [6], предусматривал подтверждение договора морской перевозки грузов чертепартией и коносаментом, а при их отсутствии – исключительно письменными доказательствами; п. 51 определял право фрахтователя или получателя груза доказывать факты несохранности груза, принятого в поврежденном виде или с заметными по наружному виду недостатками упаковки или без числа, меры или веса, хотя груз данного рода по своему свойству мог быть сосчитан, измерен или взвешен, вследствие действий или упущений фрахтовщика или его служащих; п. 54 устанавливал билет в качестве доказательства подтверждения договора морской перевозки пассажира. В советском транспортном законодательстве содержались и другие процессуальные нормы.

В то же время предписания о защите транспортных прав содержались в процессуальных разделах смешанных актов или процессуальных актах. Так, ст. 22 раздела 4-го о судьях и судах Статута Великого Княжества Литовского 1566 г. предусматривала в качестве одного из дел, подлежащих немедленному рассмотрению, иски к лицам, которые перегородили судоходные реки [7. С. 288]. Статьи 34, 213¹ Устава гражданского судопроизводства 1864 г. устанавливали исключительную подсудность исков железной дороги к владельцам земель вдоль железнодорожных путей об уничтожении или перенесении сооружений, складов, раскопок и расщелин по месту нахождения имущества, подлежащего уничтожению или перенесению [8. С. 9, 54].

С принятием Гражданского процессуального кодекса Белорусской ССР 1964 г. [9] в ст. 25 появились правила о подведомственности дел, возникающих из договоров перевозки грузов в прямом международном железнодорожном и воздушном сообщении между организациями и органами транспорта, судам; в ст. 117 – предписания об исключительной подсудности исков к перевозчику, возникающих из договоров перевозки грузов, пассажиров и багажа, по месту нахождения транспортной организации, к которой была предъявлена претензия.

Особенностью процессуального регулирования защиты прав по транспортным делам является тот факт, что оно развивалось в правовых формах как материального, так и процессуального законодательства. С точки зрения численности специальных процессуальных норм, выдержанности регулирования – с превалярованием в материальном законодательстве.

Как следует из приведенных выше идей о причинах нахождения гражданских процессуальных норм в актах с материально-правовым компонентом, ученые единодушны в том, что их наличие в источниках материального права обусловлено неразрывной связью с материально-правовыми предписаниями. Н.А. Чечина такую зависимость толкует как невозможность понять материальную и процессуальную нормы в отрыве друг от друга [2. С. 32]. Данная трактовка представляется необходимой, поскольку между многими нормами КГС и законодательства с материально-правовым компонентом также присутствуют связи, которые являются по сути неразрывными. Так, КГС заимствует материально-правовую терминологию – налоги, сборы (пошлины), дееспособность, выморочное наследство и др. Однако такие нормы доступны для понимания несмотря на то, что содержатся в разных актах законодательства. В связи с данными обстоятельствами, логические связи между нормами, которые невозможно понять в отрыве друг от друга, более приемлемым нам представляется детерминировать как контактные. Логические связи между нормами, которые можно понять в отрыве друг от друга, – дистанционными. Проведенный анализ транспортного законодательства позволяет прийти к выводам о том, что незначительное количество материальных норм права находится в контактных связях с процессуальными нормами. Такое положение представляется закономерным, так как одним из признаков правовой нормы является ее формальная определенность [10. С. 259], в силу которой она выступает в виде самостоятельного конкретного и доступного для понимания правила поведения. Контактные связи в транспортном праве присутствуют между предписаниями, одно из которых дополняет другое по смыслу посредством имплицитной или эксплицитной отсылок одной нормы к другой. Внешне месторасположение данных норм в нормативном правовом акте, как правило, но не обязательно, ограничено определенной структурной единицей (статьей, абзацем и др.) или близлежащими структурными единицами. Одна из контактных норм может быть сформулирована в виде отсылочного или бланкетного предписания. Так, ч. 3 ст. 153 Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь [11] (далее – КВВТ) предусматривает возможность увеличения специальной компенсации в судебном порядке. Само понятие специальной

компенсации следует из ч. 2 этой же статьи. Без него затруднительно определить, о какой компенсации идет речь, так как законодательство предусматривает значительное количество компенсаций, являющихся специальными по своему назначению. Здесь присутствует имплицитная отсылка. Часть 2 ст. 298 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь [12] (далее – КТМ) также предусматривает возможность увеличения специальной компенсации в судебном или третейском порядке, но уже с учетом критериев, предусмотренных ч. 1 ст. 297 КТМ (спасенной стоимости судна и пр.). Здесь присутствует эксплицитная отсылка к норме ч. 1 ст. 297 КТМ.

В подавляющем большинстве случаев между материальными и процессуальными нормами в транспортном праве присутствуют дискурсивные дистанционные связи, в основе которых усматривается стремление законодателя обеспечить полноту регулирования соответствующих общественных отношений, нередко – в их последовательном развитии (в частности, гл. 9 КВВТ, регламентирующая последовательность совершения перевозочных операций, содержит в ч. 2 ст. 69 норму о допустимости доказательств: заключение договора перевозки груза внутренним водным транспортом подтверждается составлением коносамента). При этом транспортные материальные и процессуальные нормы могут быть поняты в отрыве друг от друга.

Некоторые из предписаний, которые находятся в контактных связях в законодательстве в контрольном состоянии, при систематизации в соответствующей форме могут быть изложены в отрыве друг от друга. Исключение составляют случаи, когда для обеспечения краткости нормы и компактности нормативного правового акта посредством использования эксплицитных или имплицитных отсылок сохранение таких связей целесообразно.

С нашей точки зрения, более веским фактором, обуславливающим нахождение процессуальных предписаний в актах с материально-правовым компонентом, являются не логические связи между процессуальными и материальными нормами, будь они контактными или дистанционными, а дискурсивные связи между элементами специальных процессуальных норм смешанного состава. В отличие от незначительного количества контактирующих норм специальные процессуальные предписания с гетерогенной структурой в транспортном праве присутствуют в весьма внушительном количестве. Для них характерно нахождение гипотезы в области материального права, а квалифицирующего элемента – диспозиции – в сфере процессуального права (ч. 1–4 ст. 307, ст. 309 КТМ и др.). Иногда сама диспозиция таких норм имеет смешанный характер (к примеру, ч. 3 ст. 64 КВВТ, ч. 10 ст. 75 КВВТ). Установление специальных процессуальных норм смешанного состава совместно с материальными нормами в транспортном нормативном правовом акте соответствует практически всем требованиям нормотворческой техники – краткости изложения предписаний, полноте регулирования соответствующих общественных отношений, ясности и доступности для понимания специальных процессуальных предписаний, единству терминологии в законодательстве, единообразию и однозначности терминологии нормативного правового акта, его логическому построению (ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [13]).

В КГС также имеются нормы со смешанной структурой. Они присутствуют как разрозненно (ч. 3 ст. 149, п. 3 ч. 1 ст. 241 и др.), так и объединены с процессуальными правилами в подразделы, главы, параграфы, устанавливающие особенности рассмотрения отдельных дел (их категорий). Вместе с тем усматривается стремление законодателя к установлению в КГС норм с процессуальной структурой. Введение норм о защите транспортных прав в КГС представляется логичным, если их в своем процессуальном составе будет не менее, чем норм со смешанным составом, что в текущем состоянии транспортного законодательства нами не обнаружено.

Оценивая приемлемость форм закрепления специализированных процессуальных норм, Н.М. Кострова отмечает, что чисто процессуальное законодательство, отражающее высокий уровень своего развития, предпочтительнее. К недостаткам законодательных форм с материально-правовым компонентом ученый относит отсутствие общих процессуальных норм, повышающих уровень правового регулирования, наличие коллизий и расхождений процессуальных предписаний [14. С. 65]. Исследуя пути систематизации законодательства о судебной защите семейных прав, Н.М. Кострова пришла к выводу о целесообразности включения раздела «Производство по семейным делам» в гражданский процессуальный кодифицированный акт [3. С. 23, 26].

С учетом действия Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», состояния правового регулирования защиты по транспортным делам экстраполиция идеи о включении семейных процессуальных норм в гражданский процессуальный кодекс на установление транспортных процессуальных предписаний в КГС видится нам на данном этапе преждевременной. Наличие в кодифицированном гражданском процессуальном акте общих положений не означает, что они не воздействуют на процессуальные нормы, находящиеся в актах с преобладающим материально-правовым компонентом. Последние дифференцируют гражданское судопроизводство, составляя его неотъемлемую часть применительно к рассмотрению и разрешению отдельных категорий дел, и в силу ст. 2–3 КГС входят в систему законодательства о гражданском судопроизводстве с присущей ей иерархией. Правовая неопределенность в законодательстве – частый феномен, обусловленный субъективными факторами в правотворческой деятельности, а также отставанием развития законодательства за общественными отношениями. Синхронизация общего и специального процессуального регулирования достигается за счет установления приоритета КГС перед иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы гражданского процессуального права, в силу ч. 5 ст. 23 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах».

Оформление правового регулирования процедур защиты транспортных прав в текущем состоянии в актах с материально-правовым компонентом помимо исторических предпосылок, логических связей между материальными и процессуальными нормами, а также элементами норм со смешанным составом имеет свои специфические причины в сфере нормотворческой техники.

Во-первых, КГС при регламентации производств по отдельным категориям дел выдерживает усеченный алгоритм процессуальных действий, например: подача заявления, его рассмотрение и решение суда по делу, изменяя и дополняя его в зависимости от специфики дела. Транспортное законодательство в основном не содержит норм, которые регламентировали бы последовательность совершения процессуальных действий при рассмотрении транспортных дел судом. Правовое регулирование судебной защиты транспортных прав сводится к установлению преимущественно отдельных особенностей гражданского судопроизводства и не соответствует в достаточной степени логике построения КГС.

Во-вторых, обособленная и значимая по объему группа специальных процессуальных норм транспортного права, регулирующих порядок предъявления претензий и исков, слита, чем обеспечивается одно из требований нормотворческой техники – краткость законодательства (абз. 3 ч. 1 ст. 28 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»). Разъединение данных норм и перенесение предписаний о возбуждении судопроизводства в КГС с оставлением правил о претензионном порядке в транспортном законодательстве повлечет увеличение нормативного массива. Перенесение всех предписаний о порядке предъявления претензий и исков в КГС вызовет алогизм в изложении его положений в виду того обстоятельства, что КГС в отличие от Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь не предусматривает общие правила претензионного порядка урегулирования споров.

В связи с вышеперечисленными факторами введение норм в КГС о гражданском судопроизводстве по транспортным делам в его текущем состоянии или с незначительной переработкой норм представляется на сегодняшний день нецелесообразным. Транспозиция может быть допустима при качественной переработке норм, унификации процессуальных правил, регулирующих защиту транспортных прав и законных интересов на отдельных видах транспорта, где она возможна, разработке правил с гражданской процессуальной структурой, направленных на установление особенностей гражданского судопроизводства по транспортным делам при выявлении в них необходимости.

Список источников

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь. 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобрен Советом Респ. 19 фев. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.
2. Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 2. С. 27–35.
3. Кострова Н.М. Судебная защита семейных прав : учеб. пособие / под ред. Н.М. Костровой. М. : Городец, 2008. 239 с.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М. : Статут, 2003. Кн. 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. 910 с.
5. Устав железных дорог Союза ССР : постановление Совета Народ. Комиссаров, 24 мая 1927 г. // СПС «КонсультантПлюс». Минск, 2025.

6. Положение о морской перевозке : постановление Центрального Исполнит. Комитета СССР, Совета Народ. Комиссаров СССР, 28 мая 1926 г. // СПС «КонсультантПлюс». Минск, 2025.
7. Доўнар Т.І., Сатолін У.М., Юхо Я.А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566. М. : Тэсей, 2003. 352 с.
8. Устав гражданского судопроизводства. Петроград : Государ. типография, 1914. 447 с.
9. Грамадзянскі працэсуальны кодекс Беларускай ССР : утв. Верхов. Советом Белорус. ССР 11 июня 1964 г. // Нац. библиотека Беларуси. URL: <https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/ba141135.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).
10. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права. Минск : Амалфея, 2004. 688 с.
11. Кодекс внутреннего водного транспорта Республики Беларусь: 24 июня 2002 г. № 118-З : принят Палатой представителей 29 мая 2002 г. : одобрен Советом Респ. 6 июня 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.
12. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь: 15 нояб. 1999 г. № 321-З : принят Палатой представителей 13 окт. 1999 г. : одобрен Советом Респ. 28 окт. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.
13. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 28.06.2024 г. № 15-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.
14. Кострова Н.М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1988. 144 с.

References

1. Belarus. (2025) *Kodeks grazhdanskogo sudoproizvodstva Respubliki Belarus'. 11 marta 2024 g. № 359-Z: prinyat Palatoy predstaviteley 31 yanv. 2024 g.: odobren Sovetom Resp. 19 fev. 2024 g.* [Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus. No. 359-Z of March 11, 2024: adopted by the House of Representatives on January 31, 2024: approved by the Council of the Republic on February 19, 2024]. ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk.
2. Chechina, N.A. (1984) *Sistema grazhdanskogo protsessual'nogo prava i sistematizatsiya zakonodatel'stva* [System of civil procedural law and systematization of legislation]. *Izvestiya vyssh. ucheb. zavedeniy. Pravovedenie*. 2. pp. 27–35.
3. Kostrova, N.M. (2008) *Sudebnaya zashchita semeynykh prav* [Judicial Protection of Family Rights]. Moscow: Gorodets, 2008. 239 s.
4. Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (2003) *Dogovornoe parvo* [Contract Law]. Vol. 4. Moscow: Statut.
5. USSR. (2025) *Ustav zheleznikh dorog Soyuzs SSR: postanovlenie Soveta Narod. Komissarov, 24 maya 1927 g.* [Charter of the Railways of the USSR: Decree of the Council of People's Commissars, May 24, 1927]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.
6. Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1926) *Polozhenie o morskoy перевозке: postanovlenie Tsentral'nogo Ispolnit. Komiteta SSSR, Soveta Narod. Komissarov SSSR, 28 maya 1926 g.* [Regulations on Maritime Transportation: Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR, May 28, 1926]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.
7. Doŭnar, T.I., Satolin, U.M. & Yukho, Ya.A. (2003) *Statut Vyalyikaga knyastva Litoŭskaga 1566* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1566]. Moscow: Tesey.
8. Russia. (1914) *Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Code of Civil Procedure]. Petrograd: Gosudar. Tipografiya.

9. Byelorussian SSR. (1964) *Gramadzyanski pratsesual'ny kodeks Belarusskoy SSR: utv. Verkhov. Sovetom Belorus. SSR 11 iyunya 1964 g.* [Civil Procedure Code of the Byelorussian SSR: approved by the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR on June 11, 1964]. [Online] Available from: <https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/ba141135.pdf> (Accessed: 14th January 2025).

10. Vishnevskiy, A.F., Gorbato, N.A. & Kuchinskiy, V.A. (2004) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Minsk: Amalfeya.

11. Belarus. (2025) *Kodeks vnutrennego vodnogo transporta Respubliki Belarus': 24 iyunya 2002 g. № 118-Z: prinyat Palatoy predstaviteley 29 maya 2002 g.: odobren Sovetom Resp. 6 iyunya 2002 g.: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 17.07.2018 g.* [Inland Water Transport Code of the Republic of Belarus: No. 118-Z of June 24, 2002: adopted by the House of Representatives on May 29, 2002: approved by the Council of the Republic on June 6, 2002: as amended by the Law of the Republic of Belarus of July 17, 2018]. ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk.

12. Belarus. (2025) *Kodeks torgovogo moreplavaniya Respubliki Belarus': 15 noyab. 1999 g. № 321-Z: prinyat Palatoy predstaviteley 13 okt. 1999 g.: odobren Sovetom Resp. 28 okt. 1999 g.: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 17.07.2023 g.* [Merchant Shipping Code of the Republic of Belarus: No. 321-Z of November 15, 1999: adopted by the House of Representatives on October 13, 1999: approved by the Council of the Republic on October 28, 1999: as amended by the Law of the Republic of Belarus of July 17, 2023]. ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk.

13. Belarus. (2025) *O normativnykh pravovykh aktakh: Zakon Resp. Belarus', 17 iyulya 2018 g. № 130-Z: v red. ot 28.06.2024 g. № 15-Z* [On Regulatory Legal Acts: Law of the Republic of Belarus No. 130-Z of July 17, 2018: as amended on June 28, 2024 No. 15-Z]. ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk.

14. Kostrova, N.M. (1988) *Teoriya i praktika vzaimodeystviya grazhdanskogo protsessual'nogo i semeynogo prava* [Theory and Practice of Interaction Between Civil Procedure and Family Law]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don University.

Информация об авторе:

Сигаева Т.А. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: 296405@tut.by

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sigaeva T.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus). E-mail: 296405@tut.by

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2025;
одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 28.01.2025;
approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 26.06.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2025. № 56

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 27.06.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 12,3. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 6372.

Дата выхода в свет 18.08.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru